

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 27 (66). № 4

Серия «Исторические науки»

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2014

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н, проф., академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф.-м. н, доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф.-м. н., проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н., проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н., проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н., проф.**Климчук С. В.** – д. э. н., доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф.-м. н., проф.**Непомнящий А. А.** – д. ист. н., проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н., проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н., проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н., проф.**Шоркин А. Д.** – д. филос. н., проф.**Редакционный совет серии «Исторические науки»:****Непомнящий А. А.**, доктор исторических наук, профессор (редактор серии) (aan@home.cris.net)**Герцен А. Г.**, кандидат исторических наук, профессор (ответственный секретарь)**Бачинская Е. А.**, доктор исторических наук, профессор**Ганкевич В. Ю.**, доктор исторических наук, профессор**Петрова Э. Б.**, доктор исторических наук, профессор**Платонова Н. И.**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник**Смынтына Е. В.**, доктор исторических наук, профессор**Тихонов И. В.**, доктор исторических наук, доцент**Тункина И. В.**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник**Филимонов С. Б.**, доктор исторических наук, профессор**Хмарский В. М.**, доктор исторических наук, профессор**Храпунов И. Н.**, доктор исторических наук, профессор**Щевелев С. С.**, доктор исторических наук, профессорПечатается по решению Ученого Совета Таврического национального университета
им. В.И. Вернадского, протокол № 10 от 14.11.2014 г.Подписано в печать 17.11.2014 г. Формат 70x100 1/16. 8,13 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12/14-УЗ.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007**«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»**

Науковий журнал. Серія «Історичні науки». Том 27 (66), № 4

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2013

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету

ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

© Таврический национальный университет, 2014 г.

УДК 930.1:7.071.1"1930/1935"

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АКАДЕМИКА ЖИВОПИСИ
Н. С. САМОКИША: ПИСЬМА И. М. ШАПОВАЛА (1930–1935)**

Андреева Л. Ю.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lu.scs@mail.ru*

Проанализированы неизвестные письма сотрудника Днепропетровского исторического музея И. М. Шаповала к академику Н. С. Самокишу. Впервые вводятся в научный оборот 13 писем И. М. Шаповала, наглядно показывающие характер общения и деятельности творческой интеллигенции в 30-е гг. XX в. из окружения художника.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, художник, Н. С. Самокиш, И. М. Шаповал, Д. И. Яворницкий.

Внимание исследователей многие годы привлекает эпистолярное наследие выдающихся людей. Введение в научный оборот неизвестных документов позволяет рассматривать историю через призму событий, связанную с жизнью и деятельностью конкретного человека или группы людей. Так изучение эпистолярного наследия академика живописи, заслуженного деятеля искусств РСФСР Николая Семеновича Самокиша (1860–1944) дает возможность выделить круг лиц, связанных не только с его профессиональной деятельностью, но и наглядно представить все формы общения художника. Фрагменты эпистолярного наследия Н. С. Самокиша сосредоточены во многих хранилищах (музеях, государственных и частных архивах, библиотеках) различных стран, в фондах его корреспондентов. Значительная часть комплекса переписки находится в личном архивном фонде академика (ф. 23), который хранится в Харьковском художественном музее. В основном, это письма к Н. С. Самокишу, общее количество составляет примерно 2000 документов. По своим социально-практичным функциям это письма служебного, научного, публицистического, дружеского и личного характера. В настоящем исследовании представлена часть неизвестной переписки Ивана Максимовича Шаповала с Николаем Семеновичем Самокишем. Изучение документов, вводимых впервые в научный оборот, обуславливает актуальность данного исследования.

Академик живописи Н. С. Самокиш значительную часть своих работ посвятил исторической проблематике. Нами уже доказано значительное влияние на создание картин, связанных с историей запорожского казачества, выдающегося ученого, академика Дмитрия Ивановича Яворницкого (1855–1940) [1; 2]. Благодаря тесному сотрудничеству и дружбе двух академиков увидели свет такие известные картины, как «Бой запорожцев с крылатыми гусарами при Желтых Водах, 1648», «Абордаж турецкой галеры», «Бой Ивана Богуна под Монастырищем, 1653» (1931), «Бунт на Сечи» (1932), «Поход запорожцев на Крым», «Бой Максима Кривоноса с Иеремией Вишневецким», «Бой под Царичанкою, 1709» (1934). Эти работы составляют историческое и культурное достояние народа. В этой связи примечательно, что, работая

над созданием уникальных полотен, Н. С. Самокиш по приглашению Д. И. Яворницкого в 1930 г. побывал в Днепропетровском историческом музее. Это определило на долгие годы круг его общения с лучшими представителями интеллигенции края. Проживая в Крыму в 30-е г. XX в., он тесно сотрудничал со многими деятелями науки и культуры г. Днепропетровска. Одним из них был Иван Максимович Шаповал (1905–2003). В то время он являлся сотрудником Днепропетровского исторического музея. Судя по всему, переписка между Н. С. Самокишем и И. М. Шаповалом началась сразу после посещения художником г. Днепропетровска. Музейный работник помогал академику во время работы с фондами. Письма И. М. Шаповала в количестве 13 (тринадцати) штук выявлены нами в личном архиве академика живописи Н. С. Самокиша в Харьковском художественном музее. Ответные письма художника до настоящего времени не обнаружены. Представленные документы (№ 1–13) являются рукописью, выполненной на украинском языке, и содержат автографы И. М. Шаповала. Бумага использовалась разного качества: от линованных стандартных тетрадных листов (№ 1, 5) до оборванных по краям, больше напоминающим скорую записку (№ 2, 6). Два письма – на почтовых открытках (№ 3, 4). Чернила в основном использовались черные, но были и красные (№ 5). Часть текстов писем выполнена синим карандашом (№ 2) и простым (№ 13). Документы носят характерные черты межличностной коммуникации, сопровождающейся элементами, отвечающими за техническое сопровождение, выполняемых Н. С. Самокишем работ по созданию картин для фондов и экспозиций Днепропетровского исторического музея. По сути, они являются полифункциональными, потому что их можно отнести как к личной, так и к деловой, служебной переписке. Авторская орфография и пунктуация сохранена. [...] – многоточием отмечены неопределенные фрагменты текстов. Даты, указанные в письмах, позволили определить период переписки с 1930 по 1935 гг. Он совпал со временем работы художника над известными картинами. Переписка наглядно показала, какую немаловажную роль играл сотрудник музея И. М. Шаповал. Он контролировал и своевременно информировал Н. С. Самокиша о доставке корреспонденции, о получении холстов, эскизов картин и различных посылок, об обсуждениях на научных советах музея. Это общение помогало художнику и позволило находиться постоянно в курсе событий, происходящих далеко за пределами г. Симферополя, в котором он проживал в это время. Впоследствии И. М. Шаповал стал известным ученым и писателем, автором работ, посвященных жизни и деятельности Д. И. Яворницкого [3]. В данной публикации представлены в хронологической последовательности письма И. М. Шаповала и комментарии к ним.

№ 1

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [4]

6 октября 1930 г.

Днепропетровск – Симферополь

Вельмишановний Микола Семенович!

Вдячний Вам за листа, ще більше зачеплений вашою ласкавістю, що Ви додержуєтесь свого слова, турбуючись при силі клопіт, надсилаєте дорогий для мене

подарунок «Київс[ьку] старину»¹. Любий Микола Семенович, я надто задоволений лишився тим, що Вам своїми мезерними поступками догодив, як були в нас. Тепер за пакунок: запакувавши полотна в ящик, я ще 24. IX вислав по в/адресі. [...] вона напевне вже дійшла, бо послана малою швидкістю, що до квитанції, то ми їх маємо: І за № 26339 і багажна квит. № 6884, але вони як грошові виправдуючи документи, зберігаються при музеї, і хлопці музейці порадили мені Вам передати так що, оскільки пакунок іменний, то Ви його на станції одержите по пред'явленні свого документа. В разі чого противного, телеграфуйте краще. Як Ви виїхали, то Дм[итро] Ів[анович] біля 10 день нездужав, тепер знову шкутильгає по музею, тією стежкою, що він протопав вкупі з Вами. Хлопці повертаються с Кічкасу², багато жалкують що немале щастя застають Вас при музеї. Щирий привіт од всіх музейців. Вдячний Вам і готовий на всякі послуги. Ув. Шаповал

6.X 1930 р.

№ 2

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [5].

17 октября [1930 г.]

Днепропетровск – Симферополь

Любий Микола Сем[енович]

Посилаю сьогодні ж оригінал двох докум. для викупу ящика, коли зможете якій з їх повернути назад, то будь ласка. Тепер дивна річ, Я й досі ще не одержав од вас посилку з тим подаруночком про який ви вдруге згадуєте в листах? Бувайте здоровенькі. Чи не заходив до Вас Заболотний, той, що лікувався в санаторії міста Сімферополь. Завтра висилаємо матеріали до історії «Бунту у Січі»³. Що новенького з робіт над муз. Ескізами. Кланяється Дм[итро] Ів[анович] за усім музейним капам Поваж[аючий] Вас Шаповал

№ 3

Письмо И. И. Шаповал – Н. С. Самокишу [6].

20 октября 1930 г.

Днепропетровск – Симферополь

Дорогий Микола Семенович!

Сьогодні одержав чомусь другу звісточку про якусь посилку, очевидно це від вас. Йду завтра на пошту і одержую. Не турбуйтеся, гадаю, що це й є, як раз вона, про яку я думав, що вона загинула.

З правдивою пошаною до Вас. Ув. Шаповал

20.X 1930

---

¹«Київська старина» – ежемісячний історико-етнографічний і літературний журнал. Издавався в Києві на руському мові в 1882–1907 гг.

²Кічкас – місцевість на правому березі Дніпра, в нинішнє час знаходиться в межах г. Запоріжжя. В 1734–1775 гг. Кічкас входив в Кодацьку паланку – адміністративно-територіальну одиницю Запорізької Січі.

³«Бунт на Січі» (1932) – картина, над створенням якої працював Н. С. Самокиш в 1930–1932 гг.

№ 4

Письмо И. И. Шаповал – Н. С. Самокишу [7].

24 октября 1930 г.
24.X.1930р.

Днепропетровск – Симферополь

Любий Микола Семен[ович]!

Ласкаво прошу Вас, дорогий Микола Семенович не турбуватись за посилку. Яв'їть собі що одрізок від переказу я зовсім не одержував, і звістку як писав, одержав вчора, а разом і посилку одержав за яку Вам од щирого серця виношу на все життя дійсну подяку. Любувалися тут collegi Вашим дарунком. Прекрасна і фотографія. Як з грїшми Ви навідувались. Чи налічуються вони [...]

Шануючій Вас Ув. Шаповал

№ 5

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [8].

08 ноября 1930 г.
м. Дніпропетровськ
музей, 8.XI. 1930 р.

Днепропетровск – Симферополь

Здравствуйте дорогий Микола Семенович!

Довгенько не одержуючи оце від будь якої звісточки, зважився вдатися до Вас цим листом і узнати про стан здоров'я та життя. Микола Семенович здається я Вам писав, а це ще раз красненько дякую за незабутній і для мене дорогий подарунок і журнал з в/ілюстр[ацією] та фото відбиток. В останній раз я вислав рекомєндов[аним] пакунком матеріал, що стосується картини «Бунт на Січі». Од Вас не маю звістки, чи не загинув часом він? Микола Семенович, оповістити, чи одержали полотно для картин? Чи довідувались Ви за грїшми, вони таки на В/рахункові лічаться, чи може там не в порядку справа? Що найбільше, дорогий Микола Семенович, усіх нас цікавить, так це хід роботи над картинами. Пам'ятаю, що останньому листі ви згадували, здається про те, що розпочали ескізну роботу над якимось картинами, М[икола] С[еменович], сповістити що Ви уже зробили з ескізів над якими картинами (розуміється музейними) Ви зараз зайняти. Ви скоріше з дописали «Богунами»¹ розквитувались, бо о той Максик² Нам клопіт такими картинами дає мабуть до пропасти. Сумненько трохи робиться у нас в музеї: Дм[итро] Ів[анович], щось оце знову захворів, сидить 4 день дома з обкутаним горлом. Матвієвський³ і Сап'ян⁴, як аспіранти н[ауково]-д[ослідній] кафедри⁵, на чолі якої стояв Дм[итро] Ів[анович] переї-

¹«Богун» – картина Н. С. Самокиша «Бой Ивана Богуна под Монастырищем, 1653» (1931).

²Лебедь Максим Максимович (1889–1939) – украинский писатель и общественный деятель, в конце 20-х гг. – директор Дома литераторов имени Василя Блакитного (г. Харьков). После 1933 г. арестован и выслан в концлагерь в Чибью (Ухта). В 1939 г. расстрелян.

³Матвиевский Павел Евменович (1904–1987) – историк, музейный деятель, в 20-е г. XX в. работал заведующим отделом этнографии и ученым секретарем в Днепропетровском областном историко-археологическом музее, в 30-е г. – в Харькове заместителем директора Центрального исторического музея имени Г. С. Сковороды.

⁴Сапьян Федор Михайлович – в 20-е г. XX в. работал в Днепропетровском областном историко-археологическом музее, участник многих археологических экспедиций, обнаружил и доставил в музей «каменных баб».

⁵Днепропетровская научно-исследовательская кафедра украиноведения.

здять днями до Харкову. Треба людей на вакантні посади, фахівців шукать, та де їх на таку убогу сотню зараз знайдем. Не хочу Вам надлужувати з «Чабаном»¹. Краще поволі зробіте. Ну, любий Микола Семенович, бувайте здоровенькі. Дайте будь ласка відповіді по зацікавленим питанням. З пошаною до Вас, завжди готовий до послуги. Ув. Шаповал.

№ 6

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [9].

28 ноября 1930 г.

Днепропетровск – Симферополь

Дорогий Микола Семенович!

Від щирого серця Вам вдячний за ту послугу важку, що ви виконали, я одержав «Чабана». Радий ще більше що справа з картинами посувається. Сьогодні поштою є і Дм[ит]ру Івановичу від Вас пакунок, очевидно, це той пакунок про якого Ви згадуєте в своєму листі до мене. Зараз відправляю його Дм[итра] Ів[анови] ча. З правдивою пошаною Ув. Шаповал

28.11.1930

№ 7

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [10].

21 декабря 1930 г.

Днепропетровск – Симферополь

В/шановний Микола Семенович!

Сам навіть збирався написати Вам листа про ті речі, що одержав од Вас Дм[итро] Ів[анович], та залишив через те, що гадав що дасть відповідь сам Дм[итро] Ів[анович]. Одже дивує мене те, що дійсно чомусь це він не відповідає досі.

Кажу, що речі, 2 пакунки від Вас одержав, ескіз при нас в музеї відкрив і всі дивилися, а потім він забрав, сказав в одночас, що ви це йому прислали для наведення критики і що сам ескіз лишається в подарунок йому. Хвалився, що одержав ще якусь книгу, яку саме не бачив.

Яж добре знаю, бо цим цікавився у Вас, як були тут, що Ви всі ескізи надсилатиме до музею, щоб Дм[итро] Ів[анович] наводив критику і повертав до вас для виконання картин, навіть нагадав я при всіх : так Дм[итро] Ів[анович] так цеж треба йому посилати, бо картину цього ж писати буде? Він щось сказав, з чого я зрозумів, що Ви таке йому даруєте його. Хто правий чи я, чи він – судите саме? Коли я, то вдруге нагадувати йому, щоби він таке повернув, я не буду, незручно. Тоді ви пишть прямо до його, він здоровий, веселий ходе до музею щодня. От все що міг сказати, по суті в/прохання. Бувайте зорові, мій М[икола] С[еменович]. Шануючий Вас Ів. Шаповал.

PS Сап'ян уже переїхав до Харкову. І як у вас робота над останніми картинами, я цікаво, чи ви поробите з початку ескізи, а потім картини чи так: ескіз і зразу ж з його картину, окремо кожную роботу. ІвШаповал

21.XII.1930 р.

---

¹«Чабан» – работа Н. С. Самокиша. Художник частенько выполнял графические рисунки на заказ или в подарок.

№ 8

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [11].

14 февраля 1931 г.

Днепропетровск – Симферополь

Дорогий Микола Семенович!

Чомусь довненько Ви до нас нічогосьенько не пишете. Беру вину пополам, бо здається й з музею за цей інтервал ніхто неписнув. Хочу, любий М[икола] С[еменович], оцім листком довідатись про стан вашого здоров'я, бо залежить і все останнє, що мені цікавитиме. В останньому листі пригадую, ви натякнули на про ескіз другої картини. Як і всі музейні так і досі чекаємо цього ескизу. Та мабуть у вас готовенька вже й перша картина «Запорожці відбивають ясир»¹. Так от любий М[икола] С[еменович] напишіть про це все, як хід справи. Дм[итро] Ів[анович] ходє в музей, здоровенько почуває себе. В цьому році мають відбудувати новий музей. Всього доброго. Шануючі Вас І. Шаповал

14 II 1931

№ 9

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [12].

27 февраля 1931 г.

Днепропетровск – Симферополь

Здравствуйте любий Микола Семенович!

Скучив я за Вами і дуже приємно стало на душі, коли одержав від Вас досить втішного листа. Прошу не сумнівайтесь; про те що ескіз вперше проглядає Сап'ян – Дм[итро] Ів[анович] знати не буде. Радусь мене ще те, що робота Ваша над картинами посувається енергійно. Бережить, не застужуйтесь, бо здається не таке у Вас здоров'я, як було колись, замолоду. Попрацюйте ще де-кілько десятків літ на користь суспільства й країни. Дуже велике надаєте мені щастя, як знову завітаєте до нас на літо. Тут, в куточку – де музей, чарівне місце: повітря, дерева, висока «запорізька» – каже Дм[итро] Ів[анович] трава і тд. Приїздіть, задоволення буде і для нас і для Вас. Дм[итро] Ів[анович] в музей ходить, ще здоровенький. Сьогодні гостює Харківське начальство з НКО. Дм[итро] Ів[анович] угощає їх зперше 3-х годинною лекцією, обводячи по музею. Бувайте здоровенькі, любий Микола Семенович! Щиресенько обіймаю Вас.

м.Дніпроп. 27/II. 1931р. Ів. Шаповал

№ 10

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [13].

23 марта 1931 г.

Днепропетровск – Симферополь

м. Дніпропетровське, краєвий музей

Здравствуйте Любий Микола Сем[енович]!

Вибачайте, що я своїми надокучливими листами відриваю Вас од вашких завдань, якими Ви зараз добре перевантажені. Ескіз Ваш Дм[итро] Ів[анович] вкупі з іншими співроб[ітниками] музею розглядав і напевно Ви уже одержали від нього певні думки, щодо рецензії. У Вас мабуть здавна уже тепло, а у нас лише оце днів

---

¹«Запорожці відбивають ясир» – картина, выполненная Н. С. Самокишем, по заказу Д. И. Яворницкого для Днепропетровского исторического музея.

3–4, як сонечко почало по весняному горіть. Так і знайте, М[икола] С[еменович], що як [...] буде тепло, як зазеленіють трави, дерево – приїздить сюди. Хотів Вам сповістити ще, що отой мій тов. Заболотній, що був у музеї при Вас і збирався їхати до Криму на лікування – недавно помер від чахотки, гарний і добрий був чоловігя. Музей вшанував його пам'ять – повісивши біографію з фото в етнограф[ічний] відділ та зібрали для дітей грошенят. Мені з дня в день докучають тут музейні хлопці, зокрема художник – пресмор. Соляник, що я передав до Вас їхня прохання. Чи не можна Вам, не придаючи багацько клопіт, хоч трішки тютюню купити. А то бідняги позбирають «бички» повз музею, той споживаються з того. І зараз пригадаю аромат того тютюню, що Ви курили з своєї трубки. Вибачте за таке пусте прохання.

Шануючий Вас Іван Шаповал
23.III.1931р.

№ 11

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [14].

15 апреля 1931 г.

Днепропетровск – Симферополь

м. Дніпропетровське

15.IV.1931р.

Любий Микола Семенович!

Красенько Вам дякую за вашкі турботи. Цигарочки одержав. Ще більше Вам вдячні співроб. Музею, що Ви їх підгодували, хоч по пачичці. По секрету скажу Вам одну пачку дав Серафимі Дм[итрівні]. Вона тайком од Дм[итра] Ів[ановича] покурює. Дуже рада. Ви знаєте, Мик[ола] Сем[енович], що у нас 14 випав добрий сніг і ось третій день морози. В музеї з 1.IV не топлять. Так що в моїй кімнаті, як у [...]. Кажуть, щоб мабуть і [...] пропала. Скажу Вам М[икола] С[еменович] що не тільки я скучаю за Вами, а й дід Михайло зі старенькою своєю, що Вам молочко купували, часто згадують добрим словом. Я цікавлюсь, як здоров'я Ваше, чи не вадить вона Вам в роботі. Як наші картинки? Боронь Вас М[икола] С[еменович] припустити думку, що цими питаннями підганяю в виконанні робіт над картинами. Чекатиме стільки, скільки Ви знайдете потрібним. Бувайте добрий наш Микола Семенович, здоровенькі. Щиресенько тисну Вашу руку.

Шануючий Вас Ів. Шаповал

PS: за цигарочки перед Вами я в боргах.

Сподіваюсь, що прийдете весні?

№ 12

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [15].

26 июня 1931 г.

Днепропетровск – Симферополь

м. Дніпропетровськ

красвий музей

19 26/VI 31

Вельмишановний батько Микола Семенов!

Палкий привіт і велике спасибі Вам, дорогий М[иколо] С[еменович], за Ваші турботи. Вчора одержав від Вас гостинця не лише я, а й ті, що димок пускають.

Дуже вам дякує і вітає Серафима Дм[итрівна]¹. На сьогодні ми маємо в повнім розквіті красу природи. Коли б приїхали – зачарувалися. Трошки Дніпро шкоди наробило, розлилося і затопило було місто аж до проспекта к.м. (по низу) зараз відходе. Чули що в листопаді цього року вже навіки нестане порогів. Отож дорогий М[икола] С[еменович] приїздить та об'їздити з Дмухав. Всі запорожськи гнізда й розпрощаєтесь з історичними місцями. Дм[итро] Ів[анович] уже 3 дні не приходите, поперек покручи є щось, кажуть знову піднімається і незабаром буде. Експедиція археологічна вже з місяць як проводить розкопи. Вітання од усіх музейців. Уже не турбуйтеся більше М[иколо] С[еменовичу] з тими клопотами, що я раніше Вам завадав. Я переповнено задоволений Вашими.... й послугами, чого я ніколи не заслуговую од Вас. З правдивою пошаною до Вас Ів. Шаповал

№ 13

Письмо И. М. Шаповал – Н. С. Самокишу [16].

3 августа 1935 г.

Днепропетровск – Симферополь

Високоповажний професоре Микола Сем[енович]!

Чи Ви живі і здорові!? Мабуть уже років два минуло як порвавалося між нами листування. До Вас, очевидно так багато пише, що Ви [...] могли й забувати. Я – бив секретарем Дніпроп[етровського] краєвого музею Шаповал Іван Макс[имович]. Пригадуєте? Я незнаю чи Ви й досі живите на старому місці чи вже десь в другому. Так або інакше рискну й пишу ще Вам листа. Я зараз в Одесі в санаторії Аркадія. Тут я з 18 VII по 16 VIII. 17VIII буду в Севастополі, а числа 19–20 – в Сімферополі. Дуже прошу, коли можна дозвольте до Вас завітати хоч хвилин на 20. Я страшенно за Вами скучив і взагалі хотів своїм візитом відійти честь великій людині, що все своє життя, все своє здоров'є й енергію віддала народові на ниві художній творчості. Коли б пощастило це здійснити мені я був би дуже радий. Вам від душі вдячний. Отже пишу сповістити мені на таку адресу: Одеса, Аркадія, санаторій № 1. Шаповал И. М. [...] З великою пошаною до Вас Ів. Шаповал

19.3/VIII 35

Таким образом, письма сотрудника Днепропетровского исторического музея И. М. Шаповала к академику живописи Н. С. Самокишу наглядно подтверждают факт переписки между ними в 30-е г. XX в. В основном это деловые документы, но в некоторых содержится сугубо личная информация. Данная публикация является продолжением изучения и введения в научный оборот документов из эпистолярного наследия заслуженного деятеля искусств РСФСР Н. С. Самокиша. Это даст возможность дальше открывать неизвестные страницы жизни и деятельности выдающихся подвижников науки и культуры 20-30-х гг. XX в., расширить окружение академика живописи, что способствует созданию коллективного портрета. Творческая интел-

¹Яворницкая Серафима Дмитриевна (1879–1943) – жена академика Д. И. Яворницкого, бывшая студентка (1918–1920) историко-филологического факультета Екатеринославского университета, была другом и секретарем ученого, благодаря ей были подготовлены многие работы Д. И. Яворницкого и архивные документы.

лигенция внесла значительный вклад в дело сохранения и приумножения исторического и культурного наследия народа, выполняла просветительскую функцию. Важная роль в этом деле принадлежала и рядовым музейным работникам, таким как И. М. Шаповал.

Список использованных источников и литературы

1. Андреева Л. Ю. Маловідоме листування академіків: Д. І. Яворницький – М. С. Самокиш / Л. Ю. Андреева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. : «Исторические науки». – 2011. – Т. 24(63), № 2. – С. 14–22.
Andreeva L. Ju. Malovidome listuvannja akademikiv: D. I. Javornic'kij – M. S. Samokish / L. Ju. Andreeva // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ser. : «Istoricheskie nauki». – 2011. – Т. 24(63), № 2. – С. 14–22.
2. Андреева Л. Ю. Эпистолярный диалог академиков: Н. С. Самокиш – Д. И. Яворницкий / Л. Ю. Андреева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. : «Исторические науки». – 2012. – Т. 25(64), № 1. – С. 3–15.
Andreeva L. Ju. Jepistoljarnyj dialog akademikov: N. S. Samokish – D. I. Javornickij / L. Ju. Andreeva // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ser. : «Istoricheskie nauki». – 2012. – Т. 25(64), № 1. – С. 3–15.
3. Шаповал И. М. В пошуках скарбів / И. М. Шаповал. – К. : Радянський письменник, 1963. – 302 с., іл.
Shapoval I. M. V poshukah skarbiv / I. M. Shapoval. – K. : Radjans'kij pis'mennik, 1963. – 302 s., il.
4. Архив Харьковского художественного музея (далее – АХХМ), ф. 23, оп. 2, переписка И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 6 октября 1930, 1 л.
Arhiv Har'kovskogo hudozhestvennogo muzeja (dalee – АННМ), f. 23, op. 2, perepiska I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 6 oktjabrja 1930, 1 l.
5. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 17 октября [1930], 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 17 oktjabrja [1930], 1 l.
6. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 20 октября 1930, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 20 oktjabrja 1930, 1 l.
7. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 24 октября 1930, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 24 oktjabrja 1930, 1 l.
8. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 8 ноября 1930, 2 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 8 nojabrja 1930, 2 l.
9. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 28 ноября 1930, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 28 nojabrja 1930, 1 l.
10. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 21 декабря 1930, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 21 dekabrja 1930, 1 l.
11. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 14 февраля 1931, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 14 fevralja 1931, 1 l.
12. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 27 февраля 1931, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 27 fevralja 1931, 1 l.
13. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 23 марта 1931, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 23 marta 1931, 1 l.
14. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 15 апреля 1930, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 15 aprelja 1930, 1 l.
15. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 26 июня 1931, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 26 ijunja 1931, 1 l.
16. АХХМ, ф. 23, оп. 2, И. М. Шаповал Н. С. Самокишу, 3 августа 1935, 1 л.
АННМ, f. 23, op. 2, I. M. Shapoval N. S. Samokishu, 3 avgusta 1935, 1 l.

Andreeva L. U. Epistolary heritage of academic painting N. Samokish: letters I. Shapoval (1930–1935) / L. U. Andreeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 3–12.

Reviewed and analyzed unknown letters employee Dnepropetrovsk historical museum I. Shapoval to Academician N. Samokish. First introduced in the scientific revolution 13 letters I. Shapoval, clearly showing the nature of communication and creative intelligence activities in the 30-ies. XX century. from the environment of the artist. An academician of painting N. Samokish significant part of its work devoted historical issues. We have already demonstrated a significant impact on the creation of paintings related to the history of Cossacks, a prominent scientist, academician D. Yavornitsky (1855–1940). Thanks to close cooperation and friendship between the two academics have seen the light such famous paintings as «Fight the Cossacks with winged Hussars at Yellow Waters, 1648», «Boarding Turkish galleys», «Fight Ivan Bohun under Monasteryshche, 1653» (1931), «Mutiny on the Host» (1932), «Hike the Cossacks to the Crimea», «Battle of Tsarichanka, 1709» (1932). Presented correspondence clearly showed what an important role he played at the museum. I. Shapoval controlled and timely informed N. Samokish sending correspondence about getting canvases, sketches and paintings of various parcels of the discussions at the Scientific Council of the museum. This communication helps artists and allowed to be constantly aware of the events taking place far outside of Simferopol, where he lived at the time. Subsequently I. Shapoval became a famous scholar and writer, author of works devoted to the life and work of D. Yavornitsky.

Keywords: epistolary heritage, artist, N. Samokish, I. Shapoval, D. Yavornitsky.

УДК: 94 (477)(=112.2) «182/185»

ОХОТА И ПТИЦЕЛОВСТВО В АСКАНИИ-НОВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ганкевич В. Ю.

*Кафедра региональной истории и специальных дисциплин
Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*

Статья посвящена малоисследованному сюжету из истории всемирно известного заповедника Аскания-Нова. Раскрываются природные особенности асканийской степи в так называемый дофальцфейновский период. Указывается специфика природопользования владельцами имения в первой половине XIX века. Даются описания отдельным охотам, проходившим в степях Таврии в указанный период, называются некоторые участники. Отмечается существование в ангальтской колонии специальных законов, регулировавших время охоты на различные виды животного мира степи. В работе также рассмотрена деятельность администрации ангальтской колонии, направленная на формирование орнитологической коллекции Ангальт-Кетенского княжества.

Ключевые слова: Аскания-Нова, Ангальт-Кетен, Дофине, охота, птицеводство, орнитология

Ныне Аскания-Нова является всемирно известным заповедником, где сохраняется девственная степь и живут на воле многие экзотические животные. Сам поселок городского типа был основан в 1828 г. по указу императора Николая I для развития на степных просторах Северного Причерноморья тонкорунного овцеводства.

За это дело взялся герцог небольшого немецкого государства Ангальт-Кетен Фердинанд Фридрих. После его смерти в 1830 г. Ему наследовал брат герцог Хайнрих. А в 1856 г. это хозяйство было продано герцогом ангальт-дессау-кетенским Леопольдом IV колонисту Ф. Фейну, правнук которого Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн создал знаменитый заповедник.

В первой половине XIX века степные просторы Юга Украины были малонаселены и столь же недостаточно освоены. В большей степени они были пригодны для овцеводства. Разумеется, что огромные степные массивы тогда изобиловали дичью.

Говоря о герцогских временах в Аскании-Нова, Владимир Эдуардович Фальц-Фейн восторженно писал: «охоту в степи можно по праву назвать превосходной, хотя здесь полностью отсутствует четвероногая дичь, нет крупных зверей. Охотник находит для себя удовлетворительную замену в виде имеющейся в изобилии пернатой дичи». На этой огромной территории для такой благородной охоты, сколько пожелаешь коршунов орлов-могильников, дроф, лебедей, цапель, пеликанов, куропаток, уток, вальдшнепов, бекасов и чаек всех видов [1].

В 1832 г. во владения ангальт-кетенского герцога в Таврической губернии с инспекцией прибыл А. фон Бер. Он описал большие стаи перелетных птиц и их разнообразие, существовавшее в те времена. Особенное внимание А. фон Бер уделил миру пернатых. В то время он увидел множество жаворонков, черных дроздов, дятлов, соек, стрепетов, аистов, журавлей, карликовых и больших дроф. Им были отмечены и большие беркуты, «которых огромное множество и которые не стесняются садиться возле дороги на верстовых столбах и курганах, здесь их хорошо видно» [2].

А. фон Бер писал, что в колонии существовали «законы о правилах охоты». Они гласили, «о том, что не разрешается стрелять в запретное для охоты время, на что здесь строго обращают внимание». Степные ресурсы колонисты использовали «как дойную корову, то есть берут все, что только можно; впрочем, они действуют очень благотворно для сохранения дичи и охоту можно назвать довольно эффективной». А. фон Бер отмечал, что «более чем 100 зайцев были убиты нашим охотником в течении года и он никогда не возвращался домой без значительной добычи – часто справедливо обращая свое внимание против вредных хищных птиц» [3]. Местными охотниками регулярно проводились волчьи облавы. (Сами волки часто становились и жертвами степных пожаров). А. фон Бер вспоминал, что однажды охотник-колонист принес маленького волчонка, которого содержали перед зданием администрации. Этот волк стал ручным «как собака, ластился и лизал ему знакомых, прыгал на них, однако, каждый вечер после захода солнца появлялся характерный равняющийся немецкому рогу ночного сторожа вой, который часто соответствовал

сильно удаленному вою его степных братьев и сестер» [4].

Старые пастухи могли еще холодными зимними ночами многое рассказать об охоте на волков, – писал в начале XX в. В. Э. Фальц-Фейн. Описываемые им события происходили, по-видимому, в первые годы колонизации герцогских степей. Стаи волков появлялись в степях, незаметно вторгаясь в герцогские стада. Если нечего есть в голодной степи, то и сейчас волки могли напомнить о себе, – вспоминал В. Э. Фальц-Фейн. Приносимые ими убытки для овчарен исчислялись не только количеством похищенных голов, но и тем, что они разгоняли целые стада, оставляя после себя растерзанных животных.

Х. Унгевиттер.

Казачи-охотники в степи Аскания-Нова

носимые ими убытки для овчарен исчислялись не только количеством похищенных голов, но и тем, что они разгоняли целые стада, оставляя после себя растерзанных животных.

Сама организация охоты осуществлялась либо в виде облавы, либо в виде засады, либо в виде парфорса¹, для которого в степи существовала великолепная порода борзых. С помощью этих собак на стремительных степных лошадках быстро настигают зайца, след которого взяли. Теперь уже стала редкостью охота на волков, так как этот хищник из-за постоянно увеличивающегося населения в степях все больше вытеснялся вглубь страны [5].

На охоту в Асканию-Нова еще в герцогские времена приезжали и любители из Германии. Например, в 1851 году в колонии побывали член Общества немецких Орнитологов помещик А. Х. Кюльц. Им было сделано интересное описание серого коршуна (*Vultur cinereus*). Он спрашивал о серых коршунах местных пожилых татар.

¹ Парфорсная охота – вид псовой охоты, когда зверей загоняют до изнеможения.

Те утверждали, что раньше в степи можно было найти большие колонии этого вида птиц. Теперь же такое встречается крайне редко. Однако А. Х. Кюльц, прежде видел вместе пятерых коршунов. Эта птица, обычно, смелая и осторожная, в асканийских степях ему казалась ленивой и беззаботной. Она садилась на деревья, одиноко разбросанные по степи. Этому немецкому помещику рассказывали, что несколько лет назад пастухи были вынуждены отпугивать коршунов дубинами от водопоя, чтобы овцы могли спокойно попить. Птиц все еще можно увидеть беззаботно купающимися в стоячей воде (даже если они знают, что за ними наблюдают). Коршуны опускались в воду и время от времени слегка трясли крыльями, тем не менее, не окуная голову. При питье они вытягивали голову вверх, как гуси. Жара делала их такими ленивыми или усталыми, что если подстрелить одного коршуна, то его сородич даже не улетит. По вечерам коршун взлетал высоко в небо, и казалось, что ветер вдыхал в него бодрость.

Сохранилось интересное описание его охоты в асканийской степи: «Как-то я ехал верхом в степь, чтобы полюбоваться на миллионы цветущих тюльпанов, – писал этот немецкий орнитолог. – Когда я был примерно в 6 верстах от дома, мой конь стал раздувать ноздри и становиться на дыбы. Став спокойнее, он, не двигаясь, просто пристально смотрел вперед. Я приготовился к преследованию волка, так как думал, что это он прятался в высокой траве. Вдруг с земли безмятежно поднялся серый коршун и спокойно полетел над равниной. Я думал, что на том месте, с которого он взлетел, найду гнездо; но я не нашел ничего – только ямку, в которой отдыхала птица. После я не встречал коршунов в этой местности» [6].

Х. Унгевиттер. Охотники с собаками в степи

Известно, что герцог Хайнрих был покровителем науки и любил природу. Еще в 1835 году он издал Указ на имя лесничего М. Мерца. Главным требованием герцога была присылка птиц, обитавших в его колонии в степях Таврии. При дворе герцога Генриха состоял и работал выдающийся ученый, основатель научной орнитологии профессор Иоганн Фридрих Науманн (1780–1857), который живо интересовался пернатым миром, в том числе и Юга Украины. Изготовленные чучела птиц из Аскании-Нова до сих пор хранятся в орнитологической коллекции герцогского замка в Кетене. Это ремесло было не в диковинку в Аскании-Нова.

А.Х. Кюльцу тоже удалось заполучить тушку коршуна для таксидермии. Известно, что инспектор-овчар Франц Биллеб подарил ему красивый экземпляр серого коршуна, подстреленного дробью. Именно эта тушка убитой птицы предназначалась для таксидермического опыта. Но вмешалась погода. За полчаса хранения в подвале «этот прекрасный экземпляр» стал разлагаться, запах стал распространять-

ся по помещению, «а избавиться от него можно было очень и очень нескоро». Отчаянно пытаясь сохранить коршуна, приезжий орнитолог А.Х. Кюльц и местный лесник М. Мерц попытались освежевать птицу. Для изготовления чучела они расположились в «маленькой роще» в машинном парке. «Мы должны были беспрерывно курить крепкие сигары во время работы для того, чтобы не упасть в обморок от запаха», – вспоминал немецкий орнитолог [7]. Асканийский лесник смочил шкурку убитого серого коршуна и повесил ее на гвоздь для того, чтобы она не испортилась. Тем не менее, спасти ее им не удалось. Неудача коснулась и вопроса поиска яиц и птенцов серого коршуна.

В марте А.Х. Кюльц поохотился и на стрепета – птицу семейства дрофиных. Он вспоминал: «В первые дни, когда весна хочет начать свое господство, приходят карликовые дрофы, в этой местности очень популярные гости, все они словно сговорившись прибыть ночью». В это время их можно было встретить повсюду, даже там, где еще накануне за день не было ни одного. Сначала они держались стайками примерно по 15 особей. Они были очень робкие и осторожные. Так, что охотнику никак не удавалось подстрелить ни одной из этих птиц. Только самцы стрепета вокруг шеи имеют черное оперение.

Выстрел испугал их, и они поспешили приземлиться. Охотник последовал за ними, но больше не стрелял. Преследование птиц продолжалось пока не стемнело, и уже не было возможности их ни видеть, ни подстрелить.

Через несколько недель после прилета, у стрепетов начинался брачный период, самки высиживали яйца. Они делали лишь небольшие полеты низко от земли, словно чувствуя опасность. В брачный период шея самцов становилась значительно больше. Тогда с них было трудно сдирать шкуру, так как шейная часть легко рвалась. Осенью они сбивались в стаи и далее продолжали свое совместное путешествие.

В асканийской степи чаще всего карликовых дроф давили машины. Когда стрепет видел технику, которая двигалась прямо на него, то он обычно пугался. А когда машина подъезжала ближе, то он либо отлетал на небольшое расстояние; и тогда уже задача охотника его подстрелить – напрасна; дрофа либо пряталась в траву, либо смело стояла, не собираясь двинуться с места. В двух последних случаях птице было не выжить. Мясо стрепета признавалось очень вкусным и похожим на мясо фазана. Поэтому в то время в городе за мясо карликовой дрофы можно получить хорошие деньги.

Помещику А.Х. Кюльцу было очень сложно вырастить тех молодых дроф, которым уже было примерно 14 дней, и даже тех, которые уже хорошо могли питаться

Х. Унгевиттер. Псовая охота в Аскании-Нова

самостоятельно. Вопреки тщательному уходу они погибали. 5 мая его крепостной принес двух живых дроф и яйца, несколько из которых в своем оливково-зеленом цвете имели красивые красно-коричневые рисунки в виде веночков. В другом гнезде было 5 желтых яиц. Дроф можно поймать в то время, когда они кладут навоз и лошадиные волосы вокруг своих гнезд [8].

Помимо континентальной части колонии – собственно Аскании-Нова, герцогу принадлежал небольшой участок на побережье Черного моря. Он носил название Дофине. Ангальтцы полагали, что в этой части колонии была прекрасная охота. Обычными ее объектами были волки, зайцы и куропатки. Особенно популярной была охота на морских птиц [9]. В Дофине в больших количествах встречались все их виды. Этим птиц часто убивали дубинками, когда они, ослабевшие от длинных перелетов над морем, падали здесь весной или осенью. В марте и апреле на отмели намытого течением островка местные жители и рыбаки в огромных количествах собирали яйца морских птиц [10].

Известный ученый В.Д. Треус уже в конце 60-х годов XX века писал, что из птичьего многообразия «района Аскании-Нова не исчез ни один вид, однако такие типичные степняки, как стрепет (*Otis tetrah L.*), дрофа (*Otis tarda L.*) ... и некоторые другие, прежде водившиеся здесь в большом количестве, гнездятся теперь лишь изредка, а на пролетах и зимовках встречаются только в небольшом числе, – отмечал он. – Правда, дрофа в некоторые годы зимует здесь большими стаями, однако стрепет и степной журавль стали редкостью» [11].

Тот же В.Д. Треус в своем фундаментальном труде отмечал, что к концу 60-х годов XX века «в асканийских степях сохранились лишь мелкие млекопитающие, главным образом грызуны, хищные и некоторые представители других отрядов». Большую ответственность ученый возлагал на человека, который прямым или косвенным вмешательством, уменьшая площади целинных земель, привел к такому плачевному результату [12].

К сожалению, места с изобилием дичи на южно-украинской степи сегодня уже не те, что в первой половине XIX века. Большинство ее территорий были распаханы и окультурены. Слава Богу, что сохранился небольшой участок целинной степи, которая может показать нам какой была природа края более 150 лет назад. И этот чудный оазис называется Аскания-Нова.

Список использованных источников и литературы

1. Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова. – К. : Аграрная наука, 1997. – С. 37.
Falts-Fejn V. E. Askaniya-Nova. – K. : Agrarnaya nauka, 1997. – S. 37.
2. Behr A. von. Meine Reise durch Schlesien, Galicien, Podolien nah Odessa, der Krimm, Konstantinopel und zurück über Moskau, Petersburg, durch Finnland und die Jansel Rügen im Sommer 1832. Erster Teil. – Leipzig: C.H.F. Hartmann, 1834. – p. 115.
3. Behr A. von. Meine Reise durch Schlesien, Galicien, Podolien nah Odessa, der Krimm, Konstantinopel und zurück über Moskau, Petersburg, durch Finnland und die Jansel Rügen im Sommer 1832. Erster Teil. – Leipzig: C.H.F. Hartmann, 1834. – p. 115.
4. Behr A. von. Meine Reise durch Schlesien, Galicien, Podolien nah Odessa, der Krimm, Konstantinopel und zurück über Moskau, Petersburg, durch Finnland und die Jansel Rügen im Sommer 1832. Erster Teil. – Leipzig: C.H.F. Hartmann, 1834. – p. 117.
5. Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова. – К. : Аграрная наука, 1997. – С. 37.
Falts-Fejn V. E. Askaniya-Nova. – K. : Agrarnaya nauka, 1997. – S. 37.

6. Kütz A.H., Pässler W. Vultur cinereus. Olis tetrax und O. tarda in der Steppe // Journal für Ornithologie. – 1854. – № 8. – p. 183.
7. Kütz A. H., Pässler W. Vultur cinereus. Olis tetrax und O. tarda in der Steppe // Journal für Ornithologie. – 1854. – № 8. – p. 184.
8. Kütz A. H., Pässler W. Vultur cinereus. Olis tetrax und O. tarda in der Steppe // Journal für Ornithologie. – 1854. – № 8. – P. 184 – 185.
9. Relhert J. F. Staats und Adreß Handbuch für die Herzogthümrt Anhalt-Dessau und Anhalt-Köthen. – Dessau: Moriß Raß-Aue'she Buchhandlung, 1851. – p. 111.
10. Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова. – К. : Аграрная наука, 1997. – С. 38–39.
11. Falts-Fejn V. E. Askaniya-Nova. – K. : Agrarnaya nauka, 1997. – S. 38–39.
12. Треус В. Д. Акклиматизация и гибридизация животных в Аскании-Нова. 80-летний опыт культурного освоения диких копытных и птиц. – К. : Урожай, 1968. – С. 32.
13. Treus V. D. Akklimatizatsiya i gibridizatsiya jivotnyih v Askanii-Nova. 80-letniy opyt kulturnogo osvoeniya dikih kopyitnyih i ptits. – K. : Uroжай, 1968. – S. 32.
14. Треус В. Д. Акклиматизация и гибридизация животных в Аскании-Нова. 80-летний опыт культурного освоения диких копытных и птиц. – К. : Урожай, 1968. – С. 32.
15. Treus V. D. Akklimatizatsiya i gibridizatsiya jivotnyih v Askanii-Nova. 80-letniy opyt kulturnogo osvoeniya dikih kopyitnyih i ptits. – K. : Uroжай, 1968. – S. 32.

Gankewich V. Y. Hunting and fowler in Askaniya-Nova in the first half of the XIX century / V. Y. Gankewich // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 13–18.

The article is devoted to the scantily explored plot from the history of worldwide known reserve Askaniya-Nova. On the basis of memories and records of contemporaries of events the natural features of askaniya steppe in a so-called pre-phaltphein period (1828-1856) are opened up. The description of a variety of representatives of steppe region fauna of the south of Russian empire is given. The behavioural features of representatives of the world of birds on askaniya spaces are described. The specifics of nature-using by the lords of the estate in the first half of the XIX century is pointed out.

The existence of special laws in angalt colony regulating time of hunt of different types of steppe animal world is noted in the article. Descriptions of the separate hunts taking place in Tavriya steppes in a stated period are given, some participants are named, their memories and impressions are adduced. The activity of angalt colony administration directed to forming of ornithological collection of Angalt-Keten principality is also considered in this work.

УДК: 94 (477)(=112.2) «185/191»

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ КРЫМА В ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Задерейчук И. П.

*Крымский институт права Национального университета «Одесская юридическая академия»
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: zadereychuk@rambler.ru*

В ходе изучения раскрыто участие немецкого населения Крыма в оказании помощи государству в период различных военных действий. Рассмотрена филантропическая деятельность отдельных немецких семей. На многих примерах доказывается, что этнические немцы, после укрепления своего экономического положения на протяжении второй половины XIX – начале XX в. были одними из активных жертвователей на нужды раненых воинов и семьям погибших.

Ключевые слова: российские немцы, благотворительность, Фальц-Фейны, Люстихи, Шнейдеры.

Эффективное функционирование любого государства зависит от качественной работы государственной власти, а также участия граждан в его развитии. Одним из проявлений деятельности общества является оказание помощи нуждающимся слоям населения. В современный период развития человечества филантропическая деятельность, особенно в странах СНГ, вновь особо актуальна. Создаются различные благотворительные организации, крупные предприниматели сегодня выделяют значительные средства на социальные учреждения, оказывают адресную помощь, поддерживают одаренную молодежь путем выделения грандов на их обучение.

Немцы Крыма принимали самое активное участие в помощи государству в тяжелые времена. Особенно они проявляли свою гражданскую позицию в годы различных войн, которые Российская империя вела в XIX – начале XX в. Одним из первых ярких примеров верноподданнической службы новой родине стали события Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Многие немцы приняли непосредственное участие в сражениях, генерал Э. Тотлебин создал глубокоэшелонированную оборонительную систему в Севастополе. Немцы, в условиях войны, оказывали помощь русской армии – путем поставок продуктов, предоставления транспорта, оказания медицинской помощи. Многие русские офицеры в своих воспоминаниях с благодарностью отзывались об оказанной немецким этносом поддержке. Например, П. Алабин писал: «...жены и дочери немецких колонистов приняли на себя священную обязанность сестер милосердия, сами перевязывали раны, белье свое рвали на бинты, ходили за страдальцами, как за родными детьми и братьями, и не допускают правительство ни до каких издержек для тех, кого они взяли на свое попечение...» [1, с. 51].

Помимо заботы о раненых, немцы предоставляли и другую помощь. В частности, жители Нейзацкого округа пожертвовали более 4 тонн печеного хлеба, а жители Цюрихталя к 5 июля 1856 г. предоставили 2399 подвод бесплатно, а также передали 1011 мешков и ряден, 33 кг. корпии и расквартировали у себя за время войны

более 40431 солдат. Колония Гейльбрун бесплатно предоставила 1264 подвод, а ее жители предоставили кров более 19810 солдатам [1, с. 52].

Примером верноподданности новому отечеству может служить и деятельность отдельных немцев Крыма в годы Восточной войны. Ярким примером может быть служба Ф. П. Шнейдера вышедшего из колонии Кроненталь Симферопольского уезда. Еще в разгар войны 7 апреля 1855 г. он получил золотую медаль «за отличие» для ношения на Владимирской ленте. В наградном листе говорилось, что, будучи старшиною первого квартала Севастополя с самого начала осады Ф. П. Шнейдер занимался доставкой воды и снарядов на бастионы, участвовал в тушении пожаров, переноске раненых и подавание им помощи. Кроме того, жертвовал носилки для переноса раненых в Екатеринославский дворец в Севастополе. Когда остро встал вопрос об отсутствии необходимых свободных коек в госпитале, он пожертвовал 10 кроватей. Являясь собственником гостиницы и, имея возможность повысить цены и получить прибыль в тяжелое военное время, Франц Петрович поступал иначе: во время бомбардировки, он понизил стоимость порций, а часть из них отдавал раненым безвозмездно [2].

По окончании войны оказанная помощь немцев и меннонитов нашла глубокие слова благодарности со стороны власти страны и отдельных русских офицеров. Император Александр II издал «особый документ, который служил навсегда доказательством их похвального подвига». 25 октября 1854 г. Таврический губернатор от имени главнокомандующего князя А. С. Меншикова выразил благодарность немцам за оказанное ими содействие в скорейшем передвижении двух пехотных дивизий и за пожертвования в пользу войск продовольствия [3, с. 11–12]. Кроме того, император Александр II по представлению командующего в годы Крымской войны М. Д. Горчакова наградил многих немцев золотыми и серебряными медалями «За усердие», а также золотыми часами [5, с. 80–81].

Русский офицер генерал-майор Волков, командир егерского Тарутинского полка, сделал пожертвования на сооружение памятника в селении Ней-Гальбштадт, который должен был увековечить подвиг меннонитов в годы Крымской войны. В результате на въезде в колонию был поставлен четырехугольный столб крытый железом и наверху заканчивавшийся большим позолоченным шаром. На одной из сторон памятника красовалась надпись следующего содержания «За усердие, оказанное при переправе 30 и 31 марта 1854 г. и за отличное гостеприимство» [4].

В последующие войны немцы юга Украины и Крыма также активно принимали участие в оказании помощи действующей армии. В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в селении Гальбштадт менонитами был устроен лазарет. Он был рассчитан на лечение 100 человек. С октября 1877 по март 1878 гг. в нем пребывало 174 раненых. Его содержание всецело находилось на счету поселян. В целом они потратили на обустройство более 20 тыс. руб. [3, с. 25–30].

Многие немцы и меннониты за предоставление помощи во время войны были отмечены российскими властями. Например, Гальбштадтский волостной старшина Абрагам Иванович Вибе за оказания всей необходимой безвозмездной помощи Гальбштадтскому лазарету получил похвальный лист от МВД. Также А. И. Вибе занимался инспектированием лазаретов обществ Красного креста. Российская им-

ператрица выразила ему благодарность. Римско-католический священник Иоганн Шамне за безвозмездное отправление духовных обязанностей при Гальбштадском лазарете в период его существования для воинов католиков в утренние и вечерние часы, а также за свое доброе обхождение с солдатами заслужил их общую любовь и благодарность [6, л. 4–15].

В начале XX в. состоялась очередная война – русско-японская. Это привело к появлению в обществе значительного числа раненых, инвалидов, вдов и сирот. В этих условиях крымские филантропы, а также представители от полиэтничного состава полуострова не остались в стороне. Уже с началом войны благотворительная деятельность активизировалась. Крымская общественность предложила создать лазарет для раненых воинов с целью отправки его на Дальний Восток. С этой идеей они обратились к губернатору В. Ф. Трепову с просьбой возглавить это благое дело. Начальник губернии вынужден был дать свое согласие, после чего началась работа по созданию названного учреждения. Прежде всего, необходимо было собрать во едино всех желающих участвовать в формировании лазарета, для чего специально созвали собрание из членов местного отделения Красного Креста, представителей от духовенства (приглашались к участию все конфессии), а также лица от разных общественных организаций и административных учреждений Таврической губернии. В марте 1904 г. на чрезвычайном заседании губернского земства гласные приняли решение о создании Таврического лазарета Красного Креста имени императрицы Александры Федоровны. Для управления учреждением было решено избрать из своей среды ответственное лицо – уполномоченного Таврического лазарета. Им стал председатель Днепровской земской управы А. М. Колчанов. Обязанности его помощника безвозмездно взял на себя Владимир Эдуардович Фальц-Фейн, который сделал многое для улучшения помощи больным и раненым во время нахождения лазарета на Дальнем Востоке [7]. Владимир Эдуардович не только работал управляющим лечебным заведением, но и жертвовал значительные суммы и продукты на его существования. Согласно отчету за 1904 г. им было перечислено 460 руб. и 200 пудов пшеницы. Другие его родственники также не остались в стороне. Например, Фридрих Эдуардович пожертвовал 2323 руб., Александр Иванович Фальц-Фейн – 100 руб. [8, с. 9–38].

Помимо выдающейся немецкой семьи филантропов Фальц-Фейнов и другие представители этого народа приняли активное участие в финансовой поддержке Таврического лазарета. Прежде всего, помощь оказывали многие немцы имена, которых не остались в истории, так как взносы платились от имени сельских обществ, рабочих экономий и т.д. Например, менонитские сельские общества перечислили 30 000 руб., Спатское менонитское общество Евпаторийского уезда – 500 руб., Карасанский менонитский церковный приход с рядом других обществ – 4761 руб. 65 коп., Нейзацкий лютеранский приход – 255 руб. 55 коп., Табулдинский волостной сход Симферопольского уезда 1654 руб. 68 коп., Нейгоффунгстальский любительский духовой оркестр – 125 руб., учителя и ученики Нейзацкого центрального училища – 142 руб. и 11 коп., рабочие имения Ф. Ф. Шнейдера – 104 руб., рабочие имения Чеботарка принадлежащего семье Шлее – 20 руб. 35 коп., служащие фабрики товарищества «Эйнем» – 17 руб.

Наряду с коллективными благотворительными взносами выделялись и отдельно взятые жертвователи. Среди представителей немецкой этнической группы Крыма и Северной Таврии следует отметить: землевладельца Днепровского уезда Д. Д. Шредера. Он пожертвовал на нужды Таврического лазарета 10 000 руб. Также деньги перечислили: Гергард Абрамович Классен – 500 руб., братья Франц Францевич и Франц Иосифович Шнейдеры – 400 руб., Петр и Николай Петрович Шмидт – 400 руб., Николай Себастьянович Шнейдер, землевладельцы Г. Бергман, Г. Варкентин, Я. Даниельс, Я. Дик, И. Дик, Г. Нейман, И. Тиссен, Д. Янцен – 200 руб., Давид Яковлевич Кайзер – 150 руб., Эмиль Якович Динцер – 72 руб. [8, с. 9–27].

Немцы жертвовали не только деньги, но и отправляли различные товары. В частности жители Цюрихтальской волости Феодосийского уезда предали Таврическому лазарету: 25 ящиков сухарей, 2 ящика табака, 2 ящика окороков, 1 тюк домашних вещей. Окречское сельское общество того же уезда – 32 ящика сухарей, 3 ящика окороков, 1 ящик вина [8, с. 45].

Деньги на нужды раненых собирали различными способами, это были как частные инициативы, так и пожертвования после различных общественных мероприятий. Например, в марте 1904 г. в Нейзаце после завершения богослужения местным пастором было инициировано сбор денег. Прихожане передали в пользу раненых 355 руб. Вырученные средства направили в учрежденный для Дальнего Востока «Евангелический полевой лазарет» [9].

В годы русско-японской войны немцы помогали не только различным лазаретам, а продолжали вносить благотворительные суммы на потребности Красного Креста. 15 февраля 1904 г. Симферопольская газета «Салгир» информировала читателей, что старшина Гнаденфельдской волости Дирксен по случаю представления управляющему губернией Н. М. Муравьеву передал почти 27 000 руб. на нужды Красного Креста. Все эти деньги были собраны меннонитами с одной Гнаденфельдской волости. В этот же день от немцев Булганакского сельского общества в пользу Красного креста поступило 300 руб. и 150 руб. по подписке [10].

Вступление Российской империи в Первую мировую войну вызвало небывалый всплеск благотворительной деятельности. В Таврической губернии был образован губернский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам. В его распоряжение поступали денежные пожертвования от всех национальностей, в том числе и от немцев. Например, к 20 сентября 1914 г. в комитет были перечислены значительные суммы от крымских немцев: Э. Браун – 300 руб., О. И. Шмидт – 50 руб., Г. Г. Шеленберг – 15 руб., П. П. Шредер – 100 руб. Розентальское сельское общество – 50 руб., а от менонитов Крыма поступило 3600 руб. Кроме того, учителя немецких колоний Перекопского уезда постановили отчислять от своего жалования 4% в помощь раненым воинам, что ими делалось до закрытия школ и увольнения их с работы. Пожертвования немцев не ограничивались денежными средствами, они отдавали вещи, продукты, помогали и другими способами. Например, в Евпаторию из окрестных селений немцы-землевладельцы свозили продукты, главным образом хлеб, делали денежные взносы. Для ссыпки хлеба гласный Евпаторийской думы Дуван отвел один из своих амбаров [11, с. 65]. Немцы жители Тотанайской волости Перекопского уезда в 1914 г. пожертвовали 200 000 пудов пшеничной муки для ар-

мии [5, с. 90]. 29 августа 1914 г. Ф. Ф. Шнейдер передал в комитет помощи раненым 40 пудов яблок и 10 пудов груш [12, с. 372–374]. Перечисленные примеры не являются исчерпывающие, а их анализ позволяет сделать вывод, что немецкое население полуострова с началом Первой мировой войны не осталось в стороне от оказания помощи. Немцы вносили пожертвования, как деньгами, так и различными продуктами сельского хозяйства. При этом их материальное положение также было подорванным экономическими и социальными последствиями начала боевых действий.

Помощь поступала и в виде предоставления различных услуг. Например, меннониты колонии Спат Евпаторийского уезда перемолотили хлеб и засеяли поля семьям, работники которых ушли на войну [11, с. 65]. Представители династии Люстихов, а именно Г. А. Люстих и его сестра А. А. Ротгольц предоставили в распоряжении Перекопского земства 5 000 пудов пшеницы для обращения в помощь семьям запасных. Полученное зерно земство использовало в качестве посевного материала озимых для нуждающихся жителей уезда кормильцы, которых ушли на фронт [13, с. 10].

Г. А. Люстих и А. А. Ротгольц заботились и об оказании помощи раненым воинам. Они передали в распоряжение Перекопской управы свой дом в селении Курман-Кемельчи. Это помещение они отдавали для использования под лазарет раненым воинам. Помещение было оборудовано 20 кроватями. Также для обеспечения продовольствием лазарета Люстихи выделили 2000 пудов пшеницы, 10 голов рогатого скота и 6 дойных коров [13, с. 13].

Пожертвования Люстихов не были одиночными проявлениями благотворительности среди немцев Крыма. Также следует упомянуть Г. И. Майера, который передал в Джанкойскую больницу пять оборудованных кроватей [13, с. 179]. В селении Бютень Перекопского уезда, где большинство жителей составляли немцы, был организован лазарет. Он находился на обеспечении жителей одноименной волости [14, с. 20]. Меннониты создали лазарет на 40 кроватей в селе Мунтау, на 35 в селении Вальдгейм и выделили дополнительно 15 кроватей при Орловской больнице [13, с. 25–26].

Многие представители немецкой этнической группы Крыма проявляли свою гражданскую позицию, не только осуществляя пожертвования, но и входили в состав различных благотворительных обществ. Так, Е. Э. Кесслер с началом Первой мировой войны был включен Таврическим губернским земским собранием в Губернский комитет по сбору пожертвований для раненых воинов. От Перекопского земства в состав Романовского комитета по сбору пожертвований в пользу больных и раненных воинов избрали трех гласных – Муссу М. Тайганского, Г. Г. Гальваса и Г. И. Майера [13, с. 12–25]. Принимая участие в работе указанных комитетов, немцы заботились об увеличении пожертвований для направления на нужды раненых и больных воинов.

В условиях роста сиротства, государство осуществляло попытки взять под контроль ситуацию с воспитанием детей, отцы которых погибли на фронте. 7 июля 1915 г. Правительствующим Сенатом был издан указ об учреждении положения о специальных земледельческих приютах. В них планировалось обучение детей увечных и павших воинов. Организация подобных учреждений на местах имела различ-

ные трудности, прежде всего это необходимость наличия специального земельного участка. К примеру, в Перекопском уезде эта проблема была разрешена благодаря благотворительной помощи представителей семьи Люстихов. На заседании Перекопского земства была доведена до сведения гласных информация о передаче земельного участка в размере 200 дес. из дачи дарителя Джангара-Кемельчи для устройства соответствующего приюта. В знак признательности земские гласные предлагали возбудить ходатайство о наименовании земледельческого приюта в честь жертвователей [14, с. 19].

Таким образом, немцы, создав свои компактные поселения на территории Крыма, не только заботились о своем экономическом росте, а принимали активное участие в филантропической деятельности. Первые примеры массовой помощи были в годы Крымской войны. Собственно к этому времени они смогли укрепить свое материальное благополучие после переселения на территорию Крыма. В последующие периоды немцы оказывали значительную материальную помощь в период различных войн, которые вела Российская империя во второй половине XIX – начале XX в. Даже в годы Первой мировой войны немецкое население полуострова жертвовало на помощь раненым воинам, оказывали помощь семьям погибших или призванных в армию. Указанные в статье факты филантропической деятельности немцев позволяют сделать вывод, что более чем за свое столетнее проживание на территории они смогли интегрироваться в поликонфессиональное и полинациональное общество Крыма. Также на полуострове были сформированы целые династии, которые активно занимались благотворительной деятельностью – это Люстихи, Мартенсы, Фальц-Фейны, Шлее, Шнайдеры, Шредеры, и многие другие.

Список использованных источников и литературы

1. Кожекин А. Г. Помощь немецкого населения Таврической губернии российской армии во время Крымской войны 1853–1856 гг. / А. Г. Кожекин // Немцы в Крыму: очерки истории и культуры / сост. Ю. Н. Лаптев. – Симферополь : Таврия-плюс, 2000. – С. 49–54.
Kojekin A. G. Pomosch nemetskogo naseleniya Tavricheskoy gubernii rossiyskoy armii vo vremya Krymskoy voyny 1853–1856 gg. / A. G. Kojekin // Nemtsy v Kryimu. Ocherki istorii i kulturyi / sost. YU. N. Laptev. – Simferopol : Tavriya-plyus, 2000. – S. 49–54.
2. ГААРК, ф. 376, оп. 2, д. 996. – 39 л.
GAARK, f. 376, op. 2, d. 996. – 39 l.
3. Каменский П. В. Вопрос или недоразумение?: к вопросу об иностранных поселениях на юге России / П. В. Каменский. – М. : Т-во скоропечат. А. А. Левенсон, 1895. – 159 с.
Kamenskiy P. V. Vopros ili nedorazumenie?: k voprosu ob inostrannyih poseleniyah na yuge Rossii / P. V. Kamenskiy. – M. : T-vo skoropечат. A. A. Levenson, 1895. – 159 s.
4. М. И. Л. Селение Ней-Гальбштадт // Салгир. – 1901. – № 272. – 16 декабря.
M. I. L. Selenie Ney-Galbshtadt // Salgir. – 1901. – № 272. – 16 dekabrya.
5. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов / Я. Штах – М., 1916. – 266 с.
SHtah YA. Ocherki iz istorii i sovremennoy jizni yujnorusskih kolonistov / YA. SHtah – M., 1916. – 266 s.
6. ГААРК, ф. 114, оп. 1, д. 37.
GAARK, f. 114, op. 1, d. 37.
7. Задерейчук А. А. Таврический лазарет в военных конфликтах Российской империи начала XX века и участие в нем В. Э. Фальц-Фейна / А. А. Задерейчук // Гілея : науковий вісник: Збірник наукових праць. – К., 2013. Випуск 71 (№ 4). – 2013. – С. 90–96.

Zadereychuk A. A. Tavrisheskiy lazaret v voennykh konfliktakh Rossiyskoy imperii nachala XX veka i uchastie v nem V. E. Falts-Feyna / A. A. Zadereychuk // Gileya : naukoviy visnik: Zbirnik naukovih prats. – K., 2013. Vypusk 71 (№ 4). – 2013. – S. 90–96.

8. Краткий отчет о приходе и расходе денежных и вещевых пожертвований на Таврический лазарет имени ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны и инвентарь лазарета. – Симферополь, Таврическая губернская типография. – 1904. – 56 с.

Kratkiy otchet o prihode i rashode denejnyih i veschevyyih pojerstvovaniy na Tavrisheskiy lazaret imeni ee imperatorskogo velichestva gosudaryini imperatritsyi Aleksandryi Fedorovny i inventar lazareta. – Simferopol, Tavrisheskaya gubernskaya tipografiya. – 1904. – 56 s.

9. Хроника // Крым. – 1904. – № 51. – 4 марта

Hronika // Kryim. – 1904. – № 51. – 4 marta

10. Хроника // Крым. – 1904. – № 36. – 15 февраля

Hronika // Kryim. – 1904. – № 36. – 15 fevralya

11. Лаптев Ю. Н. Положение немцев в Крыму в годы Первой мировой войны / Ю. Н. Лаптев // Немцы в Крыму: очерки истории и культуры / Сост. Ю. Н. Лаптев. – Симферополь : Таврия-плюс, 2000. – С. 63–72.

Laptev Yu. N. Polojenie nemtsev v Kryimu v godyi Pervoy mirovoy voyni / Yu. N. Laptev // Nemtsy v Kryimu. Oчерki istorii i kultury / Sost. YU. N. Laptev. – Simferopol : Tavriya-plyus, 2000. – S. 63–72.

12. Записки Симферопольского отдела императорского русского общества садоводов. – 1914. – Вып. 146.

Zapiski Simferopolskogo otdela imperatorskogo rossiyskogo obschestva sadovodov. – 1914. – Vyip. 146.

13. Журналы и постановления Перекопского уездного земского собрания. Чрезвычайных сессий 20 декабря 1913 и 14 августа 1914 г. и очередной сессии 1914 г. – Феодосия : Тип. Б. Е. Липскарева, 1915. – 541 с.

Jurnaly i postanovleniya Perekopskogo uездного zemskogo sobraniya. CHrezvyichaynyh sessiy 20 dekabrya 1913 i 14 avgusta 1914 g. i oчерednoy sessii 1914 g. – Feodosiya : Tip. B. E. Lipskareva, 1915. – 541 s.

14. Журналы и постановления Перекопского уездного земского собрания 50-й очередной сессии 1915 г. – Феодосия : Тип. Б. Е. Липскарева, 1916. – 595 с.

Jurnaly i postanovleniya Perekopskogo uездного zemskogo sobraniya 50-y oчерednoy sessii 1915 g. – Feodosiya : Tip. B. E. Lipskareva, 1916. – 595 s.

Zadereichuk I. P. Charity of Germans of the Crimea during military operations of the Russian Empire in the 19th – the beginning of the 20th century / I. P. Zadereichuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 19–25.

During studying participation of the German population of the Crimea in assistance to the state in the period of various military operations is opened. Activities of Germans for granting food, creation of military infirmaries, allocation of the monetary help to field army in the years of the Crimean war, the Russian-Turkish and Russian-Japanese wars, and also during World War I is shown.

Philanthropic activity of separate German families is also considered. In particular it is shown a contribution of representatives of the Kesslers, Falts-Feyns, Shneyders, Lyustikhs, Shlees and many other dynasties. Also, the active help to the state and the surrounding population was rendered at a difficult moment by Lutheran and Mennonite communities. Representatives of Karasanskaya, Neyzatskaya, Spatskaya and Tsyurikhtalskaya communities were especially active.

It is proved on many examples that ethnic Germans, after strengthening of their economic situation throughout the second half of the 19th – the beginning of the 20th century were among active donors for needs of wounded soldiers. They gave help to families which lost supporters in the war.

Keywords: Russian Germans, charity, Falz-Feins, Lyustikhs, Shneyders.

94(477.75)725.942(477.75)

ARS MEDICA СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ГОРОДОВ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Лейбенсон Ю. Т.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: indrik.htonic@gmail.com*

Статья посвящена медицинским знаниям и практике античных городов-государств Северного Причерноморья. Рассматривается связь врачебного искусства северопонтийского региона с медицинскими центрами античности (Пергам, Эпидавр, Колофон, Кос) и классическими трудами греческих и римских авторов: Гиппократ, Гален, Цельс. Коллекции медицинских инструментов, главным образом, из Херсонеса и Ольвии, сопоставляются с собраниями хирургических приспособлений из Помпей, Бадена, Бингена, а также с описаниями назначения и функций врачебного инструментария в труде «О медицине» Авла Корнелия Цельса. Приводятся исторические и антропологические данные о характере заболеваний местного населения в античную эпоху. Медицина античных городов рассматривается в трех ее вариантах: профессиональная, храмовая и народная.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, медицина, античность, хирургические инструменты.

ВВЕДЕНИЕ

Ars medica – так назвал свой труд, посвященный медицине, римский ученый Гален, удостоенный в рукописях эпитета «славнейший» (Clarissimus) [39, с. 250]. Ему, как и другим античным медикам, удалось определить развитие своей науки на столетия вперед. Труды школы Гиппократ, Авла Корнелия Цельса, Сорана Эфесского не только стали для врачей последующих эпох основным источником сведений по физиологии, терапии, хирургии, диагностике, но и демонстрируют современному исследователю тот высокий уровень, которого достигла наука античности, будучи, главным образом, безэкспериментальной. Но необходимо помнить, что медицина – причем не только в античную эпоху – существовала в различных формах, и врачебное искусство представителей различных школ (косской, эпидаврской, родосской, александрийской) соседствовало с более древней храмовой, а также народной медициной, где эмпирические знания о характере и лечении заболеваний накладывались на магические представления и практики. Интерес для исследователя представляет и социальная принадлежность людей, занимавшихся медицинским искусством: врачи гомеровского эпоса, почти ремесленники, переходящие с нехитрым инструментарием из города в город; знаменитые Асклепиады; свободные и зажиточные граждане (составлявшие основу того, что с известными оговорками можно назвать античной интеллигенцией [53; 4]) классического и эллинистического периодов; рабы и вольноотпущенники римского периода. Сложная и многоцветная картина античного врачебного дела отражена и в известном на сегодняшний день археологическом материале, относящемся к античным городам Северного Причерноморья.

История античной медицины является предметом изучения значительного количества авторов. Классическим трудом можно считать «Историю медицины» Т. Мейера-Штейнега, изданную в 1912 г. Основная цель автора – проследить разви-

тие европейской медицины XVII – XIX вв., но, наряду с этим, в монографии содержится исследование медицины Древнего мира, в том числе и античности.

Взгляд на античных медиков как на представителей античной интеллигенции в классический, эллинистический и римский период представлен в монографии Т. В. Блаватской «Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени» и статье Э. Д. Фролова «Интеллигенция в античном мире».

Подробное описание античных хирургических инструментов, определение их функций и сопоставление археологического материала из коллекций Помпей, Бингена, Варны, Херсонеса представлено в работе С. И. Финогеновой «Античные медицинские инструменты». Дальнейшее описание херсонесских медицинских инструментов, а также исследование происхождения известных по эпитафическим источникам врачей представлено в монографии В. И. Кадеева «Херсонес Таврический: Быт и культура (I – III вв. н.э.)». Специальной же работой, посвященной эпитафическим сведениям о медиках, является статья Э. И. Соломоник и И. П. Антоновой «Надгробия врачей из античного Херсонеса». Классификацию хирургических инструментов из ольвийского некрополя приводит М.А.Хомчик в статье «Античные хирургические инструменты из Ольвии».

Необходимо упомянуть об исследованиях, посвященных храмовой и народной медицине, ритуалам, проводимым как в знаменитых асклепионах, так и в домах простых жителей полиса и хоры. Это, прежде всего, работы «Частная и общественная жизнь греков» П. Гиро, «Соперники Христианства: Умершая наука» Ф. Ф. Зелинского, «Женщина в древнем мире» Е. Вардимана.

Примечательно, что на сегодняшний день медицинское знание и практика античного Северного Причерноморья являются предметом исследований не только историков, археологов, антропологов, но и медиков (статьи «Медицина Ольвийского государства» С. В. Страшного, «Медицинская символика и монеты храма Аполлона-Врача в античной нумизматике древнегреческих колоний, находившихся на территории современной Украины» А. Л. Дзяка и других).

В данной работе мы попытаемся обобщить сведения о медицине античных городов Северного Причерноморья, принадлежащие ко всем направлениям врачебного искусства античности: медицине «школьной», медицине храмовой и медицине народной.

1. ХРАМОВАЯ И НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Избавителями от болезней, подателями здоровья считались в античности различные боги и герои (Аполлон Иетрос, Зевс Сотер, Ахилл), но особенно почитался надеющимся на исцеление Асклепий, сын Аполлона и нимфы Корониды (Арсинои – по Гесиоду) [32, 434]. Жрецы асклепионов – храмов, посвященных Асклепию, были, по сути, первыми династиями врачей.

Сведения об этих храмах, их жрецах, способах лечения, применявшихся в асклепионах, содержатся в «Описании Эллады» Павсания, «Священных речах» Элия Аристида (наиболее известными асклепионами были эпидаврский, косский, книдский, пергамский – всего же Павсаний насчитывает их не менее шестидесяти трех) [9].

Желающий исцелиться приходил в храм, предварительно пройдя множество процедур: пост, омовение, жертвы. За этим следовала инкубация: больной проводил ночь в святилище, где во время сна ему являлось божество (об своем видении больной наутро рассказывал храмовым жрецам, а те толковали сон и указывали метод лечения). Это не обязательно была эпифания самого Асклепия: Элий Аристид повествует о том, как ему явилась Афина. Богиня, процитировав «Одиссею», убедила знаменитого оратора в том, что он видит ее наяву, приободрила его и заповедала быть уверенным в спасении от нее. До этого, впрочем, Элию Аристиду являлся и Асклепий, повелев совершить омовение в холодном источнике, затем – обряд эпитотрии (жертвоприношения подземным богам, приносимые не на алтарях, а в ямах, после чего следовало бросить мелкие монеты в реку – по всей видимости, как символ платы Харону). После этих необходимых обрядов и процедур больной, если он получал исцеление, оставлял какой-либо дар божеству, что, по-видимому, имело характер заместительной жертвы: «...войдя в святилище, мне надо было принести подходящие жертвоприношения Асклепию и, посвятив ему священные сосуды, уделить всем своим спутникам священные доли. Надо было мне отсечь и какую-либо часть своего тела ради спасения всего тела. Но это было тяжело, и я отказался от этого, а вместо того снял перстень, который носил, и посвятил его Телесфору. Ведь поступить так – все равно что уступить самый палец; а на оправе перстня нужно написать: «О, дитя Крона»; и будет спасение поступившему так» [59, 18–27]. Павсаний говорит о других дарах, приносимых статуе Гигиен в Коринфском асклепионе: «...статую не так-то легко увидеть, настолько вся она покрыта женскими волосами, которые женщины отрезают в честь богини, а также разорванными на ленты кусками вавилонских материй. Если кто хочет умилостивить одно из этих божеств, то ему предлагается поклоняться также и этому, которое все они называют Гигией» [26, с. 2].

Но наиболее частыми были приношения другого характера: терракотовые, металлические или каменные вотивы в форме той части тела, которая получила исцеление по милости божества. Такие вотивы, более или менее изящно выполненные, являются зачастую массовыми находками при исследовании античного храма и позволяют узнать, от каких болезней приходили исцеляться в это святилище (Рис. 1). Так, например, среди терракотовых, бронзовых, золотых и мраморных вотивов, представленных в Британском музее, особенно много фигурок в виде кистей рук, стоп, глаз, фаллов (подобный этим памятникам терракотовый вотив в виде руки известен в Херсонесе Таврическом [15, с. 135].

В одном из асклепионов побывал уроженец Северного Понта, боспорец Исилл, поехавший лечиться в Эпидавр и написавший гимн в честь бога врачевания Асклепия [28, с. 110].

Асклепионы строились и в северопонтских городах: об одном из них, пантикапейском, пишет Страбон, сообщающий об эпиграмме Эратосфена «из храма Асклепия в Пантикапее, начертанную на бронзовой гидрии, лопнувшей от мороза: Если же кто не поверит, что в нашей стране приключилось/ Пусть он узнает тогда, гидрию эту узрев:/ Богу не в дар дорогой, а в знак лишь сурового хлада/ Нашей страны иерей Стратий, ее посвятил» [41, II, 1: 16].

Рис. 1. Вотивы из коллекции Британского музея

Рис. 2. Амулет с «медицинским заклинанием» из Горгиппии.

Рис. 3. Надгробие Лесханорида с изображением медицинских инструментов

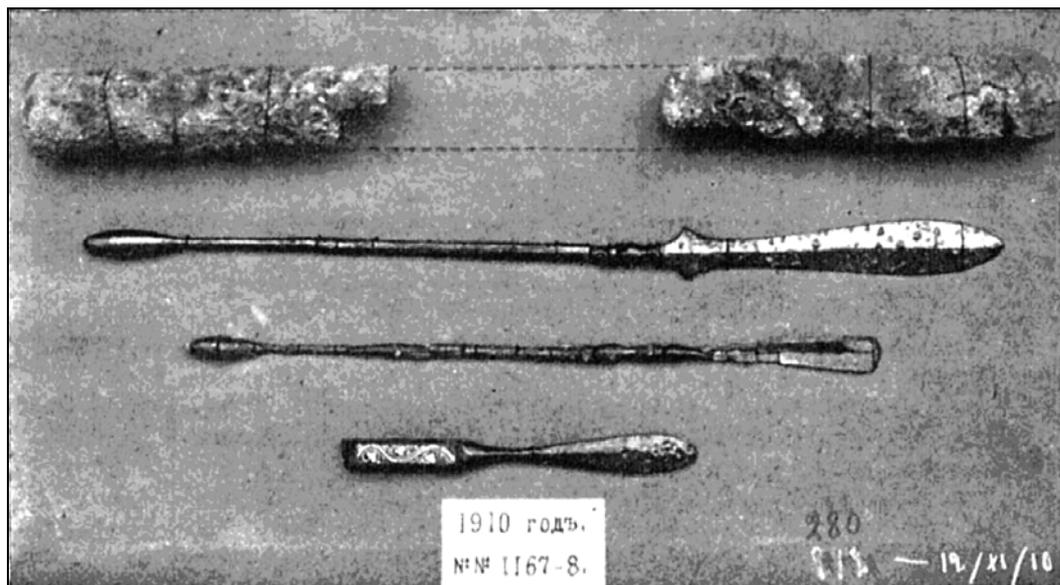

Рис. 4. Из раскопок западного некрополя 1910 Р. Х. Лепера.
«Инструменты ваятеля» по Р. Х. Лёперу. Хирургический набор по В. И. Кадеву.

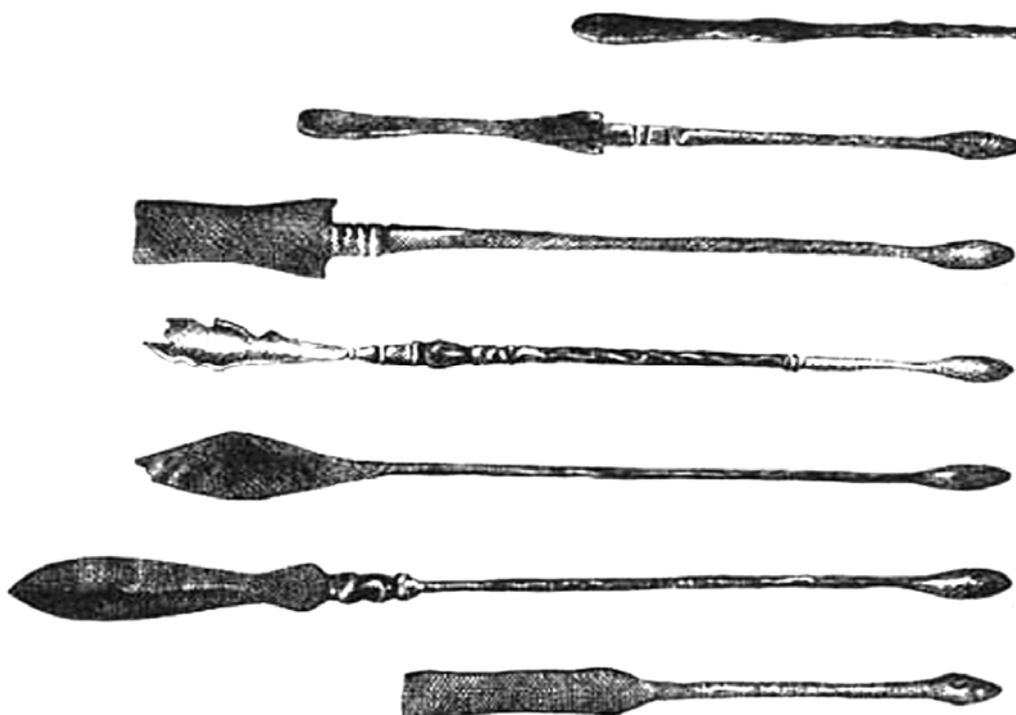

Рис. 5. Зонды из Ольвии

К северо-востоку от Мирмекия также находилось загородное святилище Асклепия, где сохранился колодец с подземной наклонной галереей, по ступеням которой можно было спускаться к источнику, очевидно считавшемуся целебным. Недалеко от этого колодца найдена мраморная плита с упоминанием святилища Асклепия [7, с. 171].

Раскопки в Ольвии не выявили святилища, которое можно было бы атрибутировать как асклепион, но среди находок мраморных изображений богов следует обратить внимание на скульптурные головы бога врачевания Асклепия и богини здоровья Гигиены, выполненные в III в. до н. э. [58, с. 122].

К херсонесским полису и хоре относятся следующие находки: фрагмент мраморной плиты с посвящением Асклепию и Гигиене [39, с. 48], терракотовая рукавотив, бронзовые статуэтки Асклепия и Гигиены, мраморная статуэтка Гигиены со змеей [15, с. 135], яшмовая гемма с изображением Асклепия и Гигиены [24, с. 107], монеты с изображением этих божеств (все находки – римского времени).

К более раннему, эллинистическому периоду относится граффити на чернолаковой керамике с посвящением Асклепию III в. до н. э. (находка из могильника у совхоза Севастопольский) [7, с. 124].

Учитывая, что значительная часть находок относится к району античного театра на городище, ряд исследователей предполагает наличие в Херсонесе Таврическом на этом месте асклепиона [15, с. 135; 13, с. 61–62; 32, с. 437]. Существование святилища Асклепия подтверждается проксенией Гедугена второй половины II в. [IOSPE, I², 326].

Наряду с Асклепием в северопонтийских городах в качестве божественного врачевателя почитался, прежде всего, Аполлон Иетрос (Врач). Его культ был привезен колонистами из Милета [32, 129; 11], соответственно, почитание этого божества обнаруживается, в первую очередь, в Ольвии и Пантикапее. Ольвийское святилище, посвященное Аполлону Иетросу располагалось в западной части теменоса и относилось к довольно раннему периоду: VI – V вв. до н.э. [32, с. 131]. В Пантикапее храму Аполлона-Врача еще при Археанактидах разрешено было чеканить свою монету [1, с. 146].

Среди героев, от которых также надеялись получить исцеление, выделяют Ахилла Понтарха. Вотивы в виде обработанных остраконов с упоминанием имени Ахилла обнаружены при исследовании поселений позднеархаического и раннеклассического периодов в районе Березанского и Бейкушского лиманов [32, с. 472].

Поскольку северопричерноморские города, в отличие от Эпидавра, Коринфа или Колофона, не были центрами медицины, в них, как и во многих других регионах античного мира, пользовалась популярностью так называемая *medicina magica*. Она включала в себя приготовления различных снадобий, употребление всевозможных заклинаний, нанесения знаков и словесных магических формул на амулеты (особенно популярны были амулеты из Египта [58, с. 249]), «астрологическую медицину» [12; 6, с. 197].

Наиболее интересная находка в этой сфере – агатовый шарик-амулет из окрестностей Горгиппии с двумя граффито: «Для исцеления от ядов» – с одной стороны, «Владычица (обращение к Исиде)! Прошу тебя, сделай Матенаку здоровой в отно-

шении головного мозга, ушей, языка, нёба, гортани, переносицы, ноздрей, полипов, зубов, рта» (по С. Я. Лурье) или «Господи (Обращение к Зевсу или Аполлону), прошу тебя, сделай мое лечение полезным для головного мозга и т.д.» (по Т. В. Блаватской) - с другой стороны. При этом Т. В. Блаватская высказывается за египетское происхождение амулета, а в публикации М. И. Максимовой амулет рассматривается как местный, связанный с многочисленными анэпиграфическими памятниками Тамани, а под вопрошаемым божеством следует понимать Великую Богиню, которой поклонялось местное греко-варварское население (Рис. 2) [3, с. 235; 20, с. 234; 21, с. 226–229].

2. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ МЕДИКИ И ХИРУРГИ

Наряду с храмовой медициной в античных городах Северного Причерноморья известны и профессиональные медики. Эпиграфические памятники из Херсонеса знакомят нас с тремя именами врачей. На одном из надгробий эллинистического времени изображена сцена прощания двух мужчин и медицинские инструменты (щипцы, банка, пинцет), над фигурами стихотворная надпись: «Сыну воздвиг своему, усопшему Лесханориду / Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес» (Рис. 3). Лесханорид – имя, образованное от эпитета Аполлона, Лесханорий (покровитель лесхи, здания для собраний). Возможно, такое имя врач дал своему сыну при рождении, зная, что будет обучать его врачебному искусству (к сожалению, мы не можем узнать, могло ли в таком случае начаться обучение или же Лесханорид умер в слишком юном возрасте [35, с. 98]).

Еще одно эллинистическое надгробие содержит лаконичную надпись «Дионисий, сын Пантагнота» и рельеф: спатола (лопаточка-термоприжигатель), кровососная банка, зонд, пинцет, щипцы [17, с. 57–60; 35, с. 96–98]. Пантагнот – имя также до этой находки не встречавшееся в Северном Причерноморье, зато оно известно в надписях и на монетах, происходящих из города Колофон в Малой Азии. Ряд находок хирургических инструментов в этом городе косвенно свидетельствует о существовании там местной медицинской школы. Если это так, то возможно говорить о семье Пантагнота и Дионисия как о династии врачей [15, с. 129–130].

К римскому времени относится надгробие П. Ведия Фрепта, отпущенника Тита, в возрасте 22 лет убитому таврами [РЕ I², с. 562]. Врач, убитый таврами, мог сопровождать своего хозяина – римского военачальника во время экспедиции Плавтия Сильвана, предпринятой против скифов и тавров в 60-е годы I в. н. э. [2, с. 137].

Остальные северопонтийские медики для нас пока остаются безымянными, но о них красноречиво свидетельствуют находки медицинских инструментов (в первую очередь, в погребениях).

Закрытые комплексы, сохраняющие полные хирургические наборы, довольно редки в мировой археологии и каждая такая находка становится значительным событием. Практически все известные находки наборов хирургических античных инструментов относятся к римскому времени: это «дом хирурга» в Помпеях (обнаружен в 1771 г.), 150 инструментов в нескольких комнатах одного дома в Бадене, древнем Aqua Helveticae (дата находки – 1893 г.), комплекс инструментов из погребения в Бингене (обнаружен в 1925 г.), медицинские инструменты из гробницы близ

с. Балчик в Болгарии (обнаружены П. И. Стояновым в начале XX века), хирургический набор из «дома врача» в Римини (время находки – 1989 г.) [24; 25], инструменты для глазной хирургии в погребении близ с. Караново в Болгарии (найлены в 2011 г.) [10].

Что касается северопричерноморских античных медицинских инструментов, они представлены, в основном, материалом из Ольвии (около опубликованных 50 экземпляров) и Херсонеса. Среди таких инструментов: скальпели, щипцы, полые костяные трубки, ложки, спатолы, бронзовые банки, зонды, прижигатели, пинцеты, крючки. Располагая сохранившимся сочинением относящемся к хирургии римского времени: трактатом «О медицине» Авла Корнелия Цельса, – мы можем вполне уверенно судить о назначении различных инструментов.

Один из наиболее важных врачебных инструментов – скальпель – в античное время изготавливался, в основном, из бронзы (НЗХТ, античный отдел, инв. № 2108) или из бронзы и железа: железное острие крепилось к бронзовой ручке, зачастую эта ручка использовалась как спатола (термоприжигатель) [44, с. 152; 15, с. 131].

Конечно, в труде Цельса скальпель, нож (*scalpello, labris*) упоминается, главным образом, в седьмой его книге, посвященной хирургическим операциям. Скальпель используется при лечении ушибов, нарывах, опухолях (для надрезов на коже для кровопускания) [56, с. 7:1–5], опухолях головы, лечении глазных и ушных болезней [56, с. 7: 6–7], в конце концов, для ампутации при гангрене (скальпелем разрезаются мягкие ткани, для кости используется пила для ампутации, которая известна в коллекциях из Помпей, Бадена, но в находках из северопричерноморских городов не представлена) [56, с. 7: 33].

Часто среди находок хирургических инструментов встречаются спатолы – лопаточки различных форм (сердцевидной, прямоугольной, лавролистной), использующиеся, по всей вероятности, как термоприжигатели [НЗХТ, д. 964, колл. 37022, п.п. 55]. Бронзовые длинные ручки спатол использовались как зонды [44, с. 154; 55]. Заметим, что вне комплекса такие лопаточки могут быть атрибутированы как инструменты скульптора из-за внешнего сходства этих инструментов (рис. 4). Так, Р. Х. Лёпер при интерпретации погребального инвентаря могилы № 229 южного некрополя Херсонеса в 1910 г. отнес находки трех инструментов и сланцевой пластины к «инструментам ваятеля» [19, с. 250–251]. Тем не менее, инструменты из могилы № 229 находят массу параллелей в других комплексах хирургических инструментов, в частности, из Помпей, Бадена, Бингена [44, с. 152].

В ольвийской коллекции есть несколько экземпляров зондов (рис. 5): односторонних, имеющих вид круглого в разрезе стержня с утолщенным закругленным концом; лопатковидных в виде круглого в сечении стержня, головка которого напоминает форму оливкового плода, а второй конец стержня имеет вид плоской лопатки, ушные зонды, имеющие вид заостренного стержня с маленькой круглой ложечкой (бронза) или петелькой вместо острого конца (серебряные) [55].

Зонды (*specillo*) у Авла Корнелия Цельса упоминаются в связи с лечением свища [56, с. 7:4], сращения век [56, с. 7:7], ушных болезней [56, 7:8], венозных расширений (если точнее, здесь Цельс не использует термин «зонд» или «спатола», а го-

ворит о tenui et retuso ferramento, «тонком и тупом инструменте для прижигания» в переводе П. П. Петрова) [56, с. 7:31].

Часты находки аптекарских ложек. Четыре ольвийские ложки сделаны из бронзы, серебра, кости. Они круглые, диаметром 2-4 см. с узкой длинной заостренной ручкой [55]. Херсонесские ложки эллинистического и римского времени также изготовлены из бронзы (НЗХТ, инв. № 2285; НЗХТ, д.1156, колл.оп. 37405, п.п. 56) и кости (НЗХТ, инв. № 6345; НЗХТ, инв. № 2647), в длину достигают 9–12 см, в диаметре – 2–2,5 см. Такие ложечки были необходимыми инструментами для врачей при дозировке или приготовлении лекарства.

Широко использовались бронзовые или медные пинцеты. Широкие пинцеты имеют плавно загнутые концы, в узких пинцетах концы прямые (НЗХТ, д. 1148, колл. оп. 37315, п.п. 12; д. 1141, колл.оп. 37301, п.п. 11) или Г-образные (архив НЗХТ, д. 1158, колл. 37563, п. п. 66; д. 1087, колл. 37199, п.п. 58; НЗХТ, д. 1154, колл.оп. 37337, п.п. 132).

Нередки находки медицинских крючков, изготовленных в основном из бронзы. Функции крючков были разнообразными. Они служили для расширения ран, поднятия кровеносных сосудов, удаления посторонних тел из ран.

Крючки также использовались для одной из описываемых Цельсом операций на глазах для избавления от болезни, которую греки называют «ноготок», в оригинале: quod pterygion Graeci vocant [56, 7:7]. Интересно заметить, что и сегодня эта болезнь называется птеригиум роговицы и представляет собой соединительнотканно-сосудистую складку конъюнктивы треугольной формы, которая распространяется на роговицу; лечение птеригиума и в наши дни предполагается хирургическое [34, с. 103–105].

Широко использовались в хирургии иглы. Известно описание лечения катаракты и других глазных болезней у Цельса, в процессе которого использовалась тонкая хирургическая игла из железа [56, с. 7:7]. Костяной футляр для игл был найден на территории Херсонесского городища К. К. Косцюшко-Валюжиничем в слое I – III вв. По нескольким аналогиям он был атрибутирован как часть медицинского набора [Фонды НЗХТ, инв. № 6473].

Примечателен инструмент из Ольвии в виде круглого стержня, оканчивающегося с одной стороны двойным крючком, а с другой стороны раздвоением, возможно, образовавшем петлю (определенно сказать нельзя из-за недостаточной сохранности) [55]. Логичным нам представляется предположение М. А. Хомчик, что такой инструмент мог использоваться для извлечения из тела стрел. Это вполне соотносится с описанием извлечения метательного оружия, приводимого Цельсом: «Извлекать его нужно особого рода железным инструментом, который греки называют Dioidéion Kyathiskon, так как изобретателем его является Диокл, который, как я уже сказал, был одним из самых великих врачей древности. Это железная или медная пластинка, имеющая на одном конце два крючка, обращенных вниз; с другого конца удвоена по бокам, и концы слегка наклонены в ту сторону, которая изогнута; вверху она просверлена. Она опускается возле стрелы в поперечном направлении и затем там, где подходит к самому острию, немного поворачивается, чтобы захватить стрелу своим отверстием. И, когда острие уже в отверстии, тогда двумя

пальцами, захватив крючки на другом конце, извлекают одновременно и стрелу, и инструмент» [56, с. 7:5].

Большой интерес представляет вопрос о том, какие же болезни приходилось лечить профессиональным врачам, жрецам Асклепия и народным «целителям».

Безусловно, это не в последнюю очередь были раны, полученные гражданами в частых стычках с варварами. Можно предположить эпидемии, известные по частым упоминаниям у различных авторов. Кроме того, следует учитывать болезни, вызванные климатом: о том, как сложно переносить снежные зимы, упоминают Аристофан, Фукидид, Аристотель, Платон (передавая речь Алкивиада), Гиппократ [8, с. 279; 16, с. 30–36]. Конечно же, зимы в Северном Причерноморье были, в целом, холоднее, нежели, например в Ионии, и греческие авторы неоднократно это подчеркивали.

Тем не менее, вышесказанное имеет характер предположения о возможных болезнях северопонтийских эллинов, и этого предположения явно недостаточно.

Антропологические данные дают следующую фрагментарную, но точную картину: средний возраст населения (на материале Херсонеса Таврического): мужской – 42,7 лет, женский – 32,3 (для погребений в грунтовых могилах некрополя); мужской – 41, 3, женский – 32,6 (для погребений в склепах) [22].

При антропологическом исследовании эллинистического херсонесского некрополя явных признаков прижизненных заболеваний выявлено не было, но исследователи отмечают зубочелюстные патологии: семь случаев поражения кариесом (4 относятся к мужским костякам, 3 – к женским) и четыре случая значительных отложений зубного камня (все – в мужских захоронениях) [14, с. 109].

Как известно, захоронения в грунтовых могилах производились в скорченном или вытянутом положении. Часто скорченные погребения связывают с этническим происхождением погребенных (таврским, скифским), но на сегодняшний день дискуссия относительно таких погребений не окончена. Своеобразное предположение о захоронениях в скорченном положении высказала А. С. Русяева (Религия и культы античной Ольвии): некоторые скорченные захоронения – это погребения людей, умерших от болезней, дающих «скорченное состояние». Исследователь ссылается на граффито, найденное на Западном теменосе Ольвии. На нем изображены три «скорченные» фигуры и нацарапаны надписи «болезненное состояние Леострата» и «умерший Арист». По ее мнению, это было своеобразное послание Аполлону Врачу от родственников умершего с просьбой защитить их от непонятной болезни. В. Папанова, сопоставляя предположение А. С. Русяевой, обращает внимание на ямную могилу 1928/14, в которой были захоронены одновременно четыре человека и два из них в скорченном положении. Таким образом, оба автора говорят о вероятности того, что часть захоронений в скорченном состоянии – это захоронения умерших от холеры, так как именно эта болезнь не позволяет принять телу умершего естественное положение [27, с. 174].

Раскопки кургана № 16 могильника Челябиново-Восточное (территория Боспора) позволили выявить еще одно заболевание, характерное для северопонтийского региона в античную эпоху: в грунтовом погребении женщины (погребение датировано IV – III вв. до н. э.), умершей в возрасте 40–50 лет, при расчистке скелета среди

фрагментов тазовых костей был обнаружен мочевого камень, свидетельствующий о наличии у женщины при жизни мочекаменной болезни. Длина сохранившегося фрагмента камня 40 мм, а наибольший диаметр в средней части – 28 мм. Д. Ю. Пономарев предполагает в этом случае уролитиаз (мочекаменную болезнь), описанный еще Гиппократом [29, с. 243].

ВЫВОДЫ

Античная медицина северопричерноморских городов, несмотря на удаленность от медицинских центров на Балканах, островной Греции, Малой Азии, сохраняла с ними прямую связь: это и династии врачей, приезжавших в Херсонес, и местные хирургические инструменты, представляющие собой полную аналогию инструментам из знаменитых коллекций. Известны и храмовые комплексы, подобные асклепионам в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее. Благодаря сохранившимся надгробным памятникам нам известны имена и социальный статус трех врачей эллинистического и римского времени. Отдельные антропологические исследования позволяют выяснить, с какими заболеваниями сталкивались северопонтийские врачи-профессионалы или жрецы культов Асклепия, Аполлона Иетроса или Ахилла Понтарха. Тем не менее, на сегодняшний день наши сведения о врачебном искусстве Северного Причерноморья носят скорее фрагментарный характер. Скучные письменные данные и, зачастую, сложность атрибуции археологического материала не позволяет составить одновременно целостную и достоверную реконструкцию всех направлений медицины: профессионального, храмового, народного. По этой причине дальнейшие исследования в данной области представляются очевидно важными и необходимыми.

Список использованных источников и литературы

1. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. – К.: Наукова думка, 1986. – 183 с.
Anohin V. A. Monetnoe delo Bospora. – К.: Naukova dumka, 1986. – 183 p.
2. Белов Г. Д. Херсонес Таврический : Историко-археологический очерк. – Л. : Государственный Эрмитаж, 1948. – 147 с.
Belov G. D. Hersones Tavricheskij : istoriko-arheologicheskij ocherk. – L. : Gosudarstvennyj Ermitazh, 1948. – 147 p.
3. Блаватская Т. В. Об анапском амулете // Советская археология. – 1960. – № 4. – С. 235.
Blavatskaja T. V. Ob anapskom amulete // Sovetskaja arheologija. – 1960. – № 4. – P. 235.
4. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. – М.: Наука, 1983. – 323 с.
Blavatskaja T. V. Iz istorii grecheskoj intelligencii jellinisticheskogo vremeni. – М.: Nauka, 1983. – 323 p.
5. The British Museum: Collections. – Режим доступа: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/search.aspx?object=24269
6. Вардиман Е. Женщина в древнем мире / Пер. М. С. Харитоновна. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 335 с.
Vardiman E. Zhenshhina v drevnem mire / Per. M. S. Haritonova. – М.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1990. – 335 p.
7. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М. ; Л., Изд-во АН СССР, 1949. – 591 с.
Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. – М.; L., Izd-vo AN SSSR, 1949. – 591 p.
8. Гиппократ. Избранные книги / пер. В. И. Руднева. – М.: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы, 1936. – 738 с.

- Gippokrat. Izbrannye knigi / per. V. I. Rudneva. – M.: Gos. izd-vo biologicheskoy i medicinskoj literatury, 1936. – 738 p.
9. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. – Пр.: Издание т-ва О. Н. Поповой, 1915. – 685 с.
Giro P. Chastnaja i obshhestvennaja zhizn' grekov. – Petrograd: Izdanie t-va O. N. Popovoj, 1915. – 685 p.
10. Daskalov V. Medizin in Bulgarien blickt auf 2000-jährige Geschichte zurück. – 2011. – Режим доступа: <http://bnr.bg/de/post/100131372/medizin-in-bulgarien-blickt-auf-2000-jhrige-geschichte-zurck>
11. Дзяк Л. А., Шульга А. Н. Шалабудов В. Н., Шульга А. А., Сук В. М. Медицинская символика и монеты храма Аполлона-Врача в античной нумизматике древнегреческих колоний, находившихся на территории современной Украины. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/SND/Medecine/11_dzjak%20I%20a%20shul_ga%20a%20n.doc.htm
- Dzjak L. A., Shul'ga A. N. Shalabudov V. N., Shul'ga A. A., Suk V. M. Medicinskaja simvolika i monety hrama Apollona-Vracha v antichnoj numizmatike drevnegrecheskih kolonij, nahodivshijsja na territorii sovremennoj Ukrainy.
12. Зелинский Ф. Ф. Соперники Христианства: Умершая наука. – М.: Школа-Пресс, 1996. – 416 с.
Zelinskij F. F. Soperniki Hristianstva: Umershaja nauka. – M.: Shkola-Press, 1996. – 416 p.
13. Зубарь В. М. Боги и герои античного Херсонеса. – К.: Стило, 2005. – 188 с.
Zubar' V.M. «Bogi i geroi antichnogo Hersonesa»Bogi i geroi antichnogo Hersonesa. – K.: Stilos, 2005. – 188 p.
14. Иванов А. В. Население эллинистического Херсонеса по данным антропологии / Херсонесский сборник. – Севастополь, 2011. – Вып. 16. – С. 105–116.
Ivanov A. V. Naselenie jellinisticheskogo Hersonesa po dannym antropologii / Hersonesskij sbornik. – Sevastopol', 2011. – Вып. 16. – Р. 105–116.
15. Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура (I – III вв. н. э.). – Харьков: Бизнес-информ, 1996. – 237 с.
Kadeev V. I. Hersones Tavricheskij: Byt i kul'tura (I – III vv. n. je.). – Har'kov: Biznes-inform, 1996. – 237 p.
16. Карпюк С. Г. Междисциплинарные подходы к изучению истории древней Греции. – Казань: Казанский федеральный университет, 2011. – 41 с.
Karpjuk S. G. Mezhdisciplinarnye podhody k izucheniju istorii drevnej Grecii. – Kazan': Kazanskij federal'nyj universitet, 2011. – 41 p.
17. Carter J. C. The Gravestones of Chersonesos. – Ege Yainlan. – 2006. – 91 p.
18. Корпус боспорских надписей / [Ред. В. В. Струве]; Наука. – М.; Л., 1965. – 950 с.
Korpus bosporskih nadpisej / [Red. V. V. Struve]; Nauka. – M.; L., 1965. – 950 p.
19. Лёпер Р. Х. Дневник раскопок херсонесского некрополя // Херсонесский сборник. – Севастополь: Изд. Херсонесского музея, 1927. – С. 187–209.
Leper R. H. Dnevnik raskopok hersonesskogo nekropolja // Hersonesskij sbornik. – Sevastopol': Izd. Hersonesskogo muzeja, 1927. – P. 187-209.
20. Лурье С. Я. Еще об амулете из Горгиппии // СА. – 1960. – № 4. – С. 234.
Lur'e S. Ja. Eshhe ob amulete iz Gorgippii // SA. – 1960. – № 4. – S. 234.
21. Максимова М. И. Амулет из Горгиппии и так называемые «шарики-подвески» // СА. – М.: АН СССР, 1962. – № 2. – С. 226–230.
Maksimova M.I. Amulet iz Gorgippii i tak nazyvaemye «shariki-podveski» // SA. – M.: AN SSSR, 1962. – № 2. – P. 226–230.
22. Назарова Т. А. Населения Херсонеса в I - XIV ст.: за антропологичними даними : автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2002.
Nazarova T. A. Naselennja Hersonesa v I - XIV st.: za antropologichnimi dannimi : avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – K., 2002.
23. Неверов О. Я. Геммы античного мира. – М.: Наука, 1982. – 144 с.
Neverov O. Ja. Gemmy antichnogo mira. – M.: Nauka, 1982. – 144 p.
24. Ortalli J. Il Chirurgo. – Режим доступа: http://www.museicomunalirimini.it/musei/museo_citta/domus_museo_citta/scavi_domus/pagina5.html

25. Rimini revealed: The site of the Surgeon's House// *Current World Archaeology*. – Issue 31. – 2007. – P. 54–58. – Режим доступа: http://www.museicomunalirimini.it/binary/musei_rimini/scavi_domus/The_site_of_the_surgeon_s_house.1233752572.pdf
26. Павсаний. Описание Эллады / пер. С. П. Кондратьева. – СПб.: Алетей, 1996. – Т. 1. – Кн. 1-4. – 336 с.
Pavsanij. Opisanie Jellady / per. S. P. Kondrat'eva. – SPb.: Aletejja, 1996. – Т. 1. – Кн. 1-4. – 336 р.
27. Папанова В. А. Урочище Сто могил: Некрополь Ольвии Понтийской. – Киев: Знання України, 2006. – 278 с.
Papanova V. A. Urochishhe Sto mogil: nekropol' Ol'vii Pontijskoj. – Kiev: Znannja Ukraïni, 2006. – 278 р.
28. Петрова Э.Б. Историческая традиция в античных государствах Северного Причерноморья и ее истоки // *Культура народов Причерноморья*. – Симферополь, 1998. – № 4. – С. 108–123.
Petrova E.B. Istoricheskaja tradicija v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ja i ee istoki // *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. – Simferopol', 1998. – № 4. – P. 108–123.
29. Пономарев Д. Ю. Палеопатогеография мочекаменной болезни в Крыму в античную и средневековую эпохи // *Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений*. – Керчь: Деметра, 2001. – С. 240–245.
Ponomarev D. Ju. Paleopatogeografija mochekamennoj bolezni v Krymu v antichnuju i srednevekovuju jepohi // *Bospor Kimmerijskij i Pont v period antichnosti i srednevekov'ja: Materialy II Bosporskih chtenij*. – Kerch': Demetra, 2001. – P. 240–245.
30. Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. – М.; Л.: Наука, 1965. – 304 с.
Rohlin D. G. Bolezni drevnih ljudej. – M.; L.: Nauka, 1965. – 304 р.
31. Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. – К.: Наукова думка, 1992. – 254 с.
Rusjaeva A. S. Religija i kul'ty antichnoj Ol'vii. – K.: Naukova dumka, 1992. – 254 р.
32. Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – К.: Стилос, 2005. – 559 с.
Rusjaeva A. S. Religija pontijskih jellinov v antichnuju jepohu. – K.: Stilos, 2005. – 559 р.
33. Ручинская О. А., Семененко Е. В. К вопросу о храмовой медицине в античных городах Западного Причерноморья в I – III вв. н. э. // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*. – 2012. – № 1005: Сер. «Історія». – Вип. 45. – С. 82–92.
Ruchinskaja O. A., Semenenko E. V. K voprosu o hramovoj medicinie v antichnyh gorodah Zapadnogo Prichernomor'ja v I – III vv. n. je. // *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina*. – 2012. – № 1005: Ser. «Istorija». – Vip. 45. – P. 82–92.
34. Ситник Г. В. Птеригиум: диагностика и лечение // *Военная медицина : научно-практический рецензируемый журнал*. – 2012. – № 1. – С. 103–107.
Sitnik G. V. Pterigium: diagnostika i lechenie // *Voennaja medicina : nauchno-prakticheskij recenziruemyj zhurnal*. – 2012. – № 1. – P. 103–107.
35. Соломоник Э. И., Антонова И. П. Надгробия врачей из античного Херсонеса // *ВДИ*. – М.: Наука, 1944. – №1. – С. 94–105.
Solomonik E.I., Antonova I.P. Nadgrobija vrachej iz antichnogo Hersonesa // *VDI*. – M.: Nauka, 1944. – № 1. – P. 94–105.
36. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. – К.: Наукова думка, 1973. – 282 с.
Solomonik E. I. Novye jepigraficheskie pamjatniki Hersonesa. – K.: Naukova dumka, 1973. – 282 р.
37. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М.: Наука, 1983– 93 с.
Solomonik E. I. Latinskie nadpisi Hersonesa Tavricheskogo. – M.: Nauka, 1983. – 93 р.
38. Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса: Греческие лапидарные надписи античного времени. – Симферополь: Таврия, 1990. – 112 с.
Solomonik E. I. Kamennaja letopis' Hersonesa: Grecheskie lapidarnye nadpisi antichnogo vremeni. – Simferopol': Tavrija, 1990. – 112 р.
39. Солопова М. А. Гален. // *Античная философия: Энциклопедический словарь*. – М. 2008. – С. 245–251.
Solopova M. A. Galen. // *Antichnaja filosofija: Enciklopedicheskij slovar'*. – M., 2008. – S. 245–251.
40. *Surgical Instruments in Greek and Roman Times*. Claredon Press: Oxford, 1907. – Режим доступа: <http://www.indiana.edu/~ancmed/instr1.html>

41. Страбон. География/ пер. Г. А. Стратановского. – М.: Наука, 1964. – 938 с.
Strabon. Geografija/ per. G. A. Stratanovskogo. – М.: Nauka, 1964. – 938 p.
42. Страшный С. В. Медицина Ольвийского государства. – 1977. – Режим доступа: <http://www.astra-lit.com/svs/svs>
- Strashnyj S. V. Medicina Ol'vijskogo gosudarstva. – 1977.
43. Sun X. Tunable spatial demultiplexer based on the Fabry-Perot filter // Optics Express. – 2006. – Vol. 14, № 18. – P. 8470–8475.
44. Финогенова С. И. Античные медицинские инструменты // СА. – М.: АН СССР, 1967. – № 1. – С. 147–161.
Finogenova S.I. Antichnye medicinskie instrumenty // SA. – М.: AN SSSR, 1967. – № 1.– P. 147–161.
45. Фонды НЗХТ, д. 964, Колл. 37022, п.п. 55.
Fondy NZHT, d. 964, Koll. 37022, p.p. 55.
46. Фонды НЗХТ, д. 936, колл. оп. 36967, п.п. 67.
Fondy NZHT, d. 936, koll. op. 36967, p.p. 67.
47. Ф. НЗХТ, д. 1087, колл. 37199, п.п. 58.
F. NZHT, d. 1087, koll. 37199, p.p. 58.
48. Ф. НЗХТ, д. 1141, колл.оп. 37301, п.п. 11.
F. NZHT, d. 1141, koll.op. 37301, p.p. 11.
49. Ф. НЗХТ, д. 1148, колл. оп. 37315, п.п. 12.
F. NZHT, d. 1148, koll. op. 37315, p.p. 12.
50. Ф. НЗХТ, д. 1154, колл. оп. 37337, п.п. 132.
F. NZHT, d. 1154, koll. op. 37337, p.p. 132.
51. Ф. НЗХТ, д. 1156, колл. оп. 37405, п.п. 56.
F. NZHT, d. 1156, koll. op. 37405, p.p. 56.
52. Ф. НЗХТ, д. 1158, колл. 37563, п. п. 66.
F. NZHT, d. 1158, koll. 37563, p. p. 66.
53. Фролов Э. Д. Интеллигенция в античном мире // Парадоксы истории – парадоксы античности. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 420 с.
Frolov Je. D. Intelligencija v antichnom mire / Paradoxsy istorii –paradoxsy antichnosti. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. – 420 p.
54. Харалдина З. Е., Новичихин А. М. Античные коллекции Анапского музея // ВДИ. – 1994. – С. 200–212.
Haraldina Z. E., Novichihin A. M. Antichnye kollekcii Anapskogo muzeja // VDI. – 1994. – С. 200–212.
55. Хомчик М. А. Античные хирургические инструменты из Ольвии // Восточноевропейский археологический журнал. – Киев, 2000. – № 2. – Режим доступа: <http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/khomchik.htm>
Homchik M. A. Antichnye hirurgicheskie instrumenty iz Ol'vii // Vostochnoevropejskij arheologicheskij zhurnal. – Kiev, 2000. – № 2. – Rezhim dostupa: <http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/khomchik.htm>
56. Цельс Авл Корнелий. О медицине / пер. Ю. Ф. Шульца. – М., 1959. – 408 с.
Cel's Avl Kornelij. O medicine/ per. Ju. F. Shul'ca. – М., 1959. – 408 p.
57. Чеховская С. А. Особенности поклонения египетским богам в Северном Причерноморье в I в. до н. э. // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – Вып. 4. – С. 249–252.
Chehovskaja S. A. Osobennosti poklonenija egipetskim bogam v Severnom Prichernomor'e v I v. do n. e. // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2011. – Вып. 4. – P. 249–252.
58. Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 195 с.
Shelov, Dmitrij Borisovich. Antichnyj mir v Severnom Prichernomor'e. – М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. – 195 s.
59. Элий Аристид. Священные речи / пер. с лат. С. И. Межерицкая. – М., 2006. – 280 с.
Elij Aristid. Svjashhennye rechi / per. s lat. S. I. Mezherickaja. – М., 2006. – 280 p.

Leybenson J. T. Ars medica of Northern Black Sea region in antiquity / J. T. Leybenson // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 26–40.

The article is devoted to the study of medical knowledge and practice of the ancient city-states of the Northern Black Sea region. The main objectives of the article - to consider the relationship of the Healing Art in N.Pontic region with medical centers antiquity (Pergamon, Epidaurus, Colophon, Kos) and classic works of Greek and Roman authors: Hippocrates, Galen, Celsus; to compare collection of medical instruments, mainly from Olbia and Chersonesos, with the collections of surgical devices from Pompeii, Baden, Bing, as well as with the description of the purpose and functions of the medical equipment in the work "De Medicina" by Aulus Cornelius Celsus. Author also give a historical and anthropological data about the nature of diseases of the local population in antiquity. The medicine of ancient cities considered in its three versions: Professional, temple and traditional.

Keywords: Northern Black Sea region, medicine, antiquity, surgical instruments.

УДК [070:93](477.75)

ЖУРНАЛ «МОРСКОЙ СБОРНИК» КАК ИСТОЧНИК ПО БИОГРАФИКЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Леписевич Н. З.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nata-lepisevich@yandex.ru*

Рассмотрены основные биографические публикации журнала «Морской сборник», посвященные лицам, связавшим свою жизнь с Крымом. Установлено, что данные материалы являются важным крымоведаческим источником. Они дают нам важные характеристики выдающихся деятелей Черноморского флота – Д. П. Сенявину, Ф. Ф. Ушакову, А. С. Грейгу, Г. И. Бутакову и другим флотоводцам и морякам. Публикация биографий на страницах журнала имела целью не только отдать дань памяти героев, но и показать пример для подражания молодым флотским офицерам. Этим объясняется преимущественно позитивистский подход к изложению материала. Уникальность сведений, публикуемых в журнале, во многом объясняется тем, что авторы статей зачастую лично знали их героев, были их близкими друзьями или коллегами по службе. Еще одним фактором, повышавшим информационную значимость биографических публикаций издания, была кропотливая работа его корреспондентов. Так, В. П. Ильинский лично посетил погребение адмирала Ф. Ф. Ушакова в Тамбовской губернии. С одной стороны, материалы «Морского сборника» зафиксировали основные представления о значимых фигурах, служивших на флоте в период с конца XVIII по начало XX века, ставшие с течением времени традиционными и устоявшимися. С другой стороны, публикации журнала часто готовились людьми, лично знавшими героев своих материалов, что делает данные работы особенно ценными в общем корпусе биографических источников по истории Крыма.

Ключевые слова: «Морской сборник», биографика, Севастополь, Черноморский флот.

Одним из главных направлений деятельности «Морского сборника», заявленных уже в первом варианте его официальной программы, стало создание кратких исторических статей, публикаций и некрологов. Со временем биографические публикации стали важной составляющей содержания журнала. Значительная их часть посвящалась выдающимся флотоводцам и морякам, связавшим свою жизнь с Черноморским флотом и его главной базой – Севастополем. Публикация биографий на страницах журнала имела целью не только отдать дань памяти героев, но и показать пример для подражания молодым флотским офицерам. Этим объясняется преимущественно позитивистский подход к изложению материала.

Деятельное участие в обустройстве Севастополя принял будущий адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. В «Морском сборнике» было опубликовано два подробных биографических очерка о флотоводце: авторства А. Арцымовича (1855 год) [1] и В. Гончарова (1913 год) [2]. Вторая публикация была к 150-летию со дня рождения Д. Н. Сенявина. В обоих биографических очерках внимание фиксируется на ключевых событиях из жизни адмирала. Из них с Крымом связаны следующие моменты: служба флаг-офицером при контр-адмирале Ф. Ф. Мекензи, командование пакетботом «Карабут», участие в русско-турецкой войне 1787–1791 годов, руководство Севастопольским портом в 1803–1804 годах.

Вопросы биографии командующего Черноморским флотом в 1790–1792 годах адмирала Федора Федоровича Ушакова разрабатывались в «Морском сборнике» корреспондентом журнала и сотрудником столичного Морского музея В. П. Ильинским. Первая его публикация на эту тему была посвящена проведенным флотоводцем мероприятиям по борьбе с чумой в Херсоне в 1783 году и основывалась на ранее неизвестных документах из архивов Морского министерства. В. П. Ильинский назвал основные действия Ф. Ф. Ушакова: он приказал разделить команду пораженных чумой кораблей на артели, минимизировал общение заболевших с посторонними людьми, ввел карантин и принял решение об окуривании помещений, организовал надзор за соблюдением мер по поддержанию чистоты и опрятности. За проделанную работу адмирал получил свою первую крупную награду – орден Святого Владимира IV степени [3].

К 125-й годовщине битвы при мысе Калиакрия (последней морской битвы русско-турецкой войны 1787–1791 годов) В. П. Ильинский подготовил очерк о поездке на могилу флотоводца [4]. Долгое время место захоронения прославленного морского командира, который не потерпел за годы службы ни одного поражения, оставалось неизвестным. В результате долгих поисков было установлено, что могила Ф. Ф. Ушакова находилась в Санаксарском монастыре близ города Темников Тамбовской губернии. В. П. Ильинский посетил эту местность и осмотрел дом адмирала в соседней с обителью деревне Алексеевка. Жилище в целом сохранилось, но в нем не осталось никаких следов пребывания исторической личности. Корреспондентом «Морского сборника» были сделаны фотографии дома адмирала, близлежащего леса и часовни над могилой Ф. Ф. Ушакова. Также В. П. Ильинский описал установленный племянником адмирала памятник с надгробной надписью, в которой оказалось несколько ошибок. В частности неверно были названы месяц смерти Ф. Ф. Ушакова (сентябрь вместо правильного октября) и его возраст (72 года, а не 74). Кроме этого, в заметке были приведены извлечения из датированных 1829 годом записок современника адмирала игумена Нафанаила. В них рассказывалось про уединенную и скромную жизнь героя в селе Алексеевка, а также про его помощь местной обители. Ценности публикации В. П. Ильинского добавляет то обстоятельство, что в годы революционного лихолетья часовня в Санаксарском монастыре была разграблена и разрушена, поэтому статья «Морского сборника» является одним из наиболее достоверных описаний первозданного вида погребения.

К столетию со дня смерти Ф. Ф. Ушакова на страницах «Морского сборника» появился краткий очерк, в котором назывались основные достижения адмирала. К ним были отнесены создание новой морской тактики, успешная борьба с чумой в Херсоне в 1783 году, взятие Корфу, развитие Севастополя как военно-морской базы, участие в основании на территории Греции Республики семи соединенных островов – первой формы греческой государственности со времени падения Константинополя. Анонимным автором статьи особенно подчеркивалось, что Ф. Ф. Ушакову принадлежит первое место в завоевании Российской империей Черного моря [5].

Интересный, хотя и противоречивый, источник по биографии Ф. Ф. Ушакова был найден В. П. Ильинским в Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге и опубликован в «Морском сборнике». Это записки капитан-лейтенанта Егора Павловича Метаксы, содержащие повествование о плавании и военных подвигах русской и турецкой эскадр с 1798 по 1801 год [6]. Е. П. Метакса начал их вести непосредственно во время похода, а закончил уже в 20-е годы XIX века. Благодаря этому источнику можно судить о ходе боевых действий и о личных и деловых качествах Ф. Ф. Ушакова. Важным дополнением к запискам Е. П. Метаксы стали приложенные к ним копии писем и других документов. Важно указать, что относиться к данной работе следует критически. По замечанию советского историка Н. И. Казакова, труд Е. П. Метаксы не может рассматриваться как первоисточник мемуарного характера, поскольку им повредила позднейшая литературная обработка писателя и чиновника Александра Яковлевича Булгакова, небрежность Егора Павловича при цитировании документов, а также его удаленность от Ф. Ф. Ушакова во время экспедиции [7].

Немало сделал для становления Севастополя как базы Черноморского флота адмирал Алексей Самуилович Грейг. Его имя после смерти в 1845 году было на некоторое время предано забвению, однако с началом Великих реформ было возвращено из небытия. Образ просвещенного адмирала, заботящегося об образовании подчиненных и стремящегося использовать передовые технологии в работе флота, был созвучен эпохе. Поэтому в «Морском сборнике» появилась серия публикаций о флотоводце. Первой из них стала взятая из «Одесского вестника» заметка, представлявшая собой анонимные воспоминания [8]. В них А. С. Грейг выведен как «идеал глубоко ученого моряка, моряка-практика и цельно-образованного человека». Адмирал возглавил Черноморский флот в 1816 году и нашел его технически устаревшим. Уже через короткое время при деятельном участии А. С. Грейга флот был оснащен лучшими мелкими судами. Еще одним предметом забот Алексея Самуиловича стало образование юношества: он лично присутствовал на выпускных экзаменах и поддерживал наиболее талантливых учеников. Постоянными на Черноморском флоте стали практические занятия и учения. Флотоводец принял активное участие в организации офицерской библиотеки в Севастополе и устройстве маяков в портах на Черном море.

Нововведения в жизни Севастополя, осуществленные при А. С. Грейге, были описаны в статье 1862 года [9]. В заслугу флотоводцу ставилось внедрение бриделей – якорно-цепного способа укрепления судов на рейдах при слабом грунте и порывистых ветрах. С помощью бридельных цепей ставились в Южной бухте фрегаты и корабли. Необходимые для флота вещи (механические машины, инструменты, краски и т.д.) А. С. Грейг предпочитал заказывать за рубежом, причем казне они обходились дешевле, нежели отечественные. При этом адмирал полагал, что заказанные предметы должны стать образчиками для местных умельцев.

А. С. Грейг существенно улучшил подготовку юнг, используя новейшие на то время педагогические методики. По его указанию было перестроено здание госпиталя, а доверенные лица адмирала из числа экипажных командиров регулярно наблюдали за порядком в них, чистотой и продовольственным снабжением. По хода-

тайству флотоводца было увеличено финансовое содержание офицеров. В Севастополе были построены двухэтажные казармы и учреждена верфь, с которой были спущены шлюп «Диана», фрегат «Рафаил», корвет «Сизополь», бригантины «Елизавета» и «Нарцисс», шхуны «Севастополь» и «Смелая», тендер «Жаворонок» и другие суда. А. С. Грейг планировал также построить в городе новое здание адмиралтейства и оборонительную линию.

Положительная характеристика деятельности А. С. Грейга дана в отдельной анонимной статье об обстоятельствах сооружения памятника адмиралу в Николаеве, опубликованной в 1863 году [10]. Ее автор сам был черноморцем и застал последние годы пребывания Алексея Самуиловича на Черном море. Корреспондент «Морского сборника» сожалел, что на момент появления статьи не имелось полноценной биографии А. С. Грейга, которая осветила бы «поучительную историю жизни и заслуг этого замечательного человека». Он отмечал умение флотоводца поощрять стремление молодых моряков к научным знаниям и профессиональным навыкам, давать советы и отеческие наставления заступающим на службу. Масштаб фигуры А. С. Грейга показан в статье через сравнение с другой выдающейся личностью – Михаилом Петровичем Лазаревым. Так, Алексей Самуилович назван «человеком светлого, пронизательного ума, с верным политическим государственным взглядом, обширными, многосторонними познаниями». Той же позиции придерживался и М. П. Лазарев, всегда уважительно отзывавшийся о предшественнике. Обладая ограниченными средствами на устройство Черноморского флота и портов, столкнувшись с трудностями первоначального устройства морской базы, А. С. Грейгу удалось сделать очень многое для укрепления южных рубежей Российской империи.

Представляют интерес и перипетии появления памятника А. С. Грейгу в Николаеве. Такие мысли регулярно появлялись у многих современников и подчиненных адмирала, но окончательно оформились во время посещения города императором Александром II и великим князем Константином Николаевичем в 1861 году. Во время этого визита возник вопрос о месте установке монумента М. П. Лазареву. В качестве вариантов предлагались Николаев и Севастополь. Ветеранам-черноморцам удалось убедить власти в том, что Михаил Петрович больше любил Севастополь, а в Николаеве следует увековечить именно А. С. Грейга. Предложение было одобрено, и вскоре известный скульптор Николай Степанович Пименов разработал проект памятника. Для его сооружения была объявлена всероссийская подписка. Автор заметки просил присылать в редакцию «Морского сборника» сведения об адмирале А. С. Грейге и его управлении Черноморским флотом.

Наиболее полный биографический материал об А. С. Грейге был подготовлен А. Б. Асланбеговым и опубликован в 1883 году [11]. Публикация была приурочена к открытию памятника адмиралу в Николаеве, сделанного уже по проекту Михаила Осиповича Микешина и Александра Михайловича Опекушина. Автор разделил биографию флотоводца на несколько периодов. Первый из них (1775–1816) составляли время от рождения и прохождения по службе до назначения главным командиром Черноморского флота. Будущую блестящую карьеру А. С. Грейга предвещали уже первые события в его жизни. Его крестными родителями были императрица Екатерина II и граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский. Морскому делу

А. С. Грейг обучался в Англии, где побывал трижды. В 1798 году принимал участие в войне России и Франции, командуя кораблем «Ретвизан». После этого молодой капитан отправился к берегам Нидерландов, где отличился при взятии крепости Гельдерн. Талантливый командир, единственный в капитанском чине, привлекли к участию в работе Комитета улучшения флота. В 1804 году А. С. Грейг добился перевода в действующий флот, где исполнял важные дипломатические поручения и командовал кораблями в боях у Дарданелл и близ Афонской горы. Во время Отечественной войны с Наполеоном Алексей Самуилович командовал флотилией, осуществлявшей блокаду Данцига.

Второй период жизни А. С. Грейга (1816–1833) А. Б. Асланбегов связал с деятельностью адмирала на постах командующего Черноморским флотом и военного губернатора Севастополя и Николаева. Ему удалось вывести флот на качественно новый уровень. Он увеличил количество кораблей, регулярно проводил учения в море, обустроив портовые города. Черноморский флот под его командованием проявил себя во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов, покорив Анапу и Варну. Во время последнего периода жизни (1833–1845) А. С. Грейг посвятил себя работе в Государственном совете, став основателем Пулковской обсерватории под Санкт-Петербургом и главой Вольного экономического общества. В заключение своей биографической работы А. Б. Асланбегов давал высокую оценку личным качествам адмирала: «Его прямой открытый характер уничтожал всякое поползновение к фаворитизму; враг кастовых отличий, он всячески старался о сближении общества. Общежитие, радушие, гостеприимство оставляли неизгладимое воспоминание во всех тех, кто ими пользовался, а его прекрасная, спокойная, величавая наружность, соединенная с природной приветливостью, располагали к той интимной приятной беседе, к той отрадной сердечной свободе, которая устраняет всяческую принужденность».

Еще одним командиром Севастопольского порта был адмирал Александр Павлович Авинов. В 1855 году в «Морском сборнике» был опубликован материал о его жизни и службе [12]. А. П. Авинов попал в Севастополь в 1834 году, после назначения его старого сослуживца М. П. Лазарева главным руководителем Черноморского флота. Александр Павлович вначале занимал должность начальника штаба, а после стал командиром Севастопольского порта. Здесь он осуществляет поручения своего патрона, состоя председателем комитетов о сооружении в городе адмиралтейства и сухих доков. С 1841 по 1849 год А. П. Авинов был военным губернатором Севастополя, оставив этот пост только по причине болезни.

Краткие воспоминания о капитан-лейтенанте Марке Лазаревиче Серебрякове, сыне прославленного адмирала М. Л. Серебрякова, написал и опубликовал лейтенант Чернявский [13]. С начала 50-х годов XIX века моряк находился в Керчи, где командовал паровой шхуной «Аргонавт». В дни Крымской войны он попал в Севастополь, служил на Малаховом кургане и героически погиб 23 марта 1855 года.

Записки гардемарина Аполлона Степановича Леонтовича, служившего на бриге «Орфей», представил на суд читателей А. Кротков [14]. Эти материалы были созданы в дни русско-турецкой войны 1828–1829 годов, когда корабль крейсировал вдоль

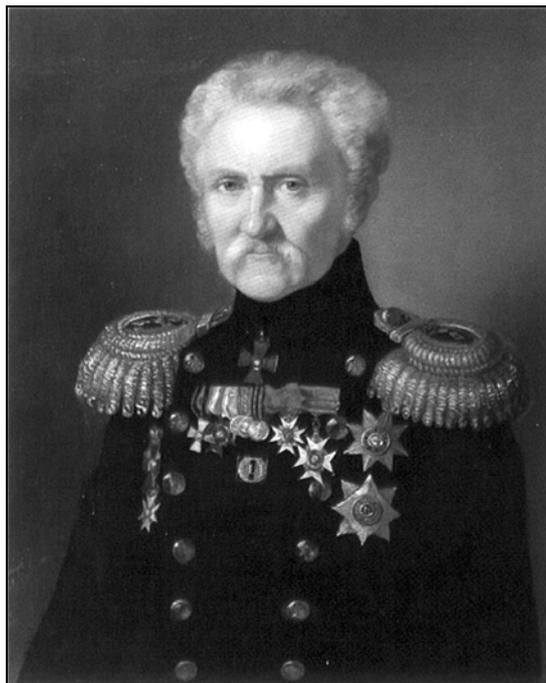
берегов Черного моря и принимал участие в боях. А. С. Леонтович описал бытовую сторону морской службы на Черном море, увиденные им события войны и достопримечательности портов, в которых ему довелось побывать. Одним из таких городов был Севастополь [15].

Одним из ярчайших адмиралов флота Российской империи был Григорий Иванович Бутаков. «Морской сборник» опубликовал несколько статей, посвященных его памяти. К тридцатилетию со дня смерти Г. И. Бутакова К. Г. Житков написал биографический очерк, в котором особое внимание уделялось крымским страницам жизни моряка [16]. В дни Крымской войны Григорий Иванович служил на пароходе «Владимир» и умело проявил себя как морской артиллерист. В частности, именно под его руководством велся огонь с моря во время Инкерманского сражения. С 1856 года Г. И. Бутаков был военным губернатором Николаева и Севастополя. В статье приводится положительная характеристика его пребывания на этом посту.

Военные таланты Г. И. Бутакова и его личные качества описаны в опубликованных под подписью «Старый механик» воспоминаниях [17]. В них указано, что в истории флота и военно-морского дела имя адмирала должно по справедливости занимать самое высокое и почетное место. По складу ума, деятельности и особенностям своего характера Г. И. Бутаков не был похож на других своих коллег. Старый механик отметил, что теоретик и практик морской артиллерии «не любил много говорить и отличался молчаливостью, но если о чем говорил и писал, то все это было высокой степени умно, ясно и просто». Адмирал был прекрасным специалистом в тактических вопросах и уделял огромное внимание практической подготовке в возглавляемых им эскадрах.

Содержательную мемуарную публикацию подготовил близко знавший Г. И. Бутакова профессор Николаевской академии генерального штаба Александр Николаевич Витмер [18]. Он подробно описал служебные качества адмирала, назвав его «настоящим флотоводцем». Г. И. Бутаков был человеком умным и честным, никто из подчиненных никогда не слышал от него крика. Он не подавлял окружающих любезностью, был прост и спокоен в разговорах. При обсуждениях адмирал постоянно требовал от сослуживцев мнения по всем вопросам и соглашался с их советами. При этом Г. И. Бутаков имел редкое качество, несвойственное военным руководителям столь высокого ранга: он признавал собственную некомпетентность в деле устройства крепостей и вопросах сухопутной войны. В решении таких проблем он целиком полагался на талантливых коллег. Трогательно описана последняя встреча А. Н. Витмера с адмиралом. Она состоялась в Ялте за четыре месяца до кончины флотоводца. Григорий Иванович к тому времени был членом Государственного совета и тяжело переживал вынужденную оторванность от любимого – морского – дела.

Одним из соратников Г. И. Бутакова был вице-адмирал гидрограф Виктор Иванович Зарудный. Некролог его памяти авторства барона Фердинанда Фердинандовича Врангеля [19]. Ученый в 1848–1850 годах обследовал берега Черного моря для составления лоций. С 1863 года В. И. Зарудный 25 лет занимал пост директора маяков Черного и Азовского морей. Ф. Ф. Врангель указывал на фанатичное отношение гидрографа к своему делу.

Александр Павлович Авинов

Авраамий Богданович Асланбегов

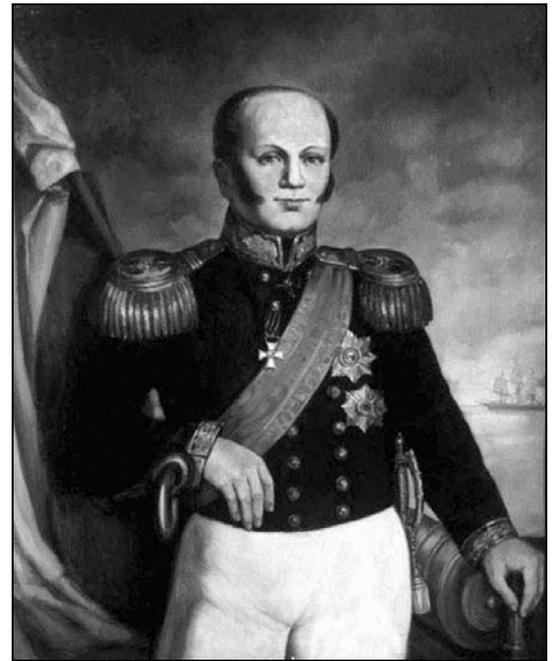
Григорий Иванович Бутаков

Иван Федорович Лихачев

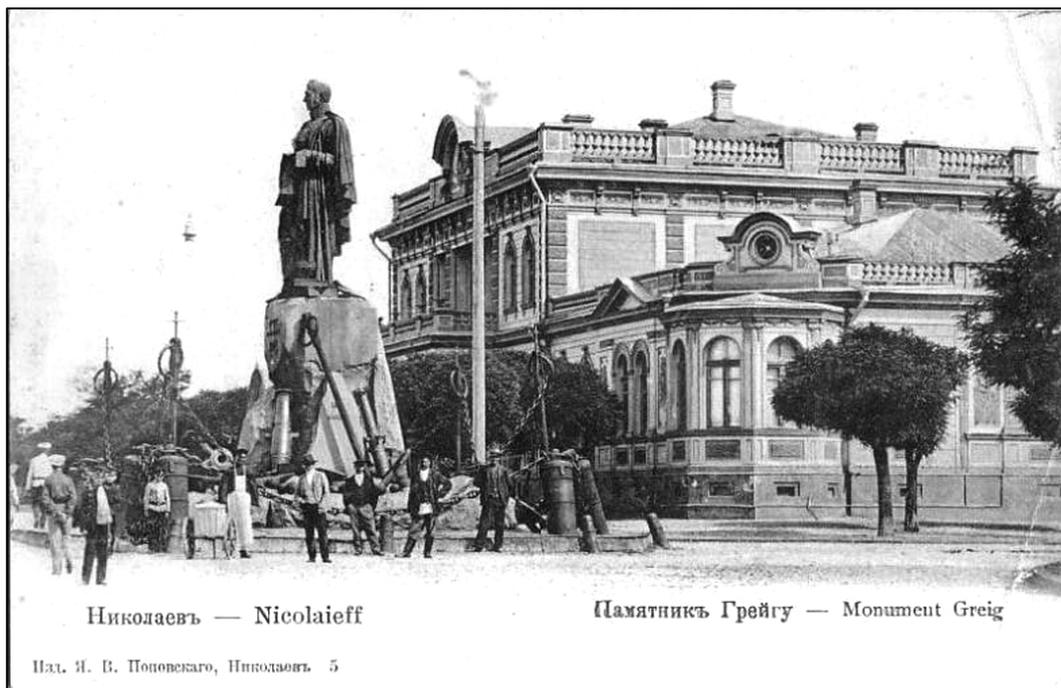
Михаил Осипович Микешин

Дмитрий Николаевич Сенявин

Федор Федорович Ушаков

Памятник А. С. Грейгу в Николаеве

Немало материалов было посвящено могущественному покровителю «Морского сборника» великому князю Константину Николаевичу, чья жизнь была связана с Крымом, а имение в Ореанде было, пожалуй, самым любимым его местом на земле. Первым материалом мемориального характера следует считать некролог представителю династии Романовых, в котором дана краткая характеристика деятельности великого князя [20]. Основные достижения князя как администратора рассмотрены в статье А. Беломора о генерал-адмиралах русского флота [21]. В воспоминаниях Старого механика рассмотрено участие Константина Николаевича в становлении парового флота в Российской империи [22]. В подготовленной К. Г. Житковым работе памяти великого князя дана оценка роли государственного деятеля в проведении Великих реформ Александра II и в становлении журнала «Морской сборник» [23].

Некролог морскому историку и многолетнему сотруднику флотского журнала Виктору Филипповичу Головачеву был опубликован в первом номере «Морского сборника» за 1905 год [24]. Из него можно узнать, что исследователь окончил Морской корпус офицером в 1838 году, его товарищами по выпуску стали будущие адмиралы А. А. Попов и А. Б. Асланбегов. После этого он принимал участие в хождении судов по Черному морю. В 1848 году В. Ф. Головачев вышел в отставку по болезни. После этого он занимается литературной работой, концентрируясь преимущественно на истории флота. Одним из главных его сочинений стала работа «Исто-

рия Севастополя, как русского порта», изданная Севастопольским отделом на Политехнической выставке 1872 года.

К пятилетию со дня смерти вице-адмирала Ивана Федоровича Лихачева редактор «Морского сборника» Константин Георгиевич Житков подготовил мемориальную статью [25]. В ней также присутствует ряд крымских сюжетов из биографии моряка. В 1844 году он был переведен на Черное море, но уже в 1850 году отбыл на Балтику. С началом Крымской войны И. Ф. Лихачев возвращается в Севастополь и получает назначение на должность флаг-офицера начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала В. А. Корнилова. В дни обороны офицер героически проявляет себя во время сражений. Накануне оставления Севастополя, распорядившись на переправе, И. Ф. Лихачев был контужен в голову. В 1855 году он возвращается на Черное море для работы начальником штаба при заведующем морской частью Г. И. Бутакове. С 1858 года Иван Федорович был адъютантом великого князя Константина Николаевича, отличаясь активной исследовательской работой и важными предложениями по реформированию флота.

Материалы «Морского сборника» позволяют также дополнить имеющиеся представления о выдающихся деятелях российской истории. Так, на страницах журнала в 1907 году был опубликован перевод с французского языка статьи «Настоящее и будущее подводного плавания», выполненный известным впоследствии ученым и военным, будущим верховным правителем России, Александром Васильевичем Колчаком [26].

Таким образом, биографические публикации журнала «Морской сборник» являются важным крымоведческим источником. Они дают нам важные характеристики выдающихся деятелей Черноморского флота – Д. П. Сенявину, Ф. Ф. Ушакову, А. С. Грейгу, Г. И. Бутакову и другим флотоводцам и морякам. С одной стороны, материалы «Морского сборника» зафиксировали основные представления о значимых фигурах, служивших на флоте в период с конца XVIII по начало XX века, ставшие с течением времени традиционными и устоявшимися. С другой стороны, публикации журнала часто готовились людьми, лично знавшими героев своих материалов, что делает данные работы особенно ценными в общем корпусе биографических источников по истории Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. Арцымович. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. – 1855. – Т. 15. – № 4. – отд. уч.-лит. – С. 113–171; Т. 16. – № 5. – второй отдел. – отд. уч.-лит. – С. 127–177; Т. 17. – № 8. – второй отдел. – отд. уч.-лит. – С. 291–347; Т. 18. – № 10. – второй отдел. – отд. уч.-лит. – С. 375–416; Т. 19. – № 12. – отд. уч.-лит. – С. 230–267.
Arcymovich. Admiral Dmitrij Nikolaevich Senjavin // Morskoj sbornik. – 1855. – Т. 15. – № 4. – отд. uch.-lit. – S. 113–171; Т. 16. – № 5. – vtoroj otdel. – otd. uch.-lit. – S. 127–177; Т. 17. – № 8. – vtoroj otdel. – otd. uch.-lit. – S. 291–347; Т. 18. – № 10. – vtoroj otdel. – otd. uch.-lit. – S. 375–416; Т. 19. – № 12. – otd. uch.-lit. – S. 230–267.
2. Гончаров В. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. – 1913. – Т. 377. – № 7. – отд. неоф. – С. 1–100.
Goncharov V. Admiral Dmitrij Nikolaevich Senjavin // Morskoj sbornik. – 1913. – Т. 377. – № 7. – otd. neof. – S. 1–100.
3. Ильинский В. К биографии адмирала Ф. Ф. Ушакова (1745–1816 гг.) // Морской сборник. – 1914. – Т. 381. – № 4. – отд. неоф. – С. 1–16.

- П'inskij V. K biografii admirala F. F. Ushakova (1745–1816 gg.) // Morskoj sbornik. – 1914. – Т. 381. – № 4. – отд. neof. – С. 1–16.
4. Ильинский В. Поездка на могилу адмирала Ф. Ф. Ушакова // Морской сборник. – 1916. – Т. 393. – № 3. – отд. neof. – С. 51–60.
- П'inskij V. Pоеzdka na mogilu admirala F. F. Ushakova // Morskoj sbornik. – 1916. – Т. 393. – № 3. – отд. neof. – С. 51–60.
5. Памяти адмирала Ф. Ф. Ушакова // Морской сборник. – 1917. – Т. 402. – № 10. – отд. neof. – С. 1–5.
- Рамjати admirala F. F. Ushakova // Morskoj sbornik. – 1917. – Т. 402. – № 10. – отд. neof. – С. 1–5.
6. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы, содержащие в себе повествование о плавании и военных подвигах соединенных российской и турецкой эскадр под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова, от 1798 по 1801 год // Морской сборник. – 1914. – Т. 383. – № 6. – прил. – С. 1–32; Т. 384. – № 8. – прил. – С. 33–48; Т. 385. – № 11. – прил. – С. 49–64; Т. 385. – № 12. – прил. – С. 65–80; 1915. – Т. 386. – № 1. – прил. – С. 81–112; Т. 386. – № 2. – прил. – С. 113–144; Т. 387. – № 3. – прил. – С. 145–176; Т. 387. – № 4. – прил. – С. 177–208; Т. 388. – № 5. – прил. – С. 209–243.
- Zapiski flota kapitan-lejtenanta Egora Metakсы, sodержashhie v sebe povestvovanie o plavanii i voennyh podvigah soedinennyh rossijskoj i tureckoj jeskadr pod nachal'stvom admirala Fedora Fedorovichа Ushakova, ot 1798 po 1801 god // Morskoj sbornik. – 1914. – Т. 383. – № 6. – pril. – С. 1–32; Т. 384. – № 8. – pril. – С. 33–48; Т. 385. – № 11. – pril. – С. 49–64; Т. 385. – № 12. – pril. – С. 65–80; 1915. – Т. 386. – № 1. – pril. – С. 81–112; Т. 386. – № 2. – pril. – С. 113–144; Т. 387. – № 3. – pril. – С. 145–176; Т. 387. – № 4. – pril. – С. 177–208; Т. 388. – № 5. – pril. – С. 209–243.
7. Казаков Н. И. О происхождении и характере «Записок флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы» / Археографический ежегодник за 1962 год. – М., 1963. – С. 312–322.
- Kazakov N. I. O proishozhdenii i haraktere «Zapisok flota kapitan-lejtenanta Egora Metakсы» / Arheograficheskij ezhegodnik za 1962 god. – М., 1963. – С. 312–322.
8. Адмирал А. С. Грейг: из воспоминаний моряка // Морской сборник. – 1861. – Т. 56. – № 12. – смесь. – С. 130–136.
- Admiral A. S. Grejg: iz vospominanij morjaka // Morskoj sbornik. – 1861. – Т. 56. – № 12. – smes'. – С. 130–136.
9. Сайн Н. Еще материалы для биографии адмирала А. С. Грейга // Морской сборник. – 1862. – Т. 61. – № 8. – смесь. – С. 50–61.
- Sajn N. Eshhe materialy dlja biografii admirala A. S. Grejga // Morskoj sbornik. – 1862. – Т. 61. – № 8. – smes'. – С. 50–61.
10. О памятнике адмиралу Грейгу // Морской сборник. – 1863. – Т. 65. – № 3. – отд. neof. – С. 3–9.
- O pamjatnike admiralu Grejgu // Morskoj sbornik. – 1863. – Т. 65. – № 3. – отд. neof. – С. 3–9.
11. Асланбегов А. Адмирал Алексей Самуилович Грейг // Морской сборник. – 1873. – Т. 125. – № 3. – отд. neof. – С. 1–149.
- Aslanbegov A. Admiral Aleksej Samuilovich Grejg // Morskoj sbornik. – 1873. – Т. 125. – № 3. – отд. neof. – С. 1–149.
12. Воспоминание по жизни и службе адмирала Александра Павловича Авинова // Морской сборник. – 1855. – Т. 14. – № 1. – отд. уч.-лит. – С. 68–85.
- Vospominanie po zhizni i sluzhbe admirala Aleksandra Pavlovicha Avinova // Morskoj sbornik. – 1855. – Т. 14. – № 1. – отд. uch.-lit. – С. 68–85.
13. Чернявский. Воспоминание о М. Л. Серебрякове // Морской сборник. – 1855. – Т. 23. – № 9. – смесь. – С. 84–87.
- Chernjavskij. Vospominanie o M. L. Serebrjakove // Morskoj sbornik. – 1855. – Т. 23. – № 9. – smes'. – С. 84–87.
14. Кротков А. Записки Ап. Леонтовича // Морской сборник. – 1904. – Т. 322. – № 4. – отд. neof. – С. 1–4.
- Krotkov A. Zapiski Ap. Leontovichа // Morskoj sbornik. – 1904. – Т. 322. – № 4. – отд. neof. – С. 1–4.
15. Журнал плавания по ЧМ ЧФ гардемарина Аполлона Леонтовича, 1828 года // Морской сборник. – 1904. – Т. 322. – № 4. – отд. neof. – С. 5–24.
- Zhurnal plavanija po ChM ChF gardemarina Apollona Leontovichа, 1828 godа // Morskoj sbornik. – 1904. – Т. 322. – № 4. – отд. neof. – С. 5–24.

16. Житков К. Светлой памяти Григория Ивановича Бутакова, адмирала русского флота // Морской сборник. – 1912. – Т. 369. – № 4. – отд. неоф. – С. 1–96.
 Zhitkov K. Svetloj pamjati Grigorija Ivanovicha Butakova, admirala russkogo flota // Morskoj sbornik. – 1912. – Т. 369. – № 4. – otd. neof. – S. 1–96.
17. Старый механик. Из воспоминаний о Г. И. Бутакове // Морской сборник. – 1913. – Т. 376. – № 5. – отд. неоф. – С. 1–9.
 Staryj mehanik. Iz vospominanij o G. I. Butakove // Morskoj sbornik. – 1913. – Т. 376. – № 5. – otd. neof. – S. 1–9.
18. Витмер А. Н. Что видел, что слышал, кого знал // Морской сборник. – 1914. – Т. 382. – № 5. – отд. неоф. – С. 19–58; Т. 382. – № 6. – отд. неоф. – С. 1–33.
 Vitmer A. N. Chto videl, chto slyshal, kogo znal // Morskoj sbornik. – 1914. – Т. 382. – № 5. – otd. neof. – S. 19–58; Т. 382. – № 6. – otd. neof. – S. 1–33.
19. Врангель Ф. Памяти вице-адмирала Виктора Ивановича Зарудного // Морской сборник. – 1898. – Т. 283. – № 2. – отд. неоф. – С. 115–123.
 Vrangel' F. Pamjati vice-admirala Viktora Ivanovicha Zarudnogo // Morskoj sbornik. – 1898. – Т. 283. – № 2. – otd. neof. – S. 115–123.
20. Некролог е.и.в. великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича // Морской сборник. – 1892. – Т. 247. – № 2. – отд. неоф. – С. 1–5.
 Nekrolog e.i.v. velikogo knjazja general-admirala Konstantina Nikolaevicha // Morskoj sbornik. – 1892. – Т. 247. – № 2. – otd. neof. – S. 1–5.
21. Беломор А. Генерал-адмиралы русского флота // Морской сборник. – 1909. – Т. 351. – № 4. – отд. неоф. – С. 1–32.
 Belomor A. General-admiraly russkogo flota // Morskoj sbornik. – 1909. – Т. 351. – № 4. – otd. neof. – S. 1–32.
22. Старый механик. Из воспоминаний о великом князе Константине Николаевиче // Морской сборник. – 1914. – Т. 380. – № 1. – отд. неоф. – С. 1–6.
 Staryj mehanik. Iz vospominanij o velikom knjaze Konstantine Nikolaeviche // Morskoj sbornik. – 1914. – Т. 380. – № 1. – otd. neof. – S. 1–6.
23. Житков К. Светлой памяти великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала русского флота // Морской сборник. – 1912. – Т. 368. – № 1. – отд. неоф. – С. 1–72; Т. 369. – № 3. – отд. неоф. – С. 1–64.
 Zhitkov K. Svetloj pamjati velikogo knjazja Konstantina Nikolaevicha, general-admirala russkogo flota // Morskoj sbornik. – 1912. – Т. 368. – № 1. – otd. neof. – S. 1–72; Т. 369. – № 3. – otd. neof. – S. 1–64.
24. А. де-Л. Виктор Филиппович Головачев // Морской сборник. – 1905. – Т. 326. – № 1. – отд. неоф. – С. 1–6.
 A. de-L. Viktor Filippovich Golovachev // Morskoj sbornik. – 1905. – Т. 326. – № 1. – otd. neof. – S. 1–6.
25. К. Ж. Вице-адмирал Иван Федорович Лихачев // Морской сборник. – 1912. – Т. 373. – № 11. – отд. неоф. – С. 1–46.
 K. Zh. Vice-admiral Ivan Fedorovich Lihachev // Morskoj sbornik. – 1912. – Т. 373. – № 11. – otd. neof. – S. 1–46.
26. Настоящее и будущее подводного плавания / пер. с фр. А. Колчак // Морской сборник. – 1907. – Т. 343. – № 11. – отд. неоф. – С. 41–43; № 12. – отд. неоф. – С. 83–100.
 Nastojashhee i budushhee podvodnogo plavanija / per. s fr. A. Kolchak // Morskoj sbornik. – 1907. – Т. 343. – № 11. – otd. neof. – S. 41–43; № 12. – otd. neof. – S. 83–100.

Lepisevich N. Z. Magazine «Marine Collection» as a source of biography by prominent figures of the Black Sea Fleet / N. Z. Lepisevich // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 41–53.

Were considered the basic biographical publications of the magazine «Marine Collection», which were dedicated to the individuals whose lives were linked with the Crimea. It has been established that these materials are an important Crimean local-history source. They give us the main characteristics of the outstanding figures of the Black Sea Fleet – D. P. Senyavin, F. F. Ushakov, A. S. Greig, G. I. Butakov and other naval commander. Publishing biographies in the magazine was intended not only to pay tribute to the

heroes, but also set an example for others who may pursue a naval officer career. These circumstances explain the predominantly positivist approach to the presentation of the material. The uniqueness of the data published in the journal, is based on the fact that the authors of articles often personally knew their heroes, was their close friends or colleagues at work. Another factor that enhanced the importance of biographical publications was the painstaking work of his correspondents. Thus, V. P. Il'inskii personally visited the burial of Admiral Ushakov in Tambov province. On the one hand, the materials' of «Marine Collection» caught the basic understanding of the important figures who served in the Navy, during the period from the end of XVIII and the beginning of the XX century, which became over time the traditional and well-established. On the other hand, the texts in the magazine were often prepared by people who knew the heroes of their materials, which makes these works particularly valuable as a biographical source on the history of the Crimea.

Keywords: «Marine Collection», Biography studies, Sevastopol, the Black Sea Fleet.

УДК.727.7 (477.75) «1944»

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА В 1944 ГОДУ

Манаяев А. Ю.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: a_manaev@ukr.net*

Рассматриваются вопросы состояния памятников культурного наследия Крыма в 1944 году на основании новых архивных документов – актов обследования памятников, составленных экспедицией отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры при Совете Народных Комиссаров РСФСР. В ходе работ было изучено состояние архитектурных памятников Керчи, Судака, Феодосии, Симферополя, Севастополя, Бахчисарая, Южного берега Крыма.

Ключевые слова: Крым, охрана памятников, акты обследования.

История изучения культурного наследия Крыма сегодня заслуженно находится в центре внимания исследователей. За последние годы подготовлено ряд монографий и публикаций, в которых анализируются как отдельные хронологические периоды в истории исследований памятников Крыма [1], так и проблемы охраны и использования конкретных объектов культурного наследия, в частности, Херсонеса Таврического [2], Судакской крепости [3], античных памятников северо-западного Крыма [4].

В тоже время анализ литературы, посвященной проблемам культурного наследия полуострова, позволяет выделить ряд недостаточно разработанных тем, в том числе – организация охраны памятников в Крыму во второй половине 40-х годов прошлого столетия. Несмотря на то, что отдельные аспекты данной темы рассматривались в ряде научных статей [5], вопрос сохранения объектов культурного наследия в послевоенные годы требует всестороннего изучения.

Обследования крымских памятников после освобождения полуострова от нацистской оккупации начались в 1944 году. Широко известна деятельность Государственной чрезвычайной комиссии по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками. По ее заданиям Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР организовал специальные археологические экспедиции, которые проводили обследования памятников археологии. Крымскую экспедицию возглавляли А. Л. Якобсон и Е. Ч. Скржинская. Обследования были сосредоточены на выяснении ущерба, нанесенного коллекциям Херсонесского музея, кроме того, были произведены осмотры памятников в Балаклаве, Бахчисарае, Старом Крыму, Феодосии и Судаке. Работа экспедиции проходила в августе-сентябре 1944 года [6].

До последнего времени считалось, что именно это была первая послевоенная экспедиция по изучению крымских памятников. Однако на сегодняшний день обнаружены документы, позволяющие более детально восстановить хронологию и направления деятельности в сфере охраны памятников Крыма в 1944 году.

В Государственном архиве Республики Крым нами были выявлены новые документы по истории исследований архитектурных объектов Крыма. В первую очередь речь идет об актах обследования памятников, которые были составлены на протяжении лета 1944 года. Эти документы сберегаются в фонде Р-3385, опись 1, дело 6 «Акты экспедиции отдела охраны памятников Управления делами архитектуры Крымской АССР. Обследования памятников архитектуры Крымской АССР». Дело насчитывает 120 листов и охватывает период с 05.06.1944 по 15.12.1945 года [7].

Указанные обследования проводились экспедицией отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры при Совете народных комиссаров РСФСР, в составе А.И. Припускова, А.И. Абрамова, Б.И. Аверинцева. Летом 1944 года они вместе с представителями крымских музеев и государственных учреждений осмотрели объекты архитектурного наследия практически во всех городах полуострова.

Работа экспедиции была начата с осмотра памятников **Керчи**. 4 июня 1944 года членами экспедиции вместе с заведующей городского отдела народного образования Ильиной М.А., директором Керченского городского музея Белоусовой В.М., представителем Керченской военно-морской базы Смирновым И.А. были обследованы объекты культурного наследия города.

Установлено, что строение храма **Иоанна Предтечи** в целом сохранилось, но имеет повреждения от боевых действий: в западной части свода снарядная пробоина диаметром 40 см, частично разрушена крыша, отсутствуют рамы и двери. У здания на г. Митридат, которое находилось в ведении городского музея, разрушены южный и восточный углы стен, восточный угол и северная часть архитрава, повреждены три колонны. В северо-восточной стене снарядная пробоина диаметром 30 см, разрушена крыша [8].

Мавзолей Стемпковского на г. Митридат практически уничтожен. Осталась северо-западная стена с большей частью купола (Рис. 1, 2). Осмотром конструкций **Склепа Деметры** установлено, что от военных действий повреждена верхняя часть входа. В своде наклонной галереи отверстие для дымовой чугунной трубы диаметром 10 см. В целом отмечено, что конструктивно склеп в хорошем состоянии [9].

13 июня 1944 сотрудниками экспедиции в присутствии заведующего музеем «Судакская крепость» Ефима Францевича Карповича осмотрено состояние **Генуэзской крепости в Судак**, в результате чего установлено:

У главных ворот сохранились каменные части конструкций, но уничтожены входные двустворчатые деревянные ворота. На башне Мариони зафиксировано повреждение оконных амбразур вследствие использования камня и дерева для строительных работ. Башни Румбальдо, Торселло, Погано, Джудиче, Чикало, Фиески, Консульский замок сохранились в довоенном виде. Георгиевская башня сохранилась, но «...снята односкатная крыша с опалубкой...». **Замок св. Ильи** (Девичья башня) сохранился, но пострадал от перестроек: для обустройства сторожевого поста немецкими военными частично пробита стена, помещение переоборудовано под жилое помещение, сооружена крыша. На **башне Астагвера** во время военных действий уничтожено 6 кремальберов. В отношении **Храма 12 Апостолов** отмечено, что каменная кладка сохранилась, однако, внутри все повреждено. В период оккупации

храм использовался под караульное помещение и конюшню; штукатурка с фресками отбита; стены закопчены, дверей нет, крыша повреждена.

Строение «мечети» (музея древностей) в основном сохранилось. Зафиксирована пробоина в юго-восточной стене (50x70 см), уничтожены оконные и дверные блоки, вывезены полы. Со всего здания снята опалубка и крыша из оцинкованного железа. **Храм Параскевы** в целом сохранил довоенный вид, повреждены только двери. Здание использовалось оккупационными войсками под хозяйственные цели.

В целом по Судакской крепости отмечено, что «...необходимо провести изоляцию крепости от деревни, в провалах стен сделать ограждение из колючей проволоки, прекратить выпас скота...» [10].

8 июля 1944 года экспедицией вместе с и.о. директора Феодосийского музея Петров Валериановичем Даниловым были осмотрены памятники **Феодосии**. В соответствии с актом обследования **башня Константина** в целом имеет довоенный вид, однако в средней части стены зафиксирована выбоина диаметром около 2 м. Турецкий бастион сохранился без видимых изменений.

На **церкви Сергия** зафиксировано повреждение крыши, отсутствует пол, частично обвалилась штукатурка в передней части церкви, уничтожены оконные и дверные заполнения. В армянской **церкви Иоанна Крестителя** отсутствует пол, окна, двери, в алтарной части частично повреждена штукатурка. В отношении **церкви Георгия** (Карантин) отмечено, что возле подпружных арок свода выявлено трещину длиной 5 м, шириной 3 см. Кроме того, в стене со стороны входа зафиксирована сквозная трещина, пол в плохом состоянии, отсутствуют двери.

Согласно акту обследования **церковь Стефана** (Карантин) сохранила наружный вид, но в северо-восточном углу строения около цоколя выявлена пробоина диаметром 1,5 м с внешней стороны и 60 см с внутренней, в плохом состоянии крыша. **Церковь Гавриила и Михаила** внешних повреждений не имеет, однако, отсутствует пол и двери, сильно замусорена. Во время немецкой оккупации церковь использовалась под военный склад. На **Введенской церкви** выявлены трещины в сводах и стенах, в частности поперечная трещина в своде возле входа длиной 5 м, шириной 1,5 см. Частично сохранилось остекление. **Мечеть «Муфти Джами»** при немцах использовалась для культовых целей, была грубо побелена и отремонтирована. В довоенном состоянии сохранились **башни Климента, Криско, Круглая, Фомы, Ди Скаффа**. Согласно акту от военных действий полностью разрушены армянские церкви Иоанна и Анны, Николаевская, а также еврейская синагога.

В выводах акта отмечено, что в первую очередь следует закрыть все входы и окна на памятниках, отремонтировать крыши. В связи с небольшими объемами ремонтные работы возможно провести за счет местных средств [11].

11 июля 1944 года были осмотрены памятники **Старого Крыма**. В обследовании объектов культурного наследия принимал участие заведующий Старокрымским городским музеем Федор Елисеевич Антоновский. Согласно акту **мечеть Узбека** находится в удовлетворительном состоянии, однако, на минарете нет крыши, вследствие чего вода затекает в здание. **Медресе** сохранило довоенный вид, но отмечено, что немцами разрушен пол, плиты которого были сняты для мощения улиц; разрушены остатки портала. В **мечети Бейбарса** до уровня земли разрушена южная стена

Рис. 1. Мавзолей Стемпковского на г. Митридат в г. Керчи
(По материалам: <http://pantikapei.ru/chasovnya-na-vershine-mitridata.html>)

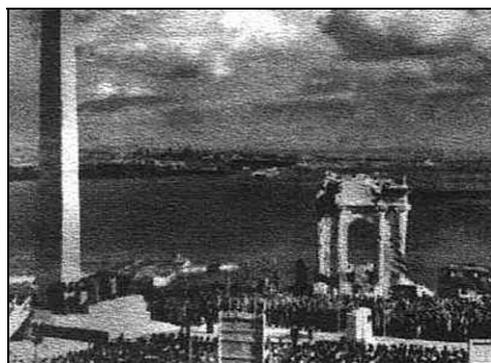

Рис. 2. Мавзолей Стемпковского на г. Митридат в г. Керчи. Осень 1944.
Открытие Обелиска на г. Митридат
(По материалам: <http://pantikapei.ru/chasovnya-na-vershine-mitridata.html>)

Рис. 3. Владимирский собор. Визит рейхсляйтера
нацистской Германии А.Розенберга
(По материалам: <http://www.chersonesos.org/?nid=22>)

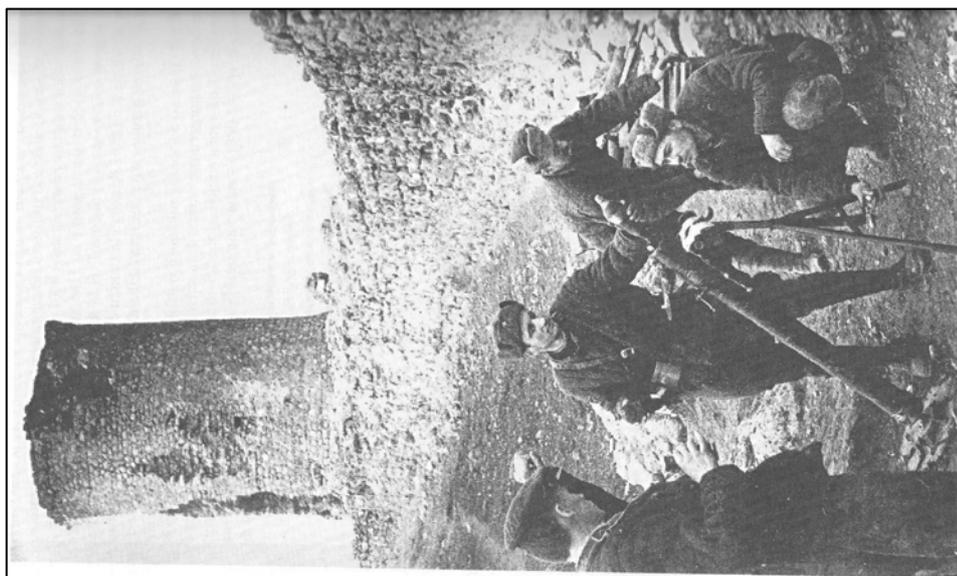

Рис. 4. Боевая позиция советских войск
на крепости Чембало

и часть восточной стены длиной 5 м (от южного угла), западная стена разобрана на 2 м от верхнего края. Камни из мечети вывезены для строительных работ. Также на стройматериалы была частично разобрана *мечеть «Куршун Джами»*: разрушена часть южной и западной стены на протяжении 7 м. В отношении строения *каравансарая* в акте отмечено, что немцами была предпринята попытка разрушить сооружение для прохода танков, но не удалось пробить толщину стены, и в итоге лишь незначительно повредили поверхность памятника.

В акте также упоминается армянская церковь возле Базарной площади, которая находится в довоенном виде, развалины «ханского дворца» по ул. Халтурина (территория которого, в 1938 году была застроена частным лицом без разрешения горсовета), а также могила хана Мамаю (возможно речь идет о так называемом кургане «Кемаль-ата» на окраине Старого Крыма – прим. А. М.), которая также сохранилась, однако вершина кургана была выровнена под площадку [12].

18 июля 1944 года комиссией были обследованы памятники **Симферополя**. Установлено следующее: *мечеть «Кебир Джами»* конструктивно сохранилась, но требует ремонта внутренних помещений (пол, окна, двери, штукатурка, покраска). На момент осмотра, также как и до войны, сооружение используется «Госпрокатом». *Дом А. С. Таранова-Белозерова* сохранился в довоенном виде. Немцами снята чугунная часть ограды по фасаду. На момент обследования здание используется под эвакогоспиталь. *Бывший дом губернатора* по ул. Ленина, 15, как и в довоенное время занят пединститутом. Конструкции здания сохранились. Пострадала наружная штукатурка, сохранилось 30% остекления здания, внутренние помещения находятся в запущенном состоянии. Требуется капитальный ремонт. *Дом Мюльгаузена*, как и в довоенное время принадлежит кооперативу служащих сельхозинститута. Находится в удовлетворительном состоянии, во время боевых действий не пострадал [13].

Долгоруковский обелиск сохранился в прежнем виде. До войны с него были сняты мраморные плиты на цокольной части. Они хранились в музее, но в настоящее время их местонахождение не установлено, поскольку музей сильно пострадал за годы оккупации. В неудовлетворительном состоянии находится *фонтан с вазой* на Фонтанной площади. В годы войны у вазы отбиты ручки, в цоколе 4 выбоины, кладка расшатана [14].

22 июля членами комиссии вместе с директором Бахчисарайского дворца-музея Марией Георгиевной Кустовой и директором музея «пещерных городов» Эстер Абрамовной Дубинской обследованы памятники **Бахчисарая**.

Установлено, что *Ханский дворец* временно используется под госпиталь. Особых повреждений не зафиксировано, но отсутствие ремонта привело к значительному усилению дефектов. *Ханская мечеть* также используется под госпиталь. Вследствие большого количества больных перегружены балконы, зафиксированы деформации свода. *Дюрбе Диляры Бикеч* используется под прачечную госпиталя, это приводит к повышенной влажности в помещении. Дальнейшее использование памятника под прачечную приведет к разрушению памятника. В отношении *бани «Сары-гюзель»* отмечено, что сооружение реставрировалось в 1935 году. В период оккупации памятник сильно разрушен: все деревянные части выломаны и сожжены,

сильно повреждены стены, фонтаны, пол, отопительная система. Осмотром «*Эски-дюрбе*» установлено, что разрушены части стен, из их конструкции демонтированы деревянные конструкции. В дальнейшем это может привести к разрушению памятника. Установлено, что практически полностью разрушена «*Зеленая мечеть*», сохранился только юго-западный угол, оставшаяся часть минарета грозит обрушением [15].

В неудовлетворительном состоянии находится «*Дюрбе Хаджи Гирея*». В куполе и стенах зафиксированы трещины шириной 8 см, длиной 3 м. Разрушен пол, во многих местах отсутствуют цокольные камни, поврежден деревянный саркофаг. «*Зинджирлы медресе*» на момент осмотра использовалось как склад дома инвалидов, несмотря на то, что до войны здание являлось музейным объектом. В период немецкой оккупации памятник использовался как склад, камеры. Разрушены части стен и арок, в негодность приведены жилые помещения учащихся. *Успенский скит* сильно пострадал в 1928–1931 гг. от деятельности коммунхоза Бахчисарая. На момент осмотра имеет вид совершенно беспризорных пещер, повреждены фрески – частично замазаны, лица выбиты; кельи превращены в уборные. Памятники «*Чуфут-Кале*» находятся в довоенном виде. *Памятники Азиза* использовались немцами под склады и конюшни, в настоящее время требуют текущего ремонта [16].

24 июля комиссия вместе с директором **Херсонесского музея** обследовали памятники на городище, про что был составлен соответствующий акт. Зафиксированы повреждения крепостных сооружений, вследствие их разборки на строительные материалы для сооружения оборонительных конструкций в период войны. Отдельное внимание уделено состоянию *базилик Херсонеса*. Зафиксированы следы их разброс на строительные материалы, сняты полы. Базилика у собора (здесь и далее названия базилик по тексту акта – А. М.) потеряла 4 колонны из 12, у «Восточной базилики» разобрана апсида, у «Базилики в базилике» разобрана большая часть апсиды и часть стены, «Базилика 1935» пострадала особенно сильно – «...стены разобраны и разбиты почти совершенно...».

Площади раскопок сильно пострадали вследствие строительства оборонительных сооружений, зафиксированы воронки от взрывов бомб. Значительно пострадала главная улица, 5-ти и 4-х апсидные храмы. Здание музея в целом сохранилось. У монастырского собора (*Владимирский собор* – А. М.) (рис. 3.) взорван купол и есть снарядные пробоины, но в основном здание сохранилось и может быть реставрировано [17].

26 июля 1944 комиссией был осмотрен монастырь и крепость Чембало в **Балаклаве**. *Георгиевский монастырь* и при немецкой оккупации и на момент осмотра используется для размещения военных частей. Пещерные церкви и другие сооружения «...содержатся аккуратно благодаря внимательному отношению командного состава...» [18]. Осмотром крепости *Чембало* установлено следующее: оборонительные сооружения сильно пострадали; стена от круглой башни до восточной прямоугольной имеет пять сквозных выбоин от снарядов размером до 3 м; часть стен разобрано на стройматериалы; восточная прямоугольная башня сохранилась в довоенном виде; круглая башня пострадала сильнее: сохранилась северо-западная часть, вся юго-восточная часть разрушена снарядами; две нижние башни сохрани-

лись в довоенном виде, но имеют незначительные повреждения от осколков снарядов [19] (рис. 4).

28 июля 1944 года комиссией вместе с директором Алушкинского двора-музея А. Г. Ротенбергом и научным сотрудником музея Шапфеевым обследован **Воронцовский дворец в Алушке**. Установлено, что парадная часть используется под музей, в остальных помещениях размещен госпиталь. Здание сохранилось в хорошем состоянии, но из-за отсутствия ремонта и надзора имеется ряд мелких повреждений: крыша над парадной частью протекает и требует незамедлительного ремонта, вследствие замокания необходимо осуществление штукатурных и малярных работ, необходимо вставить стекла.

В служебном корпусе, в части занятой госпиталем, немцами выломаны на топливо полы со всего первого этажа, окна и двери выбиты. На втором этаже из-за значительных повреждений крыши от проточек сгнила и провалилась подшивка со штукатуркой, многочисленные повреждения оконных и дверных конструкций. В **Шуваловском флигеле** выломан пол и все другие деревянные части здания, здание старого Воронцовского дворца, построенного в 1824 год, сожжено вовремя военных действий. Части дворца занятые под госпиталь находятся в крайне запущенном состоянии. На первом этаже строения устроена свалка мусора и соломы из матрасов, вследствие чего существует угроза пожара. Из-за плохого надзора приходит в запущенный вид парк [20].

29 июля 1944 года комиссией осмотрен **Ливадийский дворец**. В соответствии с актом обследования Главное здание используется как дом отдыха и госпиталь, строение сохранилось, значительных повреждений нет. Оккупантами сняты в лестничных клетках медные перила и бронзовые украшения, в комнатах сорвана шелковая обивка, на галерее разбита одна ваза из черного мрамора. Восточный корпус также занят под госпиталь. Немцами здание было подожжено, но пожар был быстро ликвидирован: сгорело только межэтажное перекрытие в одной из комнат. На момент осмотра перекрытие восстановлено, настелен пол. В отношении **Свитского корпуса** установлено следующее: при поджоге в обоих крыльях здания выгорели перекрытия между 1 и 2 этажом. Верхние перекрытия и крыша сохранились. Здание требует капитального восстановления утраченных частей. **Бывший корпус Александра III**, который до войны использовался как управление Ливадийскими лечебными учреждениями, сожжен полностью, остались только каменные стены. **Бывший кухонный корпус** сохранился в довоенном виде, используется как хозяйственное помещение госпиталя, требует только текущего ремонта [21].

Также 29 июля комиссией были осмотрены памятники **Ялты**. **Дом-музей А. П. Чехова** сохранился в хорошем состоянии. Повреждения вблизи здания, вызванные разрывами бомб и снарядов, ликвидированы по распоряжению городского совета. **Бывший дворец Эмира Бухарского** сожжен немцами, сохранились только остатки каменных стен, поврежденных пожаром. **Остатки древнего укрепления в с. Деревкой и руины храма в с. Ай-Василь** уничтожены еще до войны вследствие хозяйственной деятельности табак-совхоза [22].

3 августа 1944 года комиссией были осмотрены памятники **Гурзуфа и Алушты**. Установлено, что **дом Пушкина в Гурзуфе**, который до войны использовался

как госпиталь, находится в неудовлетворительном состоянии: отсутствуют окна, двери, деревянные конструкции. Здание требует капитального ремонта. Остатки **генуэзских укреплений** – в довоенном состоянии [23].

Генуэзские башни в Алуште сохранились без изменений, но «... все окружение заполнено постройками в период с 1929 по 1941...» [24].

Следует отметить, что в настоящее время сделаны только первые шаги в направлении всестороннего научного исследования новой группы документов, связанных с историей изучения крымских памятников архитектуры в 40-е годы прошлого столетия. Необходимо продолжить архивные поиски чертежей, фотографий, которые наверняка дополняли указанные акты обследования. Требуются дополнительные биографические изыскания в отношении участников экспедиции. В целом введение в научный оборот новых документов позволяет более полно представить памятникоохранные процессы в Крыму в первые месяцы после завершения боевых действий.

Список использованных источников и литературы

1. Кармазина Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / Н. В. Кармазина / за ред. А. А. Непомнящего; Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського.– Сімферополь : Таврія, 2005.– 177 с.– (Бібліографія кримознавства ; Вип. 4); Хливнюк А. В. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР : исследования и документы / А. В. Хливнюк / под ред. А. А. Непомнящего.– Симферополь : СГТ, 2008.– 240 с.– (Библиография кримоведения ; вып. 11) ; Виноградов Ю. А. Страницы истории боспорской археологии : эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917) / Ю. А. Виноградов // Боспорские исследования. – Керчь, 2012. – Вып. XXVII. – 362 с.

Karmazina N. V. Narisy rozvitku istorychnogo kraeznavstva v Krimu (1954–1991 rr.) / za red. A. A. Nepomnyashego ; Tavriyskiyi naz.un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol : Tavriya, 2005. – 177 s. – (Biobibliografiya krimovedeniya ; vyp. 4); Hlivnjuk A. V. Ohrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kultury v Krimskoy ASSR : issledovaniya i dokumenty / A. V. Hlivnjuk / pod red. A. A. Nepomnyashego. – Simferopol : SGT, 2008. – 240 s. – (Biobibliografiya krimovedeniya ; vyp. 11) ; Vinogradov Yu. A. Stranicy istorii bosporskoj arheologii : epoha Imperatorskoj arheologicheskoy komissiyi (1859–1917) / Yu. A. Vinogradov // Bosporskiye issledovaniya. – Kerch, 2012. – Vyp. XXVII. – 362 s.

2. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.). – Т. I. – Т. II. / В. М. Зубарь // МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 6. – Симферополь, 2009. – 496 с.

Zubar` V. M. Letopis archeologicheskikh issledovaniyi Chersonesa-Chersona i ego okrugy (1914–2005 gg.). – T. I. – T. II. / V. M. Zubar` // MAIET. – Supplementum. – Vyp.6. – Simferopol, 2009. – 496 s.

3. Джанов А. В. Судакская крепость. Двести лет исследований / А. В. Джанов // Елена Чеславовна Скржинская. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. – К. ; Судак ; СПб: Академперидика, 2006. – С. 322–357.

Dzhanov A. V. Sudakskaya krepost. Dvesti let issledovaniyi / A. V. Dzhanov // Elena Cheslavovna Skrzhinskaya. Sudakskaya krepost. – Istorica – archeologia – epigrafika. – K. ; Sudak ; SPb: Akademperiodika, 2006. – S. 322–357.

4. Кутайсов В. А. История исследования античных памятников северо-западного Крыма / В. А. Кутайсов // МАИЭТ. – Симферополь ; Керчь, 2011. – Вып. XVII. – С. 30–63.

Kutaisov V. A. Istorica issledovaniya antichnykh pamyatnikov severo-zapadnogo Krima / V. A. Kutaisov // MAIET. – Simferopol ; Kerch, 2011. – Vyp. XVII. – S. 30–63.

5. Соколов А. А. Проблемы охраны памятников истории и культуры в Крыму: середина 40-х – 50-е годы XX века / А. А. Соколов // Межд. науч. конф. «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы» / Национальный заповедник «Херсонес Таврический». – Тез. докл. и сообщ. – Севастополь, 2012. – С. 70–72. Османов Э. Э. Ремонтно-реставрационные работы в архитектурном комплексе Ханского дворца в 1944–1990 гг. / Э. Э. Османов // Ученые записки Таврического нацио-

нального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Симферополь, 2013. – Т. 26 (65). – С. 96–111.

Sokolov A.A. Problemy ohrany pamyatnikov istorii i kultury v Krimu: seredina 40–50 gody XX veka / A.A. Sokolov // Mezhd. nauch. konf. «Ohrana kulturnogo naslediya: problemy i perspektivy» / Natsionalnyi zapovednik «Chersones Tavricheskii»: tez. dokl. i soobshch. – Sevastopol, 2012. – S. 70–72. Osmanov E. E. Remontno-restavracionnye raboty v arhitekturnom komplekse Hanskogo dvorza v 1944–1990 gg. / E. E. Osmanov // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seria «Istoricheskie nauki». – Simferopol, 2013. – Т. 26 (65). – С. 96–111.

6. Тараканова С. А. Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1944 году. Обследование археологических памятников / С. А. Тараканова // КСИИМК. – М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – Вып. XIV. – С. 162–165; Скржинская Е. Ч. О судьбе памятников культуры в Крыму во время немецкой оккупации / Е. Ч. Скржинская // Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. – К. ; Судак ; СПб: Академперіодика, 2006. – С. 319–320.

Tarakanova S. A. Institut istorii materialnoy kultury im. N. Ya. Marra v 1944 godu. Obsledovanie arheologicheskikh pamyatnikov / S. A. Tarakanova // KSIIMK. – M. ; L.: Izd-vo AN SSSR, 1947. – Вып. XIV. – S. 162–165; Skrzhinskaya E. Ch. O sudbe pamyatnikov kultury v Krimu vo vremya nemetskoj okkupazii / E. Ch. Skrzhinskaya // Skrzhinskaya E. Ch. Sudakskaya krepost. – Istorija – archeologia – epigrafika. – K. ; Sudak ; SPb: Akademperiodika, 2006. – S. 319–320.

7. Государственный архив Республики Крым, ф. Р-3385, оп. 1, д. 6.
Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Krim, f. R-3385, op. 1, d.6.

8. Там же, л. 8.

Ibid, l. 8.

9. Там же, л. 9.

Ibid, l. 9.

10. Там же, л. 3–4.

Ibid, l. 3–4.

11. Там же, л. 11–12.

Ibid, l. 11–12

12. Там же, л. 14.

Ibid, l. 14.

13. Там же, л. 17.

Ibid, l. 17.

14. Там же, л. 18.

Ibid, l. 18.

15. Там же, л. 24.

Ibid, l. 24.

16. Там же, л. 25.

Ibid, l. 25.

17. Там же, л. 34.

Ibid, l. 34.

18. Там же, л. 37.

Ibid, l. 37.

19. Там же, л. 40.

Ibid, l. 40.

20. Там же, л. 42–43.

Ibid, 42–43.

21. Там же, л. 47.

Ibid, l. 47.

22. Там же, л. 50.

Ibid, l. 50.

23. Там же, л. 53.

Ibid, l. 53.

24. Там же, л. 55.

Ibid, l. 55.

Manaev A. Yu. On the Issue of State of Architectural Monuments of Crimea in 1944 / A. Yu. Manaev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 54–64.

The history of the study of the Crimean monuments today is the focus of many researchers. At the same time the measures to protect the monuments of the peninsula in the middle of the 40s of the last century are practically unexplored.

The new documents were revealed in the State Archive of the Republic of Crimea, which are the acts of inspection of the architectural heritage. The expedition of the Department for Architecture of Council of National Commissars of RSFSR worked in during the summer of 1944. The employees of the expedition inspected the monuments of Kerch, Feodosia, Sudak, Stariy Krim, Simferopol, Sevastopol, Yalta, Alupka, Bakchisaray. The state and the economic usage of the cultural heritage were committed in the acts of the Commission.

The revealed documents make possible the detailed restoration of chronology and activities for the protection of monuments in the Crimea in the early postwar months. At the same time these acts determine a wide range of issues that need to be addressed to further research: biographical studies with respect to members of the expedition, archival search for graphic and photo materials related to the activities of the Commission.

Keywords: Crimea, monuments protection, inspection acts.

УДК. 725. 94 (477.75)

МЕЧЕТИ БИЮК ХАН-ДЖАМИ И ТАХТАЛЫ-ДЖАМИ В БАХЧИСАРАЕ

Османов Э. Э.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: elvis_osmanov@mail.ru*

В статье, на основе результатов научных исследований и проведении ремонтно-реставрационных работ в период с конца XVIII – до начала XXI вв., проанализированы история возникновения и оформление архитектурного облика мечетей Биюк Хан-Джами (Большая Ханская мечеть) и Тахталы-Джами в Бахчисарае.

Ключевые слова: мечеть, мусульманские памятники, религиозно-культурный комплекс, ремонты, реставрационные работы, комплексные научные исследования.

Мечети были самыми многочисленными культовыми сооружениями Бахчисарая. В городе их когда-то существовало около 38. На сегодняшний день сохранились семь мечетей, из них по прямому назначению используются – четыре: Биюк Хан-Джами, Тахталы-Джами, Молла-Мустафа и Орта-Джами. В предыдущем выпуске «Ученых записок» была опубликована статья про мечеть «Ешиль-Джами», продолжая это преемственное направление, подробнее остановимся на двух из ныне действующих молитвенных домов.

Прообразом для классических турецких купольных мечетей XVI – XVII вв. была Ая-София. Сохранившиеся мечети Бахчисарая, возможно кроме Малой дворцовой мечети относятся к XVIII в. Купола мечетей ранее могли быть разрушены и позднее перекрыты или скрыты четырехскатными крышами, что может быть установлено специальными исследованиями. Возможно, плоское или скатное перекрытие характерно для цеховых общинных мечетей, так как сферические своды довольно сложны в исполнении, и применялись для квартальных и соборных мечетей.

Наиболее интересное и привлекающее внимание – Биюк Хан-Джами (Большая Ханская мечеть), которая занимает особое положение в истории мусульманских культовых сооружений Крыма.

Большая Ханская мечеть – комплексное сооружение, расположена в восточной части дворца (рис. 1). В плане – двухъярусное каменное строение, крытое четырехскатной черепичной крышей. Западным фасадом, галереей, минаретом и Ханской ложей выходит в центральный двор, со всех сторон окруженный строениями. Южным фасадом – на ханское кладбище, благоустройство территории которого выполнено в конце XX века. Восточным фасадом, галереей, минаретом сооружение выходит в восточный двор, вымощенный плитами из камня-плитняка и окруженный строениями: баней Сары-Гузель, руинами медресе, стеной кладбища, домиком муфтия, каменным ограждением от р. Чурук-Су. Северным фасадом мечеть обращена за пределы дворца, на набережную р. Чурук-Су.

Над дверью главного входа слева имеется надпись, которая гласит, что мечеть была построена (перестроена) Селямет-Герай ханом в 1740 г. (1153г.х.). Речь шла, по-видимому, о восстановлении и ремонте ранее существующего здания мечети по-

сле пожара 1736 г., когда русские войска под командованием фельдмаршала Миниха овладели Бахчисараем. В одном из донесений Миних писал: «В то время наши люди в таком были сердце, что никак невозможно было удержать, чтобы в Бахчисарае и в ханских палатах огня не подожгли» [1, с. 54]. Однако следует отметить, что размеры ущерба были несколько преувеличены, не все постройки, к счастью, рухнули. Посол польского короля Стефана Батория Мартин Броневский, посетивший Бахчисарай в 1578 г., при хане Мухаммед-Герее II, видел «возле города, построенные каменную мечеть и гробницы ханов из развалин христианских» [2, с. 343]. Возможно последнее обстоятельство объясняет, почему композиция мечети соответствует раннесредневековому типу базилики: просторное трехнефное помещение, разделенное двумя аркадами. С запада и востока к стенам примыкают галереи со стрельчатыми арками, которые опираются на тонкие восьмигранные колонны.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби в середине XVII в. именовал ее как соборную мечеть Сахиб Герай-хана. Он отмечал, что «ее стены прочно сложены из камня. Это старой конструкции дом Божий с куполом...» [3, с. 105]. Павел Сумароков, посетивший Бахчисарай в конце XVIII в. писал: «В Крымской истории, писаной на татарском языке, упоминается, что в 1500 г. хан Менгли-Герай выстроил в Бахчисарае медресе и мечеть» [4, с. 216]. Во время реставрационных работ в 1960 гг. XX в. на южной и западной стенах мечети, а также в михрабе были обнаружены остатки росписи XVI – XVII вв. Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что Биюк Хан-Джами принадлежит к одной из ранних построек Ханского дворца.

В 1764 г. мечеть вновь подверглась ремонту, о чем свидетельствует другая надпись (на западной стене мечети): «Да будет благословенна починка высокого Крым – Герай хана... и означено имя живописца, писал это живописец Омер» [5, с. 497]. Несколько выше указаны имя того же мастера и его должность – главный придворный живописец. Один из исследователей крымскотатарского искусства М.Я. Гинзбург ввел в искусствоведческую науку имя иранского мастера Омера, придворного живописца и декоратора при крымских ханах Селямет-Герее и Крым-Герее. Он дал обоснованную атрибуцию и высокую оценку его произведений в ансамбле Бахчисарайского дворца (росписи Большой Ханской мечети, разрушенной ныне беседки Селямета-Герая, Золотого кабинета). Омер, выполнял живописные и лепные декоративные работы, каллиграфические надписи на наружных стенах, расписывал наличники окон и дверей, принимал участие в росписи Малой ханской мечети и Фонтанного дворика. Он же выполнил зеленые фресковые вставки на западной стене Ханской мечети, в простенках между высоко расположенными окнами с решетками, где в декоративные узоры изящно вплетена арабская вязь. Абрис витража по своим пропорциям повторяет декоративный мотив, встречающийся на наружных стенах мечети Ешиль-Джами.

С западного и восточного фасада к мечети примыкают изящные двенадцатигранные минареты, высота которых 25 м. Оба заканчиваются балкончиками, к которым внутри башни ведут каменные винтовые лестницы, по которым поднимаются муэдзины, чтобы призвать горожан к молитве.

Минареты сейчас радиофицированы и призыв муэдзина, как и раньше, слышен, пять раз в день. На высоте 2/3 ствола, минарет окаймляет балкон-жерфе с карнизом,

украшенным глубокой резьбой. Ниже карниза расположен невысокий валик в виде жгута с узелками на ребрах, который служит своеобразным переходом – связью от простых неорнаментированных плоскостей ствола к профилированному массиву балкона. Грани парапета обрамленные по периметру тройным бордюром из жгута и двух полосок с зигзагообразным орнаментом, создают на ребрах жгута трехчетвертные колонки с небольшими базами – валиками и аналогичными капителями.

Квадратные плоскости парапета заполнены декоративными композициями двух типов, которые поочередно сменяют друг друга, и повторяются в основных элементах, но отличаются некоторыми деталями. Основное содержание орнамента – большая центральная барельефная 12-лепестковая розетка с вписанной в середину сердцевинной в виде звездчатого орнамента или цветка георгина.

Ниже проходит узкая двойная полоса и широкая резьба – плетение косичкой «ласточкин хвост» с узелками на ребрах. Еще ниже выступы геометрического орнамента, покрытого резьбой, разделенные узкими ровными полосками. Два верхних выступа созданы элементами, которые чередуются: сталактитообразными и снопами-кистями с перевязкой посередине. Нижний ярус – сталактитообразные элементы, выполненные контррельефно [6, л. 41].

На пирамидальном завершении шатрового покрытия находится алем. Это изящный шпиль с тремя шаровидными утолщениями различных диаметров, поставленные один над другим и полумесяцем на завершении [7, л. 14].

По свидетельству Ф.Домбровского, в 1854 один из минаретов был разрушен бурей (возможно, Восточный минарет) и отстроен к 1861 г. Объемы разрушений неизвестны, но общий вид минарета не был изменен – размером, абрисом, стилистическими особенностями он полностью соответствует западному минарету. Известно, что после землетрясения 1927 г. был сильно поврежден восточный минарет Большой ханской мечети.

Общий характер внутреннего вида мечети – это ее простота и архаичность, которую еще в середине XVII в. подчеркивал Э.Челеби: «Внутри мечети на 20 высоких дубовых столбах – потолочная балка, а над ней простой потолок старой постройки» [3, с. 106].

Средний неф (продольная часть помещения), который по ширине и высоте больше боковых, пересечен перед михрабом трансептом. В южной стене мечети, которая называется кыбла (сторона, направленная к Мекке), расположена ниша – это михраб, куда мусульмане обращались лицом во время молитвы. Ниша михраба украшена лепниной со стилизованными растительными узорами. Над ним в стене круглое окошко в виде «печати царя Соломона», эмблемы в виде шестиконечной звезды, имеющей сакральное значение в исламе, иудаизме и христианстве. Над михрабом надпись: «Мы послали тебя только по милосердию к мирам! Кто верует в предопределение, тот безопасен от несчастий» [5, с. 498]. Справа от михраба находится минбер – высокая деревянная кафедра, выточенная из орехового дерева с ажурной резьбой и инкрустациями, с которой по пятницам произносились проповеди и хутбы – благословение халифа и хана. Дело в том, что раньше в Ханской мечети были две кафедры, высокая и низкая, но в послевоенное время последняя безосновательно была перенесена в Малую дворцовую мечеть, что крайне неуместно, так

как по своим размерам она не предусматривала наличие кафедры проповедника. Второй этаж Хан-Джами создают маафиль – хоры (балконы, поддерживаемые колоннами), идущие вдоль северной восточной и западной стен, с северной вниз ведет крутые винтовые лестницы. В послевоенное время на хорах располагалась экспозиция музейного отдела археологии, а в нижней части находился лапидарий.

К характерным особенностям средневековой ближневосточной архитектуры можно отнести деревянные подшивные потолки. Вот такой потолок с одним орнаментированным плафоном в центре мы видим в Ханской мечети. С потолка свисают несколько люстр из дерева. Полы выложены из каменных плит различного размера, которые в ханское время были устланы персидскими коврами. Стены мечети оштукатурены и побелены [8, с. 61].

Окна расположены в два яруса. На каждом фасаде оконные переплеты и решетки решены по-разному. Наиболее парадный вид они имеют на северном и западном фасадах. На южном и восточном – значительно скромнее. Верхние состоят из разноцветных стекол с красивыми узорами, а внизу под ними большие окна с решетками, оплетенные изумрудно-зелеными листьями винограда. При этом рисунок наружных витражей не повторяет рисунка внутренних [9, с. 41]. Внутри здания стоит полумрак, эффект которого достигается цветным застеклением окон, темной окраской потолка и хор. В этом слабом освещении скрадываются две линии: колонны, поддерживающие потолок, кажутся стройнее, а вся внутренность мечети – просторнее.

На правой стороне маафиля находится ханская ложа, отделанная росписью и фаянсовыми плитками, вход в нее с крутой наружной лестницы. Она является одной из составных частей мечети, так как стены возводились одновременно и наглядным доказательством этому является общая с мечетью южная стена, выложенная квадратными майоликовыми плитками с растительным орнаментом. Деревянный плафон Ханской ложи богато декорирован и расписан. Путешественники, посещавшие дворец в XIX в., неоднократно упоминали ложу в своих воспоминаниях (записках) [10, с. 316; 11, с. 26; 12, с. 348]. Вышеуказанные авторы указывали только одну комнату, на данный момент их две.

В период 2003–2010 гг. при проведении научно-реставрационных работ, было выявлено, что в интерьере Ханской ложи преобладает отделка второй половины XVIII в. с дополнениями и изменениями начала XIX в. и сохранилась до нашего времени благодаря тому, что в XX в. реставрация не проводилась. Между окнами и витражами сохранились росписи «под серый мрамор» в полоску, близкий по орнаментике к витражам Бюк Хан-Джами. Судя по историческим документам, можно утверждать, что они были восстановлены в 1913 г. при реставрационных работах в Дворцовой мечети. Основной задачей реставраторов было полностью укрепить сохранившиеся фрагменты, воссоздать утраченные и возобновить цветные заполнения с последующей установкой на месте в оконных проемах [13, л. 5-9].

Касательно медресе на территории ханского дворца у нас очень мало сведений. Согласно архивным данным, здание примыкало к восточному фасаду Хан-Джами. В этой духовной семинарии готовились будущие муллы.

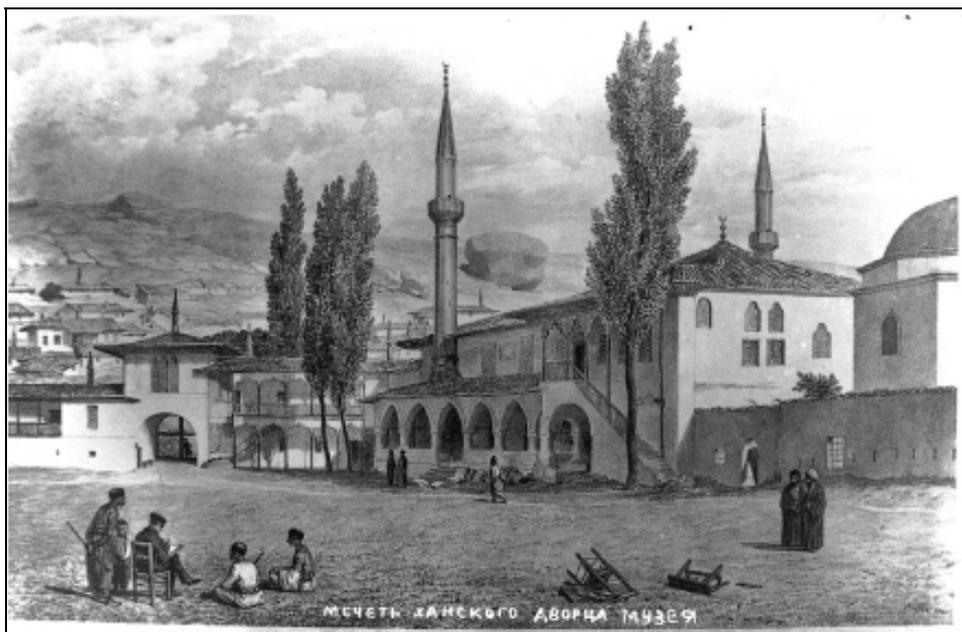

Рис. 1. Биюк Хан-Джами (Большая ханская мечеть).
Фотография конца XIX в. Из фондов БИКЗ

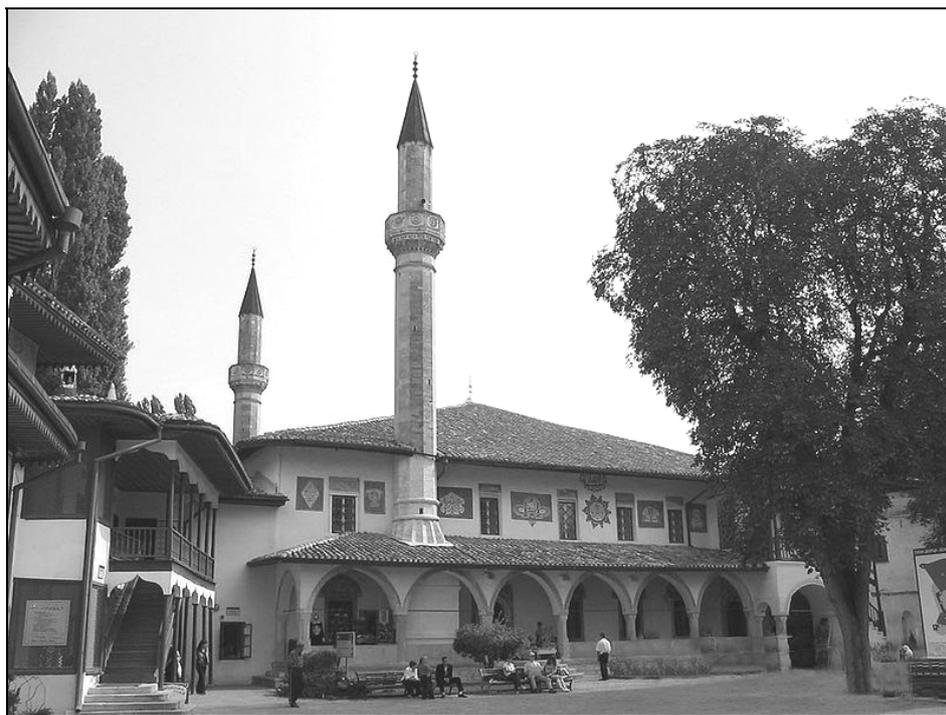

Рис. 2. Большая Ханская мечеть. Современный вид.

Рис. 3. Внутренний вид Ханской мечети. Фото 2014 г.

Рис. 4. Мечеть Тахталы-Джами. Вид с улицы. Навес, опирающийся на колонну. Фото 2014 г.

Рис.5. Мечеть Тахталы-Джами (вид с северо-востока).
Архив БИКЗ

Рис. 6. Мечеть Тахталы-Джами. Современный вид

Известно, что крымскотатарский просветитель И. Гаспринский и его отец были учителями русского языка в бахчисарайских медресе. К занятиям в этом качестве Гаспринский приступил именно в Ханском медресе. В одном из рапортов он докладывал инспектору училищ Таврической губернии, что учеников здесь всего 4. В ноябре 1870 г. учащихся было 8, но к 1 декабря уже 27 человек [14, с. 26].

Хан-Джами представляет особый интерес для истории крымскотатарской культовой архитектуры, так как в дальнейшем исчезла практика установки двух минаретов (мечети XVIII в. имеют один минарет), реже стала применяться система открытых аркад, придававшая легкость постройкам. На современном этапе Большая Ханская мечеть (Биюк Хан-Джами) является действующей мечетью, где мусульмане совершают пятничную обеденную молитву.

Город делился на кварталы (маалле) при которых обычно были мечеть и кладбище. Часто название прихода давали по имени мечети, например квартал Тахталы-Джами, Арслан-Ага. Янгъан-Джами и др. Турецкий путешественник Эвлия Челеби писал о квартальных мечетях, «самые лучшие из которых – мечеть Февья и мечеть Сефер Гази, что перед дворцом Сефер Гази-аги...» [3, с. 48].

В маалле Осман-Ага на современной улице Гаспринского, 7 в рядовой, довольно тесной застройке города, зрительно воспринимающейся только при ближних подходах, находится мечеть Тахталы-Джами, построенная дочерью Хаджи-Селим Герай хана Бек-Султан-ханум в 1704 г. (рис. 2).

Предполагается, что первоначально часть мечети или все здание было из дерева, отсюда и название в переводе означающее «деревянная мечеть», одна из немногих почти полностью сохранившаяся. Поэтому этот квартал часто называли Тахталы-Джами. В плане одноэтажное здание простой прямоугольной формы с высокой цокольной частью, увеличивающейся на юг в сторону поймы р. Чурук-су. Минарет и каменный михраб памятника находятся на основной продольной композиционной оси здания. Вход в минарет организован изнутри здания через узкий проем с килевидной аркой. Винтовая лестница из 54 каменных ступеней внутри минарета ведет на балкончик – жерфе. Парапет балкона минарета украшен резьбой по дереву. Само здание сложено из тесаных блоков правильной формы. На западном и южном фасадах выявлен один ярус, состоящий из ряда полуциркульных оконных проемов. На восточном фасаде окна прямоугольной формы и расположены под потолком. Северный фасад мечети претерпел изменения в начале XX века – дверной проем был заменен и расширен.

Со стороны улицы к зданию примыкает широкий навес, опирающийся на мощную деревянную четырехгранную колонну. Под ним в подпорной стене находится фонтан, к которому ведет ряд каменных ступеней. С северо-восточной стороны находится каменный портал, выполненный из тесаных блоков известняка, ведущий на соседний земельный участок, где находился жилой дом, снесенный в 1983 году, который вероятно функционально был связан с мечетью [15, л. 2–4].

В некоторых архивных документах упоминается ее название как мечеть Осман-Ага, по названию прихода в котором она располагалась. В 1885 г. мечеть перестраивалась прихожанами без разрешения Губернского начальства, поэтому подробности неизвестны. Вакуф мечети в конце XIX в. составлял 180 руб./год, которые находи-

лись в ведении бахчисарайского мещанина Шеир Амета Шеир Сулейман-Оглу отпавлявшего богослужение [16, л. 16].

В 1913 г. прихожанами квартала Осман-Ага в Строительное отделение Губернского Правления был направлен проект на ремонт мечети «Тахталы-Джами». При рассмотрении в Строительном Отделении представленных документов, оказалось, что проект в техническом отношении был составлен удовлетворительно, а исчисленная по смете сумма в 1316 руб. 42 коп. не превышала стоимости указанных работ. Проект был утвержден и выслан на имя имама Сеит-Асан Мустафа Эфенди 29 июля 1913 г., с условием, чтобы после окончания ремонта здания он уведомил Строительное Отделение для освидетельствования и удостоверения в правильности и безопасности его для посещения молящимися [17, л. 40].

Председатель Таврической Ученой Архивной Комиссии (ТУАК) – А. И. Маркевич, узнав о ремонте Тахталы-Джами в 1914 г. осмотрел ее. Он обнаружил, что каменный пол мечети был заменен деревянным, окна и входные двери увеличены в размере с приданием им полуциркульного завершения, а арка, находящаяся над дверью с двумя большими рельефными и четырьмя малыми розетками, выкрашенными голубой краской, вынута и вставлена в обочину входного крыльца в мечеть [18, с. 253].

Мечеть действовала до 1923 г., после закрытия использовалась как хозяйственное помещение. В октябре 1981 г. в результате осмотра были выявлены вертикальные трещины в цоколе северной части здания, а также в стенах над проемами. Крыша и деревянное перекрытие мечети почти полностью обрушились. Оставшаяся часть деревянных висячих стропил находилась в аварийном состоянии и удерживалась от обрушения весьма сомнительными подпорками. В том же году был разработан проект реставрации мечети «Тахталы-Джами». Цокольная и внутренняя поверхность стен была очищена от штукатурки, выявленные при этом вывалы кладки стен, были заложены. Объем работ по благоустройству территории включал в себя снос хозяйственных помещений примыкающих к мечети. После реставрации мечети было организовано длительное наблюдение за деформациями здания [15, л. 3–7].

К 1989 г. мечеть была отреставрирована и передана Мусульманской общине Крыма. В целом здание характеризуется строгостью и простотой архитектурных форм. Тахталы-Джами – один из немногих сохранившихся памятников в старой части города, на котором лежит печать средневековой архитектуры. Реставрационные работы конца XVIII–XX вв. практически не изменили облик здания, сохранившего восточный колорит. Однако перед входом в мечеть ныне стоит электрический столб, который «режет» фасад мечети, мешает обзору этого, уцелевшего от позднейшей перестройки, живописного уголка старого города.

На современном этапе «Тахталы-Джами» является действующей пятивременной мечетью, где мусульмане проводят богослужение.

Таким образом, исторически сложившаяся планировочная структура стала определяющим фактором обеспечившим преемственную связь архитектурно-градостроительной традиции XVI – XVIII вв. и XIX – XX вв. и в период послевоенного восстановления города. Перспектива включения акцентных историко-архитектурных сооружений в номинацию ЮНЕСКО требует серьезного усиленного внимания к сохранившимся памятникам города, среди которых особое место занимают мечети.

Список использованных источников и литературы

1. Миних Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII в. – СПб: Тип. В. С. Балашева, 1891. – 328 с.
Minikh E. Rossiya i russkiy dvor v pervoy polovine KhVIII v. – SPb: Tip. V. S. Balasheva, 1891. – 328 s.
2. Броневский М. Описание Крыма // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – №10. – 183 с.
Bronevskiy M. Opisanie Kryma // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2005. – №10. – 183 s.
3. Челеби Э. Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). – Симферополь, 2008. – 267 с.
Chelebi E. Kniga puteshestviy: turetskiy avtor Evliya Chelebi o Kryme (1666-1667 gg.). – Simferopol', 2008. – 267 s.
4. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – СПб., 1803. – 226 с.
Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu. – SPb., 1803. – 226 s.
5. Борзенко А. А. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. – 1850. – Т. II. – С. 489–528.
Borzenko A. A. Bakhchisarayskie arabskie i turetskie nadpisi // ZOOID. – 1850. – Т. II. – С. 489-528.
6. Научно-проектная документация на реставрацию памятника архитектуры XVI – XVIII вв. «Бахчисарайский дворцово-парковый комплекс (Ханский дворец)». Ханская мечеть – 1740–1743 гг. Восточный минарет / Научный архив БИКЗ. – Т. 1. – Кн. 1. – 2010. – 62 л.
Nauchno-proektnaya dokumentatsiya na restavratsiyu pamyatnika arkhitektury XVI – XVIII vv. «Bakhchisarayskiy dvortsovo-parkovyy kompleks (Khanskiy dvorets)». Khanskaya mechet' – 1740 – 1743 gg. Vostochnyy minaret / Nauchnyy arkhiv BIKZ. – Т. 1. – Кн. 1. – 2010. – 62 l.
7. Памятник архитектуры XVI – XIX вв. Дворцовый комплекс в Бахчисарае. Ханская мечеть. Комплексные научные изыскания / Научный архив БИКЗ – Т. 2. – Кн. 2. – 1989. – 56 л.
Pamyatnik arkhitektury XVI – XIX vv. Dvortsovyuy kompleks v Bakhchisarae. Khanskaya mechet'. Kompleksnyye nauchnyye izyskaniya / Nauchnyy arkhiv BIKZ – Т. 2. – Кн. 2. – 1989. – 56 l.
8. Марков Е. Л. Очерки Крыма. – Симферополь, 1995. – 543 с.
Markov E. L. Ocherki Kryma. – Simferopol', 1995. – 543 s.
9. Никольский П. В. Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. – Симферополь, 1924. – 62 с.
Nicol'skiy P. V. Bakhchisaray. Kul'turno-istoricheskie ekskursii. – Simferopol', 1924. – 62 s.
10. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. – СПб., 1823. – 337 с.
Murav'ev-Apostol I. M. Puteshestvie po Tavride v 1820 godu. – SPb., 1823. – 337 s.
11. Берг Н. В. Бахчисарай: Отрывок из походных заметок // Библиотека для чтения. – 1857. – Кн. 2, отд. 2. – С. 1–30.
Berg N. V. Bakhchisaray: Otryvok iz pokhodnykh zametok // Biblioteka dlya chteniya. – 1857. – Кн. 2, отд. 2. – С. 1–30.
12. Горчакова Е. С. Воспоминания о Крыме. – М., 1881. – 679 с.
Gorchakova E. S. Vospominaniya o Kryme. – M., 1881. – 679 s.
13. Научно-проектная документация на выполнение научно-реставрационных работ памятника архитектуры XVI – XVIII вв. «Бахчисарайский дворцово-парковый комплекс (Ханский дворец)». Ханская мечеть – 1740–1743 гг. / Научный архив БИКЗ. – Т. 2. – 2010. – 134 л.
Nauchno-proektnaya dokumentatsiya na vypolnenie nauchno-restavratsionnykh rabot pamyatnika arkhitektury XVI – XVIII vv. «Bakhchisarayskiy dvortsovo-parkovyy kompleks (Khanskiy dvorets)». Khanskaya mechet' – 1740–1743 gg. / Nauchnyy arkhiv BIKZ. – Т. 2. – 2010. – 134 l.
14. Ганкевич В. Ю. Крымско-татарские медресе (курс лекций). – Симферополь, 2001. – 76 с.
Gankevich V. Yu. Krymsko-tatarskie medrese (kurs lektsiy). – Simferopol', 2001. – 76 s.
15. Методическое обоснование проекта реставрации мечети Тахталы-Джами / Научный архив БИКЗ. – 1981. – 7 л.
Metodicheskoe obosnovanie proekta restavratsii mecheti Takhtaly-Dzhami / Nauchnyy arkhiv BIKZ. – 1981. – 7 l.

16. ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 8314. Список существующим мечетям в Симферопольском уезде Таврической губернии в 1889 г., 268 л.

GARK, f. 27, op. 1, d. 8314. Spisok sushchestvuyushchim mechetyam v Simferopol'skom uезде Tavricheskoj gubernii v 1889 g., 268 l.

17. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 4704. Татарское училище-пансионат Орта-Медресе в Бахчисарае в 1913 г., 153 л.

GARK, f. 27, op. 13, d. 4704. Tatarskoe uchilishche-pansionat Orta-Medrese v Bakhchisarae v 1913 g., 153 l.

18. Маркевич А. И. Мечети Ешиль-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае // ИТУАК. – 1915. – № 52. – 263 с.

Markevich A. I. Mecheti Eshil'-Dzhami i Takhtaly-Dzhami v Bakhchisarae // ITUAK. – 1915. – № 52. – 263 s.

Osmanov E. E. Mosque Biuk Khan-Jami and Tahtali-Jami in Bakhchisaray / E. E. Osmanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 65–75.

Mosques were the most numerous religious buildings of Bakhchisaray. There were 32 in the era in the Crimean Khanate. Mosques incorporated number of historical monuments of Bakhchisaray as special type of Muslim architecture. The article, based on research results and conducting repair and restoration work in the period from the late eighteenth century - before the beginning of the twenty-first century. The article analyzed history of design and architectural appearance Biuk Khan Jami (The Big Khan Mosque) located in the eastern part of the Khan's palace and Tahtali-Jami in the old part of city Bakhchisaray. Khan-Jami is of particular interest for the history of the Crimean Tatar religious architecture, as in the future disappeared practice to install two minarets (the mosque of the eighteenth century have a minaret), rarely has been applied a system of open arcades. Biuk Khan Jami belongs to one of the earliest buildings of the Khan's palace. There is an inscription above the door of the main entrance on the left that says that the mosque was built (rebuilt) by Selyamet-Giray Khan in 1740. It was, for the restoration and repair of the previously existing building of the mosque after a fire in 1736, when Russian troops under the command of Field Marshal Munnich captured Bakhchisarai. In 1764 the mosque again was repaired and painted by Iranian master Omer. Tahtalı Jami - one of the few remaining monuments in the old part of the city, which bears the stamp of medieval architecture. It was built by the daughter of Haji Selim Giray Khan Bek-Sultan Khanum in 1704. It is assumed that the initial part of the mosque or the whole building was made of wood, hence the name means "wooden mosque," one of the few almost completely preserved. Therefore, this block was often called Tahtali-Jami. Restoration works of the late XVIII-XX centuries did not change their appearance practically, so they kept the oriental flavor. The Big Khan Mosque (Biuk Khan-Jami) and Tahtalı-Jami are functioning mosques at the present stage.

Keywords: Mosque, Muslim monuments, religious cult complex, repairs, restoration, complex research.

УДК 908(477.75)"1954/1970"

**ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ КРЫМА
В ЭПОХУ ХРУЩЕВСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ГОНЕНИЙ
(КОНЕЦ 50-х – СЕРЕДИНА 60-х гг. XX ВЕКА)**

Соколов А. А.

***АНОО ВО «Севастопольская морская академия», Севастополь, Российская Федерация
E-mail: saa.sev@rambler.ru***

Рассмотрена проблема охраны памятников культовой архитектуры в период правления первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. На конкретных примерах показано влияние политических установок, высшего руководства страны на состояние памятников. Передан масштаб атеистической кампании проходившей в масштабах всей страны, частью которого было целенаправленное уничтожение культовых объектов. Продемонстрирован волонтаристский характер принимавшихся решений и бессилие действовавшего памятникоохранительного законодательства. Особое внимание уделяется фактам разрушения культовых зданий, доведения их до аварийного состояния и использования в хозяйственных целях. В качестве примеров показана непростая судьба уникальных памятников истории и культуры: собора Святого Владимира в Херсонесе, церкви Архангелов Михаила и Гавриила в Феодосии, храма Иоанна Предтечи в Керчи, мечетей Джума-Джами и Муфти-Джами. Каждый из них понес невосполнимые утраты во внешнем облике и внутреннем убранстве, навсегда утратив свой первоначальный вид. Освящены последствия такой политики, нанесшей непоправимый вред культурному наследию Крыма.

Ключевые слова: культовые памятники, архитектура, разрушение, Н. С. Хрущев.

Охрана памятников истории и культуры, представляет собой историческое общественное явление, обусловленное многими объективными факторами. Немаловажную роль среди них занимает влияние действующего политического режима на отношение к наследию, поддержку или запрет мер, направленных на сохранение национального культурного достояния. Ярким примером тесной взаимосвязи политики советского государства и положения дел в области охраны памятников является, на наш взгляд, эпоха, так называемого, «хрущевского волонтаризма».

Предметом данного исследования служит, изучение влияния государственной культурной политики на охрану и использование памятников культовой архитектуры, в период конца 50-х-начала 60-х гг. XX века.

Заявленная проблема до сих пор не получила комплексного освящения в крымоведческой литературе. Единственной работой дающей обобщенное представление о тенденциях развития памятникоохранительного дела в Крыму в рассматриваемый нами период является монография Н. В. Кармазиной «Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму, 1954–1991 рр.» [1]

С одной стороны, приход к власти Н. С. Хрущева и развенчание культа личности И. В. Сталина сыграло решающую роль в пробуждении общественного сознания и росте демократических инициатив. Начавшийся процесс так называемой «оттепели» стал заметным прорывом в духовной жизни советского общества. С другой стороны, наблюдался возврат нигилистического отношения к культурному наследию. Участились случаи целенаправленного разрушения и повреждения памятников.

Годы хрущевской политической «оттепели» вовсе не коснулись религиозной сферы. Наоборот, атеистическая пропаганда, получила новое развитие. Эта мысль нашла свое отражение в постановлении ЦК КПСС от 7 декабря 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [2, с. 71–77]. Позже это постановление не раз пересматривалось в сторону ужесточения. К компании против «наступления религии на умы советских граждан» подключились и партийная печать. В СМИ осуждался рост количества действующих церквей, интерес населения к участию в религиозных обрядах [3, с. 75–76].

Особенно жесткая атеистическая компания развернулась в начале 60-х гг. XX века, когда религия была признана главным, легально существующим, идеологическим врагом марксизма [4, с. 236]. Для Крыма это стало новым этапом испытаний после массовых уничтожений культовых памятников в 20-е-30-е годы XX века.

До середины 60-х гг. XX охрана памятников архитектуры была обязанностью исключительно государственных органов. Базовым нормативно-правовым документом регулировавшим вопросы их сохранения и использования оставалось постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14 октября 1948 года [5, с. 65–69].

Пользование архитектурными памятниками, допускалось «только на условиях», выработанных Комитетом по делам архитектуры и оформленных особыми «Охранно-арендными договорами». Памятники архитектуры, находящиеся в ведении Советов депутатов трудящихся, могли передаваться в пользование предприятий, учреждений и организаций по «Охранно-арендным договорам» исключительно местными исполкомами. На руководителей предприятий, учреждений и организаций, арендовавших памятники архитектуры, возлагалась полная «ответственность за их содержание к сохранности и своевременному ремонту, за благоустройство занимаемых памятниками участков и организацию надлежащей охраны этих памятников» [5, с. 66].

Обращалось внимание, если памятники эксплуатировались не в соответствии с их назначением и подвергались вследствие этого «угрозе разрушения или порче», то по требованию Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР или подчиненных ему местных органов, таковые подлежали «немедленному изъятию от их пользователей с взысканием с них причиненного памятнику ущерба в размере стоимости восстановительных работ» [5, с. 67].

Но на практике данное постановление было далеко от абсолютного выполнения, особенно когда речь шла о памятниках культовой архитектуры. Даже в случае самых вопиющих нарушений, таких как разрушение или перестройка памятника, местные власти старались не обращать на это внимание.

К середине 50-х гг. большинство памятников культовой архитектуры Крыма были взяты на государственный учет. Часть храмов, после Второй мировой войны, была возвращена верующим и находилась в пользовании церкви. С приходом к власти Н. С. Хрущева религиозные общины стали массово закрывать. Согласно утверждениям официальной пропаганды церковь в СССР не преследовалась, просто по мере продвижения советского общества к коммунизму исчезали объективные и субъективные предпосылки для появления религиозного сознания. Соответственно,

советским чиновникам было необходимо дать хотя бы формальный повод закрытия церквей.

Политика партии была направлена на более активное использование культовых зданий в хозяйственных целях-под склады и хранилища, что часто приводило к разрушениям их конструкций и гибели настенной живописи. Храмы стали активно изыматься у религиозных общин, лишая их тем самым ремонта и содержания, а подчас доводя их до аварийного состояния [6, с. 222–223]. Находившиеся в пользовании религиозных общин храмы, поступали на баланс коммунального хозяйства, а оттуда передавались арендаторам. В Севастополе, решением местного горисполкома от 18 июня 1963 года, Покровский собор начала XX века постройки, был отдан для нужд городского архива и спортивного клуба. Его внутренние помещения подверглись капитальной перестройке, практически полностью уничтожившей все настенные росписи и участь декора [7, с. 44].

Аналогичная судьба постигла и другие действовавшие храмы. В 1962 решением Евпаторийского горисполкома, была закрыта церковь Святого пророка Ильи 1918 года постройки, восстановленная и содержавшаяся силами прихожан. Поводом к этому стало, аварийное состояние колокольни, которая по необоснованным предположениям местных чиновников могла обрушиться. «Аварийную» колокольню в конечном итоге снесли, а здание церкви организовали спортивный зал «Спартак» [8, с. 131]. То же самое стало и с храмом Святого Николая (1831 года постройки) в поселке Зуя. В 1962 г. он стали использоваться как сельский клуб и спортзал [9, с. 126].

О возврате утилитарного отношения к культовым памятникам наглядно свидетельствует ситуация с использованием храмов в Феодосии. Так, феодосийским отрядом дератизации был самовольно занят храм Иоанна Богослова для хранения в нем хлорной извести [10, л. 5]. Предприятием «Зеленхоз», под склад садового инвентаря, эксплуатировался храм Сергия XIV века [11, л. 20]. Церковь Архангелов Михаила и Гавриила 1408 г. в Феодосии арендовавшаяся артелью «Искра» была полностью загрязнен внутри. На мраморные плиты с тонким разным узором ставились металлические ящики, испортившие всю резьбу. В восточной стене и в большом своде образовались многочисленные трещины. В охранной зоне памятника был построен деревянный навес [12, л. 21]. Местные власти из года в год откладывали реставрацию памятника, считая его состояние «удовлетворяющим технически потребностям своего назначения» [13, л. 71]. Переубедить их не смогли ни мнения специалистов, ни техническая экспертиза. Осмотр, проведенный в октябре 1963 г. членами совета по охране памятников при Феодосийском горисполкоме, показал следующее: «Церковь находится в катастрофическом, аварийном состоянии. Стены и своды в любой момент могут обрушиться, что представляет большую опасность для вплотную расположенных одноэтажных жилых домов и может повлечь человеческие жертвы» [14, л. 7].

Еще один памятник культовой архитектуры Феодосии-Георгиевская церковь XIV века пребывавшая в ведомственном пользовании организации «Курортторг», так же оказалась доведенной до аварийного состояния. Ее западная часть была превращена в свалку мусора, а подпорная стена серьезно повреждена [15, л. 20].

Разрушениям и перестройкам подвергались не только объекты православной архитектуры. Под удары хрущевской культурной политики попали памятники всех конфессий. В эти годы была утрачена и значительная часть наследия мусульманской культуры. Один из наглядных примеров этому выдающийся памятник мирового значения-мечеть Джума-Дмажи 1557 г. в Евпатории. Активно использовавшаяся под склад промтоваров, почти двадцать лет мечеть подвергалась нещадной эксплуатации повлекшей разрушение ее внутреннего убранства. При этом большая часть утрат пришлась именно на 50-е-начало 60-х годов XX века. В январе 1957 года истек срок охранно-арендного договора, заключенного предприятием «Курортторг» на использование всего комплекса мечети для своих хозяйственных нужд. Но, не смотря на, это арендатор так и не освободил здание [16, л. 86]. В результате отсутствия своевременного ремонта и нарушения правил эксплуатации памятнику был нанесен непоправимый вред. Осматривавшая в апреле 1960 г., мечеть специальная комиссия констатировала ее ужасающее состояние: «Железная кровля и водосточные желоба проржавели; своды во многих местах сырые; старинная внутренняя штукатурка на 90 % повреждена; отломан карниз деревянной внутренней галереи; сняты почти все деревянные профили ограждения галереи второго этажа; деревянные потолки забрызганы известью; резная дверь испорчена гвоздями; во многих местах повреждена резьба на камне. Из шести художественных резных мраморных надгробий полностью сохранились только четыре» [17, л. 87]. Реставраторы, восстанавливавшие мечеть в 60-е-70-е годы XX века отмечали, что больше урон памятнику нанесли не факторы естественного разрушения, а варварская хозяйственная деятельность человека [18, с. 22–25]. Так же, в хозяйственных целях использовалась и мечеть Муфти-Джами в Феодосии. Здание, арендуемое рыбколхозом «Волна», было превращено в склад овощей, что строго запрещалось условиями охранно-арендного договора. Во внутреннем дворе, под открытым небом хранились горы каменного угля, здесь же выбрасывались отходы производства. В итоге была утрачена вся внутренняя отделка. [19, л. 20].

Одновременно с доведением памятников до аварийного состояния, происходило и их снятие с государственного учета. Так, в конце 50-х XX века из государственного реестра был исключен минарет в с. Пионерском, представлявший особую историко-культурную ценность [1, с. 39].

Непросто складывалась историческая судьба собора Святого князя Владимира (Усыпальница адмиралов) в Севастополе. С конца 40-х годов XX века, без каких либо разрешений и охранных договоров, собор был занят Политическим управлением военно-морского флота для хранения в нем газет, литературы, типографской бумаги и краски. Вопрос о использовании памятника, не раз поднимался на заседаниях Севастопольского городского исполнительного комитета (далее – Севгорисполком). Особую остроту он приобрел после сооружений в 1957 г. монументальной скульптуры В. И. Ленина на Центральном холме. Автор памятника скульптор П. И. Бондаренко требовал собор разобрать, чтобы открыть лучшую видимость монумента. К тому же, по его мнению, соседство величественной фигуры «вождя мирового пролетариата» с православной церковью было абсолютно недопустимо [20, л. 11]. Такое предложение быстро нашло сторонников среди партийного руково-

дства [21, л. 27]. Однако, городские архитекторы сходились во мнении, что здание стоит реконструировать под музей, основательно перестроив его внешний вид.

В качестве основных, рассматривались несколько вариантов частичной разборки верхнего храма и его основательной перестройки [22, л. 12]. Среди прочих, выделялась идея кинорежиссера К. Л. Меркулова, предлагавшего снять купол, а в помещениях разместить семь киноустановок и синхронно демонстрировать киносюжеты из хроники обороны Севастополя 1941–1942 годов. Но, ни один из предлагаемых проектов, не был реализован. Городские власти так не приняли окончательного решения, отложив его рассмотрение на будущее [23, с. 62].

Руины еще одного севастопольского собора-Святого князя Владимира (в Херсонесе) с середины 50-х гг. XX века, стали активно разбирать различные строительные организации. Ценные мраморные колонны, гранит, элементы декора и внешней отделки собора, бесконтрольно вывозились и использовались вторично. Так, в начале 1956 г. были сняты облицовочные плиты цоколя из мраморного известняка, для изготовления бордюров в одном из городских скверов. Через два года, из облицовки пола, были изъяты гранитные ступени, и белые мраморные плиты, использованные для возведения лестницы к памятнику В. И. Ленина (на Центральном холме) [24, л. 19]. Из-за ветхости здания в 1959 г. произошло обрушение фронтона северного фасада собора. Обрушение угрожало сводчатым перекрытия центральной и северо-западной части собора [25, с. 130].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение история охраны уникального храма Иоанна Предтечи IX века в Керчи. В 1947 г. в здесь разместилась часть лапидария Керченского историко-археологического музея. Во многом именно это обстоятельство уберегло храм от использования в хозяйственных целях [26, л. 5]. К середине 50-х гг. XX века здание пришло в полное обветшание и угрожало обрушением кровли и части стен. В 1957 г. инженерами судоремонтного завода внутри храма был установлен металлический каркас, который дал возможность поддержать подпружные арки и своды его древней части [27, с. 3]. Но кроме этого для спасения памятников, больше ничего предпринято не было. Запланированные на 1958 г. ремонтно-реставрационные работы остались незаконченными. Ни в местном, ни в областном бюджете на это не нашлось средств [28, л. 1]. Только в 1963 году, благодаря настоятельным просьбам руководства музея и научной общественности, храму был присвоен статус памятника республиканского значения. Но это случай стал больше исключением, чем правилом. Чаще всего такие памятники оставались без внимания государства.

Таким образом, безраздельное господство идеологии атеизма и волюнтаристский характер принимаемых решений поставили на грань существования, сотни памятников культовой архитектуры в Крыму. Часто судьба памятников находилась в прямой зависимости от политических установок высшего руководства страны. Бесконтрольность в вопросах использования памятников вела к формированию позиции безнаказанности, в силу слабого использования памятникоохранительных норм. Следствием невежества местных органов власти и ответственных арендаторов стало доведение до аварийного состояния зданий церквей, уничтожение фресковой живописи, внутренней и внешней отделки. Годы нещадной эксплуатации, оставили свой

отпечаток на состоянии всех памятников. Сегодня подсчитать, даже приблизительное количество утраченного, не представляется возможным. Но и без этого проведенное исследование показывает, что масштабы разрушений были колоссальны.

Список использованных источников и литературы

1. Кармазіна Н. В. Нариси розвитку історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського; за ред. А. А. Непомнящого.– Сімферополь, 2005.– 177 с.– (Бібліографія кримознавства; Вип. 4).
Karmazina N. V. Narisi rozvitku istorichnogo kraeznavstva v Krimu (1954–1991 rr.) / Tavrijs'kij nats. un-t im. V. I. Vernads'kogo; za red. A. A. Nepomnyashogo.– Simferopol', 2005.– 177 s.– (Biobibliografiya krimoznavstva; Vyp. 4).
2. О религии и церкви: сб. док. –М.: Политиздат, 1965. – С. 71–77.
O religii i tserkvi: sb. dok. –M.: Politizdat, 1965. – S. 71–77.
3. Константинов Д. Гонимая церковь : Русская православная церковь в СССР, Нью-Йорк, 1967. – С. 75–76.
Konstantinov D. Gonimaya tserkov' : Russkaya pravoslavnaya tserkov' v SSSR, N'yu-Jork, 1967. – S. 75–76.
4. Алексеев В. А. Штурм небес отменяется ? : Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. –М.: Россия Молодая, 1982. – С. 236.
Alekseev V. A. Shturm nebes otmenyaetsya ? : Kriticheskie ocherki po istorii bor'by s religiej v SSSR. – M.: Rossiya Molodaya, 1982. – S. 236.
5. О мерах улучшения охраны памятников культуры: Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г., № 3898 // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. –М., 1973. – С. 65–69.
O merakh uluchsheniya okhrany pamyatnikov kul'tury: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 14 oktyabrya 1948 g., № 3898 // Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury: Sb. dokumentov. – M., 1973. – S. 65–69.
6. Щенков А. С. Культурное наследие в жизни общества второго послевоенного десятилетия // Кульчинская Е. Д. Рыцарев К. В. Щенков А. С. Памятники архитектуры в Советском Союзе : Очерки истории архитектурной реставрации. – М., 2004. – С. 222–223.
Shhenkov A. S. Kul'turnoe nasledie v zhizni obshhestva vtorogo poslevoennogo desyatiletija // Kul'chinskaya E. D. Rytsarev K. V. Shhenkov A. S. Pamyatniki arkhitektury v Sovetskom Soyuze : Ocherki istorii arkhitekturnoj restavratsii. – M., 2004. – S. 222–223.
7. Покровский собор в Севастополе: страницы истории / сост. Н. М. Терещук, С. Е. Сорокин. – К.: КММ, 2010. – 216 с.
Pokrovskij sobor v Sevastopole: stranitsy istorii / sost. N. M. Tereshhuk, S. E. Sorokin. – K.: KMM, 2010. – 216 s.
8. Кутайсова М., Кутайсов В. Греческая церковь Св. Ильи в г. Евпатории // Пилигримы Крыма. – 1999. – Т. 2. – Симферополь, 2000. – С. 130–132.
Kutajsova M., Kutajsov V. Grecheskaya tserkov' Sv. Il'i v g. Evpatorii // Piligrimy Kryma. – 1999. – T. 2. – Simferopol', 2000. – S. 130–132.
9. Тимченко З. В. Туристско-экскурсионный потенциал крымской реки Зуя // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 74. – Т. 1. – С. 125–128.
Timchenko Z. V. Turistsko-ehskursionnyj potentsial krymskoj reki Zuya // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. – № 74. – T. 1. – S. 125–128.
10. Государственный архив Республики Крым (далее-ГАРК), ф. Р-3385, оп 1, д. 657.
Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Krym (dalee-GARK), f. R-3385, op 1, d. 657.
11. ГАРК, ф. Р-3385, оп 1, д. 543.
GARK, f. R-3385, op 1, d. 543.
12. ГАРК, ф. Р-3385, оп 1, д. 543.
GARK, f. R-3385, op 1, d. 543.
13. ГАРК, ф. Р-3385, оп.1, д. 544.
GARK, f. R-3385, op.1, d. 544.
14. ГАРК, ф. Р-3385, оп 1, д. 657.

- GARK, f. R-3385, оп 1, d. 657.
15. ГАРК, ф. Р-3385, оп 1, д. 543.
GARK, f. R-3385, оп 1, d. 543.
16. ГАРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 543.
GARK, f. R-3385, оп. 1, d. 543.
17. ГАРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 543.
GARK, f. R-3385, оп. 1, d. 543.
18. Лопушинская Е. И. Мечеть Джума-Джами в Евпатории : история и реставрация // Строительство и архитектура, 1989. – № 7. – С. 22–25.
Lopushinskaya E. I. Mechet' Dzhuma-Dzhami v Evpatorii : istoriya i restavratsiya // Stroitel'stvo i arkhitektura, 1989. – № 7. – С. 22–25.
19. ГАРК, ф. Р-3385, оп 1, д. 543.
GARK, f. R-3385, оп 1, d. 543.
20. Государственный архив города Севастополя (далее-ГАГС), ф. Р-183, оп. 1, д. 90, л. 11.
Gosudarstvennyj arkhiv goroda Sevastopolya (dalee-GAGS), f. R-183, оп. 1, d. 90, l. 11.
21. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 90.
GAGS, f. R-183, оп. 1, d. 90.
22. ГАГС, ф. Р-183, оп. 1, д. 90.
GAGS, f. R-183, оп. 1, d. 90.
23. Апошанская М. П. Собор Святого равноапостольного князя Владимира-усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского флота / ред. сост. М. П. Апошанская. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2004. – 336 с.
Aposhanskaya M. P. Sobor svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya vladimira-usypal'nitsa vydayushhikhsya admiralov rossijskogo imperatorskogo flota / red. sost. M. P. Aposhanskaya. – Simferopol': Biznes-Inform, 2004. – 336 s.
24. Национальный заповедник Херсонес Таврический Научный архив, д. 1107, л. 19.
Natsional'nyj zapovednik khersones tavrisheskij nauchnyj arkhiv, d. 1107, l. 19.
25. Марченко Л. В., Бабинов Ю. А. Роль Херсонесского музея в сохранении и восстановлении собора Святого Владимира // Взаимоотношения религиозных конфессий в многоукладном регионе: сб. научн. трудов.– Севастополь, 2001.– С. 128–132.
Marchenko L. V., Babinov Y. A. Rol' khersonesskogo muzeya v sokhranenii i vosstanovlenii sobora svyatogo vladimira // vzaimootnosheniya religioznykh konfessij v mnogoukladnom regione: sb. nauchn. trudov.– Sevastopol', 2001.– S. 128–132.
26. Керченский историко-культурный заповедник Научный архив (далее-КИКЗ НА), оп. 7, д. 140.
Kerchenskij istoriko-kul'turnyj zapovednik nauchnyj arkhiv (dalee-KIKZ NA), оп. 7, д. 140.
27. Логовский В. Второе рождение древнего храма // Керченский рабочий. –1976. –31 июля. –С. 3.
Logovskij V. Vtoroe rozhdenie drevnego khrama // Kerchenskij rabochij. –1976. –31 iyulya. –s. 3.
28. КИКЗ НА, оп. 7, д. 45.
KIKZ NA, оп. 7, d. 45.

Sokolov A. A. Monuments sacral architecture Crimea in epoch Khrushchev religious persecution (late 50's mid 60-ies. XX century) / A. A. Sokolov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 76–83.

The problems of protection of monuments of religious architecture in the period of the First Secretary of the Central Committee of the CPSU Khrushchev. On concrete examples show the effect of policies, the country's leadership on the state of monuments. Transferred to the scale of atheistic held across the country, part of which was a deliberate destruction of religious sites. Demonstrated irresponsible character makes a decision and acting impotence protection of monuments legislation. Particular attention is paid to the facts of the destruction of religious buildings, bringing them to the state of emergency and use for commercial purposes. Utilitarian attitude to such monuments often lead to irreparable consequences. For a long time remained without repair dilapidated monuments and fell into disrepair. An example of the difficult fate of unique historical and cultural monuments: the Cathedral of St. Vladimir in Chersonesos, Church of the Archangels Michael and Gabriel in Theodosia, the church of John the Baptist in Kerch, Juma-Jami mosque and Mufti-Jami. Each of

*ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ КРЫМА В ЭПОХУ ХРУЩЕВСКИХ
РЕЛИГИОЗНЫХ ГОНЕНИЙ (КОНЕЦ 50-Х – СЕРЕДИНА 60-Х гг. XX ВЕКА)*

---

them has suffered irreparable loss in the external appearance and internal decoration, forever lost its original appearance. The article sanctified consequences of such a policy that has caused irreparable damage to the cultural heritage of the Crimea.

Keywords: religious monuments, architecture, destruction, N. S. Khrushchev.

УДК 297+94(=411.21)

ХРИСТИАНЕ АРАВИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ИБН ХИШАМА

Спивак И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lspivaq@rambler.ru*

Статья посвящена выявлению особенностей изображения христиан Аравии в тексте «Жизнеописание посланника Аллаха» Ибн Хишама. Анализ проводится путем сравнения двух, противостоящих в тексте источника, конфессиональных групп – христиан и иудеев. В качестве основного критерия сравнения взят, использованный Ибн Хишамом, принцип отношения к пророческой миссии Мухаммада и исламу. В связи с этим, в тексте источника выделены три группы фрагментов, расположенных в хронологическом порядке и вплетенных в канву повествования о жизни Мухаммада: эпизоды, связанные с предсказанием пророческой миссии Мухаммада, рассказы об «испытании веры» и попытки враждебных действий по отношению к пророку и исламу. Проведенный анализ позволяет утверждать, что христиане в повествовании Ибн Хишама представлены в гораздо более выгодном свете, нежели иудеи. Вероятно, причиной такого подхода стала общая для мусульман и христиан реакция отторжения со стороны иудаизма.

Ключевые слова: жизнеописание, Ибн Хишам, иудеи, Мухаммад, христиане.

«Жизнеописание посланника Аллаха», составленное Абд аль-Маликом ибн Хишамом аль-Химйари (ум. в 213/828 или в 218/833 г.) в начале IX в. не только приобрело статус авторитетнейшего в мусульманском мире, но и стало основополагающим для всех последующих сочинений жанра «*сира*» [1, с. 209]. Вместе с тем, следует отметить, что до сих пор остаются неясными вопросы, связанные с содержанием первоначального текста и его последующими редакциями [2, с. 90–100]. История составления этого текста восходит к VIII в., когда Абу Абдаллах Мухаммад ибн Исхак (ум. в 150/767 г.) написал историческое сочинение, включившее в себя, впервые составленную, цельную биографию Мухаммада, изложенную в историческом контексте, под которым, в исламской традиции, понимается непрерывная цепь авраамических пророчеств, завершающаяся фигурой Мухаммада. Принципиально важно учесть тот факт, что текст Ибн Исхака был в значительной степени переработан. Известно, что первоначальный текст существовал в 15 редакциях, а число его прямых передатчиков превышает 50 [3, с. 10–11]. Благодаря последующим редакторам и усилиям Ибн Хишама историческое повествование Ибн Исхака было превращено исключительно в биографию пророка, приведенную в соответствие с текстом Корана и нормами богословской науки. Такая переработка и позволила стать «Жизнеописание посланника Аллаха» Ибн Хишама наиболее авторитетным текстом жанра «*сира*».

Сочинение Ибн Исхака – Ибн Хишама неоднократно привлекало внимание исследователей, его анализировали и как исторический источник и как памятник средневековой арабской литературы [4, с. 178–189]. Учитывая прецедентный характер формирования некоранических источников мусульманского вероучения и права, с целью понимания отношения мусульманской общины к различным категориям «покровительствуемых», важным представляется анализ того, каким образом пред-

ставлены в тексте Ибн Хишама христиане, по отношению к деятельности Мухаммада и нарождающемуся исламу. Данный анализ целесообразно проводить сравнивая две конфессиональные группы, как кажется, противостоящие в тексте Ибн Хишама друг другу – христиан и иудеев. Корректность такого подхода вытекает, прежде всего, из того, что, как известно, с точки зрения ислама, и христиане и иудеи обладают одним статусом – «люди писания» – получившем оформление в религиозно-правовой системе халифата [5, с. 217–228; 6, с. 44–68].

Все интересующие нас пассажи в тексте Ибн Хишама, могут быть условно разделены на несколько групп. К первой группе следует отнести легендарные сообщения о христианских и иудейских предсказаниях, касающихся появления пророка и возникновения новой религии. Первые сведения в этом ряду, сообщаемые Ибн Хишамом, относятся к попытке йеменского царя Туббаа II покарать жителей Медины за убийство своего сына, оставленного им в городе в качестве наместника. Тогда два иудейских священника из бану курайза сообщили царю, что: *«в этот город переселится пророк, который выйдет из того священного города от курайшитов через много лет»* [7, с. 15]. Царь отступил от Медины и принял иудаизм. К этому эпизоду примыкает рассказ Асима ибн Омара ибн Катады, приведенный Ибн Хишамом со слов Ибн Исхака. *«Между нами и между ними (иудеями) не прекращалась злоба... они говорили нам, что приблизилось время пророка...мы будем заодно с ним и тогда убьем вас...»* [7, с. 59]. Сюда же следует отнести и рассказ Салиха ибн Ибрахима о предсказании иудея из бану абд аль-Ахшал, равно как и пассаж о переселившемся из Сирии в Медину иудею Ибн аль-Хаййабане. Последний примечателен завещанием обращенным к бану курайза, которое вкладывает в уста Ибн аль-Хаййабана Ибн Хишам: *«Не дайте другим опередить вас, о собрание иудеев! Он послан, чтобы пролить кровь, пленить детей и женщин, тех, кто будет противиться ему»* [7, с. 60].

Этим эпизодам в тексте «Жизнеописания посланника Аллаха» противостоят сообщения о христианских предсказаниях относительно появления Мухаммада и его миссии. Такова история сирийского монаха Бахири, который опознал в маленьком Мухаммаде будущего пророка и напутствовал его дядю Абу Талиба следующими словами: *«Возвращайся с сыном твоего брата в его страну. Береги его от иудеев. Ей-богу, если увидят его и узнают от него то, что я узнал, то непременно будут стремиться нанести ему зло»* [7, с. 50]. В этой связи, любопытно отметить, что автор, составленного в IX в. «Кратчайшего жизнеописания наилучшего из людей», Ахмад б. Фарис ар-Рази причисляет Бахири к ученым-иудеям, но сохраняет общую антииудейскую направленность рассказа. В его передаче, обращаясь к Абу Талибу, *«Бахира сказал: «клянусь Аллахом, если ты придешь с ним в Сирию, иудеи убьют его, ведь он им враг»* [3, с. 28]. Еще более рельефно предсказание о пророческой миссии Мухаммада со стороны христиан предстает в приведенном Ибн Хишамом рассказе о принятии ислама Сальманом аль-Фариси. Отказавшись от зороастризма в пользу христианства, Сальман странствовал от одного христианского наставника к другому, пока последний из них перед своей смертью не обратился к ученику со следующими словами. *«О сын мой! Ей-богу, как я знаю, сегодня нет ни одного человека, достигшего того, чего достигли мы, к которому я велел бы тебе*

идти. Но наступило время пророка. Он будет послан с религией Ибрахима... Он появится на земле арабов. Если ты сумеешь дойти до этой страны, то иди! [7, с. 63]». В одном ряду с этими предсказаниями следует рассматривать указания данные Зейду ибн Амру ибн Нуфайлу христианским монахом в «земле аль-Балька». Эти указания, почти дословно повторяют слова наставника Сальмана аль-Фариси, с одним, весьма существенным, дополнением: «Он (пророк) уже ознакомился с иудаизмом и христианством и ничто в них ему не понравилось» [7, с. 67]».

Таким образом, согласно Ибн Хишаму, и христиане и иудеи Аравии и Сирии ожидали и предсказывали появления пророка. Однако даже при поверхностном взгляде на эти пророчества, нельзя не обратить внимание на те различия, которые в них содержатся. Иудеи ожидают появления пророка исключительно для иудеев – того человека, деятельность которого поможет им возвыситься над окружающими народами и племенами. Вероятно, данный подход у Ибн Хишама отражает мессианские ожидания в среде аравийских иудеев. Косвенным подтверждением тому, что часть иудеев действительно могла связывать выступления Мухаммеда с учением о машиахе, является рассказ Ибн Сада о Кулайбе ибн Асаде, посвятившему Мухаммаду стихи, содержащие следующий байт: «Ты – пророк, о котором нам сообщали, / Благою весть о тебе принесли Тора и посланники» [8, с. 320]. Совсем иначе следует расценивать христианские предсказания о появлении пророка в тексте Ибн Хишама. Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что подавляющее большинство подобных предсказаний делается монахами, т.е. мистиками и людьми не представляющими интересы конкретных религиозных общин. Универсализм христианства как мировой религии в тексте Ибн Хишама превращается в «бескорыстие» христианских авторитетов, которые из стремления к истине, подтверждают скорое появление пророка, даже если ему «ничто не понравилось в иудаизме и христианстве».

Во вторую группу сообщений Ибн Хишама о христианах и иудеях, следует отнести эпизоды, связанные с «испытаниями» подлинности миссии пророка и истинности вероучения ислама. Первый рассказ в этой группе содержит сведения о посольстве курайшитов к иудеям Медины и тех вопросах, которые это посольство доставило Мухаммаду. Мухаммад, хотя и с опозданием, получивший в откровении разъяснения поставленных вопросов, заключил ответ на последний из них, как передает Ибн Хишам, в соответствии с кораническим текстом (XVII:85), словами: «Даровано вам знания только немного» [9]. Далее Ибн Хишам поясняет, что при переселении пророка в Медину, он вновь повторил эти слова иудеям, прокомментировав их следующим образом: «Она (Тора) мала по сравнению с тем, что есть у Аллаха» [7, с. 89]. К этому рассказу примыкает эпизод переданный Ибн Хишамом со слов Шахра ибн Хаушаба, о четырех вопросах, заданных пророку «еврейскими священниками» во время его пребывания в Медине. Ответы, данные Мухаммадом (о Джабраиле и о Сулеймане ибн Дауде) слишком отличались от учения иудаизма, чтобы удовлетворить вопрошавших. В этом же ряду следует рассматривать и рассказ о приходе Мухаммада в бейт аль-мидрас, где на утверждение пророка о том, что он следует религии Ибрахима, евреи стали утверждать, что: «Ибрахим был евреем». Наконец, в эпизоде с письмом Мухаммада к иудеям Хайбара Ибн Хишам подводит итог подобным «испытаниям»: «В Коране упоминаются некоторые иу-

дейские священники и нечестивые евреи, которые задавали пророку разные каверзные вопросы, стремясь поставить его в неловкое положение и скрыть правду ложью». Объясняет Ибн Хишам и причины такого поведения иудеев: «Когда Аллах послал его из арабов, они отвергли его и отреклись от своих ранних высказываний... «Он не принес нам то, о чем мы не знаем и чего мы ждали. Он не тот, о котором мы вам говорили» [7, с. 182].

Прямо противоположными являются сообщения Ибн Хишама о реакции христиан на проповедь Мухаммада. Здесь, прежде всего, следует отметить рассказ об Аддасе – христианине из ат-Таифа. Аддас, получив доказательство пророческой миссии Мухаммада, которое заключалась только в словах пророка, стал целовать его голову, руки и ноги. Наиболее полный рассказ об «испытании» мусульманской веры со стороны христиан Ибн Хишам приводит в эпизоде, связанном с эфиопской хиджрой. Узнав о том, что переселившиеся в Эфиопию мусульмане, находятся под опекой негуса, курайшиты отправляют посольство, целью которого является выдача мусульман. Главный пункт «обвинения», которое выдвинули курайшиты против переселенцев перед негусом, заключался в том, что: «...неразумные юноши отказались от религии своего народа. Они не приняли и твою религию. Пришли с такой религией, которую сами выдумали» [7, с. 98]. Негус собирает, по словам Ибн Хишама, епископов и устраивает испытание для мусульман, которое заканчивается чтением суры «Марьям». Реакцию Негуса Ибн Хишам передает в следующих словах: «Клянусь Аллахом, негус заплакал так, что его борода стала мокрой. Заплакали его епископы так, что намочили свои свитки, когда услышали то, что он прочитал им. Потом негус сказал: «Это и то, что принес Иисус, выходят из одной ниши» [7, с. 99].

Испытание повторилось на следующий день, когда курайшиты обвинили мусульман в том, что они «говорят об Исе греховное слово». В ответ мусульман на вопрос негуса, Ибн Хишам вкладывает декларацию коранической доктрины. «Мы горим о нем то, что принес нам наш пророк: Он – раб Аллаха, его посланник, его дух, его слово, вложенное Им Деве Марьям». Разумеется, такой ответ не мог удовлетворить ни негуса, ни собравшихся епископов. «Негус ударил рукой по земле, поднял палочку и сказал: Клянусь Аллахом, по-твоему выходит, что Иса сын Марьям не больше значит, чем эта палочка!» Когда он это сказал, епископы вокруг него стали ворчать» [7, с. 99]. И все же, даже учитывая расхождения с мусульманами по вопросу о природе Исы, негус подтверждает свое намерение оказывать им покровительство и отказывается выдать их курайшитами.

Наконец, к этой группе свидетельств, безусловно, следует отнести рассказ Ибн Хишама о делегации двух десятков христиан к Мухаммаду, когда он находился в Мекке. Христиане задали Мухаммаду вопросы и услышали чтение Корана. «Когда они услышали Коран, из их глаз потекли слезы, потом они ответили согласием на зов к Аллаху, уверовали в Него, поверили в пророка, узнали от него, как было написано его дело для них в Книге Божьей» [7, с. 120].

Анализ второй группы сообщений Ибн Хишама о христианах и иудеях, по отношению к миссии пророка, показывает, что представители обеих конфессий испытывают пророка, преимущественно путем постановки перед ним различных вопро-

сов. Как и в случае с первой группой свидетельств, христиане, получив ответы на свои вопросы, признают пророческую миссию Мухаммада и истинность ислама, чего нельзя сказать об иудеях. Последние, как это представляет Ибн Хишам, испытывают разочарование в пророке, который, по их мнению, оказался не тем кого они ожидали. В случае с христианами нельзя не отметить того, что теперь пророк, в лице своих последователей, имеет дело не только с частными людьми, исповедующими христианство, но и с политически организованной общиной христиан Эфиопии. Любопытно, что «преимущества» христиан в тексте Ибн Хишама, для второй, выделенной нами, группы свидетельств, вновь основываются на универсализме христианства и стремлении к истине, даже если она, как в случае с негусом, расходится с представлениями самих христиан.

В особую группу свидетельств о христианах в тексте Ибн Хишама, по нашему мнению, следует выделить эпизод, когда «иудейские священники и христиане Наджрана» вместе собрались у пророка. *«Когда иудейские священники и христиане Наджрана собрались у пророка и начали спорить между собой, евреи сказали: «Ибрахим был только иудеем». А христиане Наджрана сказали: «Ибрахим был только христианином»* [7, с. 185]. Ответ пророка на эти утверждения Ибн Хишам представляет виде коранического айата: «Ибрахим не был ни иудеем, ни христианином, а был он ханифом, предавшимся богу, и не был многобожником» (Ш: 67) [9]. Показательно продолжение спора, описанное Ибн Хишамом. *«Когда ученые-богословы иудеев и христиан Наджрана собрались у пророка, и он призвал их к исламу, Абу Нафия аль-Курази сказал: «Ты хочешь от нас, о Мухаммад, чтобы мы поклонялись тебе так, как поклоняются христиане Исе сыну Марьям?»...Пророк ответил: «Упаси Аллах, чтобы я поклонялся кому-нибудь еще, кроме Аллаха...»* [7, с. 186]. Таким образом, данный эпизод, по нашему мнению, является ключевым для концепции Ибн Хишама. Здесь Мухаммад в своих рассуждениях, соответствии с богословской доктриной ислама, возвышается и над иудеями и над христианами, достигая высшей степени религиозного универсализма.

Наконец, еще одна группа свидетельств Ибн Хишама о христианах и иудеях связана с враждебными действиями представителей этих конфессий по отношению к пророку и исламу. Эпизоды, связанные с враждебными действиями иудеев, приведшие, в конечном счете, к изгнанию в 624 г. бану кайнука и бану надир в 625 г., а в 627 г. расправе над бану курайза хорошо известны [10, с. 107–108, 119–120, 133–134]. Что же касается христиан, то наиболее сильным пассажем в этом ряду у Ибн Хишама, является рассказ о решении Мухаммада и христиан Наджрана обменяться проклятиями. Показателен состав христианской делегации, на котором подробно останавливается Ибн Хишам. Среди приехавших к Мухаммаду – глава общины, главный советник вождя и «*епископ, ученый муж, духовный глава, настоятель религиозной школы*». Таким образом, Ибн Хишам подчеркивает официальный характер данной делегации. После выяснения разногласий в вопросах богосыновства, поклонения кресту и поедания свинины, к пророку приходит приказ от Аллаха «передать их проклятью, если они откажутся от принятия ислама». Христине берут паузу в переговорах и совещаются между собой. Показательно, что во время этого совещания они подтверждают истинность пророческой миссии Мухаммада. В результате:

«Они снова пришли к пророку и сказали: «О Абу аль-Касим! Мы решили не обмениваться с тобой проклятьями, оставить тебя с твоей религией, а мы вернемся домой к своей религии» [7, с. 197]. Надо ли говорить сколь сильно этот конфликт отличается от тех, что разгорелись между пророком и иудеями?

Подводя итог, можно сделать несколько выводов. В сочинении Ибн Хишама четко выделяются три группы свидетельств о христианах и иудеях, расположенных в хронологическом порядке и вплетенных в канву повествования о жизни Мухаммада: эпизоды, связанные с предсказанием пророческой миссии Мухаммада, рассказы об «испытании веры» и попытки враждебных действий по отношению к пророку и исламу. Главным оценочным критерием для автора «Жизнеописания посланника Аллаха» в изображении христиан является их отношение к пророческой миссии Мухаммада и вероучению ислама. Ибн Хишам изображает христиан Аравии, противопоставляя их иудеям, причем, христиане в тексте Ибн Хишама явно выигрывают по сравнению с иудеями. Так, христиане, безусловно, признают истинность ислама и пророческой миссии Мухаммада. Даже явные расхождения мусульман и христиан в вопросах веры, не мешают последним признавать истинность ислама.

Примечательно, что такая позиция находится в явном противоречии с сочинениями христианских полемистов, таких, например, как Иоанн Дамаскин, который в первой пол. VIII в. в «Книге о ересях» называл Мухаммада лжепророком: «И вот, до времени Ираклия сарацины явно служили идолам; от его же времени и до сих пор возник у них лжепророк, называемый Мухаммед, который общался с арианским монахом, после чего составил собственную ересь. Под предлогом обращения народа к мнимому богочитанию, он распускает слух, будто ниспослано ему с неба от Бога писание» [11, с. 16]. Вряд ли стоит считать, что Ибн Хишам был незнаком с позицией христианских полемистов. Учитывая столь явное несоответствие между позицией Иоанна Дамаскина и других христианских авторов и красками в которых Ибн Хишам изображает христиан, невозможно удержаться от попыток объяснить это несоответствие. По нашему мнению, в его основе лежат как реальные исторические обстоятельства, так и та концептуальная цель, которую преследовал в своей работе Ибн Хишам.

В научной и популярной литературе неоднократно высказывались противоречивые мнения о контактах и влиянии христиан на Мухаммада и содержание его проповеди. Так, Ш. Д. Гойтейн, касаясь этой темы писал: «Предположение, что Мухаммада в начале его пророческой деятельности в основном вдохновляли христиане различных направлений, включая иудеохристиан, полностью опровергается тем простым фактом, что в ранних частях Корана, которые изобилуют повествованиями о святых людях Ветхого Завета и арабской древности, совершенно нет упоминаний о фигуре (даже имени) Христа и о чем-либо специфически христианском» [12, с. 59]. Напротив, В. В. Бартольд считал, что: «Содержание мекканских сур скорее свидетельствует о христианском, чем о еврейском влиянии» [13, с. 94]. Каков бы ни был уровень аргументации этих полярных точек зрения, отметим, что отрицание христианского влияния/участия в ранней пророческой деятельности Мухаммада разбивается о фигуру двоюродного брата Хадиджи Варака б. Науфаля, который входил в ближайшее окружение пророка и, по словам Ибн Хишама, «был христиа-

нином, читал Писание» [7, с. 66]. В этой связи, принципиально важным является свидетельство Ибн Шихаба аз-Зухри: «Тогда она привела меня к Вараке б. Науфалу б. Асаду и сказала: Послушай сына твоего брата. Он спросил меня, и я рассказал ему, что случилось со мной. Он сказал: Это намус, открытый Мусе б. Имрану. Если бы я сейчас был молод! Если бы я мог остаться живым, когда твоё племя изгонит тебя! Я сказал: Они изгонят меня? Он сказал: Не было еще человека, несущего то, что несешь ты, с которым бы не обошлись как с врагом. Если бы я дожил до твоего дня, я бы бесстрашно помог тебе» [14, с. 64]. Анализ этого отрывка позволил У. М. Уотту сделать вывод о поддержке Варакой б. Науфалем Мухаммада в ранний период получения им откровений [14, с. 76].

Другой вопрос – сколь глубоко были познания Вараки б. Науфала в христианстве? Вряд ли есть основания сомневаться в том, что: «скорее всего они состояли из некоторых идей христианского учения, почерпнутых у гонимых проповедников еретических учений, искавших убежище в Аравии, подальше от служителей официальных церквей» [10, с. 68]. Так, анализ коранического отрывка (V: 114), посвященного обряду причастия, заставил Густава фон Грюнебаума придти к выводу, что, по крайней мере, во время возможных путешествий в Сирию, у Мухаммада не было тесных контактов с христианами, а в вопросах особенностей христианской ритуальности он оставался несведущ [15, с. 29]. Действительно, кораническая критика догмата о Троице (V: 116), доктрина докетизма, представленная в Коране (IV: 156) позволяют считать, что Мухаммад контактировал с носителями идеологии многочисленных христианских неортодоксальных сект, распространенных в Аравии. Все это, в свою очередь, подводит нас к принципиально важному выводу: встреча Мухаммада в мекканский период его деятельности с носителями христианских еретических идей была встречей гонимого с гонимыми. Вероятно, некоторая общность положения не позволила христианам, с которыми контактировал пророк, занять столь же непримиримую позицию по отношению к миссии Мухаммада, как это сделали иудеи Аравии. Пророк же, со своей стороны, не мог не осознавать эту общность как общность исторических судеб других посланников (среди которых хронологически ближайшим к нему был Иса) по отношению к иудеям. Можно предположить, что реальной исторической основой «симпатий» раннего ислама к христианам, как это зафиксировано в тексте Ибн Хишама, явилось непризнание иудеями миссии Мухаммада, как и непризнание ими прежде миссии Исы, сына Марьям. В этой связи, уместно вспомнить о казнях христиан Наджрана, что нашло свое отражение в тексте Корана [16, с. 158–159]. Мусульмане как и христиане испытали «кризис идентификации перед лицом иудаизма» [17, с. 290]. Неслучайно, что одно из главных обвинений против иудеев, среди содержащихся в кораническом тексте – обвинение в том, что: «они нарушали завет, и не веровали в знамения Аллаха, **и избивали пророков без права...**» (IV: 154) [9].

Кроме того, по нашему мнению, образы христиан и иудеев, как они представлены в сочинении Ибн Хишама, формировались под влиянием определенной, преследуемой автором, цели. Цель эта состояла в доказательстве универсализма ислама. Отсюда становятся понятными и упреки в адрес иудеев, которые не смогли, в изображении Ибн Хишама, преодолеть этно-конфессиональной замкнутости, и за-

вуалированные комплименты христианам, которые максимально приблизились к пониманию универсальной сути ислама.

Список использованных источников и литературы

1. Бойко К. А. Сира / К. А. Бойко // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.
Boyko K. A. Sira / K. A. Boyko // Islam: Entsiklopedicheskiy slovar.
2. Куделин А. Б. "Ас-Сира ан-набавийя" Ибн Исхака – Ибн Хишама (к истории текста и проблеме авторства) / А. Б. Куделин // Письменные памятники Востока. – 2009. – № 2 (11). – С. 90–100.
Kudelin A. B. "As-Sira an-nabavijja" Ibn Ishaka – Ibn Hishama (k istorii teksta i probleme avtorstva) / A. B. Kudelin // Pis'mennyye pamjatniki Vostoka. – 2009. – № 2 (11). – S. 90–100.
3. Пиотровский М. Б. Мухаммад и начало ислама. Введение / М. Б. Пиотровский // Хрестоматия по исламу. – М.: Наука, 1994. – С. 9–11.
Piotrovskij M. B. Muhammad i nachalo islama. Vvedenie / M. B. Piotrovskij // Hrestomatija po islamu. – M.: Nauka, 1994. – S. 9–11.
4. Куделин А. Б. О поэтическом компоненте "Жизнеописания Пророка" Ибн Исхака – Ибн Хишама / А. Б. Куделин // Письменные памятники Востока. – 2006. – № 2 (5). – С. 178–189.
Kudelin A. B. O poeticheskom komponente "Zhizneopisanija Proroka" Ibn Ishaka – Ibn Hishama / A. B. Kudelin // Pis'mennyye pamjatniki Vostoka. – 2006. – № 2 (5). – S. 178–189.
5. Абу Йусуф Йакуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / Йусуф Абу / пер. А. Э. Шмидта. – СПб.: "Петербургское Востоковедение", 2001. – XXXIII + 415 с.
Abu Jusuf Jakub b. Ibrahim al-Kufi. Kitab al-Haradz / Jusuf Abu / per. A. Je. Shmidta. – SPb.: "Peterburgskoe Vostokovedenie", 2001. – XXXIII + 415 s.
6. Мец А. Мусульманский Ренесанс / А. Мец. – М.: "ВиМ", 1996. – 544 с. Мес А. Musul'manskij Renesans / A. Mec. – M.: "ViM", 1996. – 544 s.
7. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада / Хишам Ибн / пер. Н. А. Гайнуллина. – М.: Издательский дом "УММА", 2002. – 485 с.
Ibn Hisham. Zhizneopisanie Proroka Muhammada / Hisham Ibn / per. N. A. Gajnullina. – M.: Izdatel'skij dom "UMMA", 2002. – 485 s.
8. Французов С. А. Этнорелигиозная ситуация в Хадрамауте в VI – VII вв. / С. А. Французов // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. – Т. 1. – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 551 с.
Francuzov S. A. Jethnoreligioznaja situacija v Hadramaute v VI – VII vv. / S. A. Francuzov // Hadramaut. Arheologicheskie, jethnograficheskie i istoriko-kul'turnye issledovanija. Trudy Sovetsko-Jemenskoj kompleksnoj jekspedicii. – T. 1. – M.: Vostochnaja literatura RAN, 1995. – 551 s.
9. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – Баку: Язычы, 1990. – 744 с.
Koran / per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku: Jazychy, 1990. – 744 s.
10. Большаков О. Г. История Халифата. – Т. 1: ислам в Аравии (570–633) / О. Г. Большаков. – М.: Наука, 1989. – 312 с.
Bol'shakov O. G. Istorija Halifata. – T. 1: islam v Aravii (570–633) / O. G. Bol'shakov. – M.: Nauka, 1989. – 312 s.
11. Византийские сочинения об исламе (тексты переводов и комментарии) / под ред. Ю. В. Максимова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – 230 с.
Vizantijskie sochinenija ob islame (teksty perevodov i kommentarii) / pod red. Ju. V. Maksimova. – M.: Izd-vo PSTGU, 2006. – 230 s.
12. Гойтейн Ш. Д. Евреи и Арабы / Ш. Д. Гойтейн. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2001. – 286 с.
Gojtejn Sh. D. Evrei i Araby / Sh. D. Gojtejn. – M.; Ierusalim: Mosty kul'tury, 2001. – 286 s.
13. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В. В. Бартольд. – М.: Вост. лит., 2002. – 784 с.
Bartol'd V. V. Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata / V. V. Bartol'd. – M.: Vost. lit., 2002. – 784 s.
14. Уотт У. М. Мухаммад в Мекке / У. М. Уотт. – СПб.: ДИЛЯ, 2006. – 272 с.
Uott U. M. Muhammad v Mekke / U. M. Uott. – SPb.: DILJa, 2006. – 272 s.

15. Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Г. Э. фон Грюнебаум. – М.: Наука, 1986. – 216 с.
Grjunebaum G. Je. fon. Klassicheski islam. Oчерk istorii (600–1258) / G. Je. fon Grjunebaum. – М.: Наука, 1986. – 216 s.
16. Пиотровский М. Б. Коранические сказания / М. Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1991. – 219 с.
Piotrovskij M. B. Koranicheskie skazanija / M. B. Piotrovskij. – М.: Наука, 1991. – 219 s.
17. Кирей Н. И. Этнография арабов Передней Азии и Северной Африки / Н. И. Кирей. – Краснодар: КГУ, 1996. – 391 с.
Kirej N. I. Jetnografija arabov Perednej Azii i Severnoj Afriki / N. I. Kirej. – Krasnodar: KGU, 1996. – 391 s.

Spivak I. A. The Christians of Arabia shown by Ibn Hisham / I. A. Spivak // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 84–92.

The Article is devoted to the identification of the pattern image of the Christians of Arabia in the text «The Biography of the Allahmessenger» by Ibn Hisham. The analysis is conducted by comparing in the text two opposing religious groups—Christians and Jews. In this Ibn Hisham`s work there are three clearly distinguished groups of Christians and Jewstestimonies, arranged in chronological order and woven into this text about the life of Muhammad: the episodes associated with the prediction of the prophetic mission of Muhammad, the stories about the «faithtest» and hostile actions against the prophet and Islam. The main evaluation criterion for the author of the «The Biography of the Allahmessenger» it was Christians relationship to the prophetic mission of Muhammad and Islam. According to this criterion, Ibn Hisham portrays Arabian Christians, confronting them with the Jews, and Christians in the text of Ibn Hisham have clear benefit if comparing them to the Jews. So Christians, of course, recognize the truth of Islam and the prophetic mission of Muhammad. Even the obvious differences between Muslims and Christians in the dogmas of the faith, do not prevent in Ibn Hisham work accept the truth of Islam by Christians. The probable reason for this was the fact that Muhammad in the early period of his activity was in contacts with representatives of the Christian heretical sects, which, as he were persecuted, that is why them, unlike the Jews, had not an uncompromising attitude towards the activities of the prophet. In the attitude formation toward Christians had tradition support of Muhammad by a cousin of the prophet`s first wife, which was close to Christianity had a great importance and events associated with persecuted Muslims escapeto Christian Ethiopia also. In addition, we cannot ignore that Muslims, just like Christians were rejected by Jews and experienced a «crisis of religious identity faced with Judaism». Thus, Ibn Hisham shawn accusations of the Jews, because they could not overcome ethno-confessional isolation, and hidden compliments to Christians because they were very close to understanding the universal nature of Islam.

Keywords: the biography, Ibn Hisham, Jews, Muhammad, Christians.

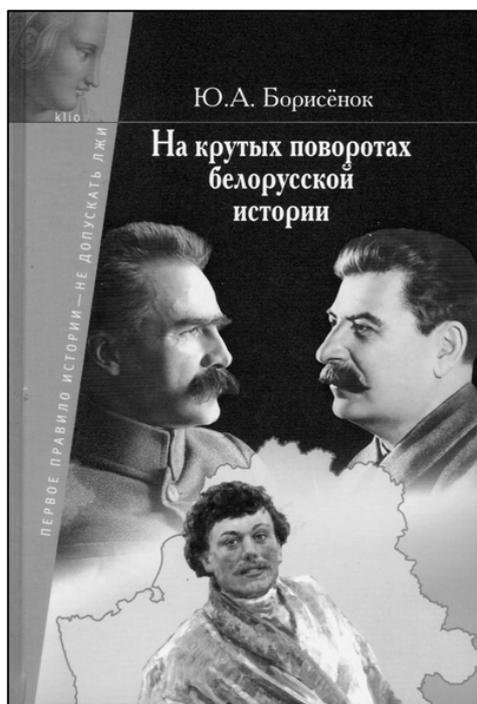
РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(476)<19>

МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ, МЕЖДУ ЮЗЕФОМ И ИОСИФОМ

Непомнящий А. А., Калиновский В. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: aap@home.cris.net; kalinovskiy@ukr.net*

Рец. на кн.: Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 352 с.

Ключевые слова: Белоруссия, белорусизация, монография, рецензия.

Судьба любого региона, находящегося рядом с амбициозными соседями, – быть объектом постоянных посягательств с их стороны. Никогда не была исключением территория Республики Беларусь – край, о котором поэт Владимир Короткевич написал: Там зьвіняць неўміручыя песні на поўныя грудзі, Там спрадвеку гучыць мая мова, булатны клінок. Тая гордая мова, якую й тады не забудзем, Калі сонца зь зямлёю ў апошні заглябцяца змрок.

Пережить все тяготы и лишения, сохранив свою самобытность – задача не из легких. Особенно, когда на плечи падает «век-волкодав» в облики Польского государства и Советского Союза. Жителям белорусских земель довелось немало испытать только за XX столетие, не говоря уже о более ранних временах. Тем больший интерес вызывает каждая попытка проанализировать наиболее сложные и дискуссионные вопросы истории региона. К их числу относится монография кандидата исторических наук, главного редактора журнала «Родина» Юрия Аркадьевича Борисёнка. Что же скрывается под обложкой, на которой нищенствующий Юзеф Пилсудский всматривается в глаза ухмыляющемуся Иосифу Сталину, а разделяет их лишь контур белорусских земель?

Во введении рассмотрены мотивы, заставившие взяться автора за перо. Ю. А. Борисёнок справедливо заметил, что комплексного фундаментального иссле-

дования по истории Белоруссии так и не было создано и, по его оценке, оно вряд ли появится в ближайшее время. В этой связи стало актуальным решить довольно трудную задачу: выявить и уточнить причины, ход и результаты государствообразующих и нациетворческих процессов на этнических белорусских землях (с. 7). К крутым поворотам истории этого региона исследователь справедливо причисляет события 20–40 годов XX столетия. Неравнодушно Ю. А. Борисёнок относится к работам предшественников, отмечая сильные и слабые стороны их публикаций. Более других комплиментов и замечаний досталось современным ученым, что не удивительно по причине лавины монографий и статей, появившихся после открытия архивов и снятия с ряда документов грифа секретности. Стоит выделить следующую мысль авторитетного исследователя, которую следовало бы знать отдельным немалым критикам: «Куда более логично оценивать сочинение с точки зрения того, что историк смог сделать» (с. 15).

Первая глава монографии посвящена рассмотрению белорусской проблемы до начала XX века. В ней автор последовательно характеризует ключевые моменты истории белорусских земель: их пребывание в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, разделы этого государства, Польское восстание 1830–1831 годов. Здесь же впервые поставлен вопрос об идентификации белорусов, о признании другими народами самого существования данного этноса.

Один из наиболее интересных сюжетов, представленных в данной главе – превращение поляка Винцента Константина Калиновского в белорусского национального героя Кастуся Калиновского (с. 64–78). Ю. А. Борисёнок блистательно провел деконструкцию этого мифа. Он отметил, что до начала XX века никто не воспринимал предводителя восстания 1863 года как белоруса. Коренной перелом в восприятии образа революционера произошел, по замечанию исследователя, после выхода на советские экраны в 1928 году фильма «Кастусь Калиновский». Не без подсказок со стороны союзного руководства, фильм был сделан крайне далеким от реальных событий, но фиксировал главное: статный главный герой боролся не только против царизма и его сатрапов в лице генерала Муравьева, но и против польских помещиков и католического духовенства. Подтекст в свете советско-польских разногласий, в том числе и по белорусскому вопросу, вполне очевиден. Как и многие мифологизированные образы сталинского времени (вспомним хотя бы князя Александра Невского, известного широким народным массам в основном в воплощении Николая Константиновича Черкасова в фильме Сергея Михайловича Эйзенштейна), Кастусь Калиновский закрепился в пантеоне героев. Как отметил Ю. А. Борисёнок, его фигура, уже в статусе борца за народное счастье, использовалась, в том числе во время Великой Отечественной войны (с. 78).

Во второй главе дан обзор основных этнополитических механизмов модернизации. Автором сделан вывод об угрозе растворения белорусов в начале XX века – либо под воздействием православных великороссов, либо под влиянием католиков-поляков (с. 93). Спасти положение могло оформление самобытного национального литературного языка. Ю. А. Борисёнок в качестве примера привел сербского просветителя Вука Караджича (с. 93–95). В его роли для белорусов выступил никто иной, как «корифей всех наук» Иосиф Виссарионович Сталин, в своем докладе на X

съезде ВКП(б) подтвердивший существование отдельной «белорусской национальности» и существование у нее своего языка, «отличного от русского» (с. 96). Впрочем, ничего удивительного и экстраординарного в этом нет. Так, одним из главных инициаторов и руководителей украинизации был Лазарь Моисеевич Каганович.

В третьей главе охарактеризованы административно-государственные механизмы модернизации. Раскрывается один из главных сюжетов монографии Ю. А. Борисёнка – феномен белорусизации. Вот как она представлена в песне современно-го белорусского автора Лявона Вольского:

Дваццатыя гады. Векапомны час.
Беларусізацыя пануе ў нас.
Пісьменьнікі пішуць выдатныя творы,
Мастакі ў Вітэбску заўсёды ў гуморы...
І гэтак было, пакуль не прыйшоў
Год трыццаць сёмы, крывавае шоў.

На деле все было гораздо сложнее и многограннее, в чем и убеждает нас рецензируемая монография. Акцент сделан на вопросах образования, в особенности на разнице в подходах к белорусскому вопросу в Польше и СССР. Поляки стремились как можно скорее ассимилировать белорусов, на что были направлены все силы образовательного аппарата Второй Речи Посполитой. В качестве доказательства в монографии Ю. А. Борисёнка приведены противоречивые воспоминания Александра Наполеоновича Шемеля. Любопытно, что упоминаемый в мемуарах стишок «– Кто ty jesteś? – Polak mały» (с. 169), известный также как «Катехизис польского ребенка», до конца своих дней помнила бабушка одного из авторов рецензии (В. К.), которая в описываемые в монографии годы училась в одной из школ Брестского повята Полесского воеводства. Советская власть наоборот, пыталась всячески поддерживать именно белорусскую национальную культуру. Впрочем, продолжалось это не долго, о чем красноречиво свидетельствуют опубликованные Ю. А. Борисёнком материалы. Наиболее показательное направленное вождю мирового пролетариата сообщение первого секретаря ЦК БССР Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко о белорусском языке, культуре и писателях, датированное 1938 годом (с. 179–182). Как и товарищ Сталин, П. К. Пономаренко, инженер по образованию, познал толк в языкознании, поэтому бдительно сообщал о том, что «лозунг «Да здравствует годовщина Октябрьской революции» на белорусском языке «Няхай живе гадавіна Кастрычніцкай рэвалюцыі», испохаблен от начала до конца». Подбор документов в монографии в сочетании с гармоничными содержательными и колоритными авторскими комментариями следует отнести к несомненным достоинствам книги.

Отметим проведенную автором колоссальную археографическую работу. Во втором разделе монографии, «Белорусизация и границы БССР в документах союзного центра», им впервые опубликовано 15 важнейших архивных документов, характеризующих политику советской власти в регионе. Из приведенных материалов следует, что для решения «белорусского вопроса» союзный центр обращался и к историческому опыту, что следует из доклада Комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) о расширении границ республики, сделанного в ноябре 1923 года (с. 202–202). В нем

партийные деятели опирались не только на доклады губкомов, но и на историко-этнографические источники, материалы Госплана и Центрального статистического управления, в том числе на результаты переписей населения. Именно близость в бытовом, этнографическом и хозяйственно-экономическом отношении нескольких уездов стала поводом для их включения в состав Советской Белоруссии.

Еще одним фактором политики СССР на белорусских землях в 20–40-е годы XX века стала специфика взаимоотношений с Польским государством, которое не смирилось с потерей этих территорий по результатам Рижского мира и считало этот факт исторической несправедливостью (с. 212–213). Опубликованные Ю. А. Борисёнок документы наглядно иллюстрируют весь спектр процессов, происходивших в БССР: от утверждений местного партийного руководства об особенно сильной любви к Красной армии в связи с постоянной польской угрозой (с. 218) до особенностей проведения белорусизации и административного переустройства республики в 1944 году (с. 334–336).

Уделим должное внимание и заключению, в котором Ю. А. Борисёнок кратко представляет послевоенное развитие Белоруссии, практически лишенное «крутых поворотов». В нем нашлось место и начавшейся индустриализации, подарившей Советскому Союзу знаменитые МАЗы, и образовательной политике в республике, и Петру Мироновичу Машерову, чья жизнь (горькая ирония судьбы!) оборвалась после столкновения с груженным картофелем самосвалом. Разумеется, упомянуты и легендарные «Песняры» во главе с Владимиром Георгиевичем Мулявиным. Все названные личности и явления оказали влияние и на внутреннюю жизнь Белоруссии, и на массовые представления о союзной республике. При этом ни советская модернизация, ни современная глобализация не сумели затронуть традиционные, глубинные основы белорусского общества.

В заключение выделим замечательные заголовки, данные автором для разделов. Насколько точно и образно звучит, к примеру, название историографического обзора – «Вести с исхоженных тропок и непаханных полей исторической науки». Щедрой рукой блестящего историка по всему тексту рецензируемой монографии рассыпаны уместные аллюзии и цитаты из литературы и кинематографа. Так, сюжет о государственном воспитании на белорусских землях, входивших в состав Польши (с. 170), сопровождается отрывком из песни неувядающего творческого союза Александры Пахмутовой и Николая Добронравова о комсомоле, демонстрирующего родство принципов патриотического воспитания в двух государствах. По нашему мнению, подобное «оживление» текста идет только на пользу повествованию.

Как все мы помним из фильма «Семнадцать мгновений весны», запоминается последняя фраза. В рецензируемой монографии она имеет такой вид: «Ясь продолжает косить свою вечную конюшину...». Остается только пожелать Юрию Аркадьевичу продолжать косьбу на ниве исторической науки и регулярно снимать с нее урожай в виде новых открытий и публикации увлекательных исследований.

Непомнящий А. А. Между западом и востоком, между Юзефом и Иосифом / А. А. Непомнящий, В. В. Калиновский // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2014. – Т. 27 (66), № 4 – С. 93–97.

В рецензии дана положительная оценка монографии известного российского исследователя Юрия Аркадьевича Борисёнка «На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века». Данная работа является первым комплексным научным трудом, в котором выявлены и уточнены ход, причины и результаты государствообразующих и нациетворческих процессов на этнических белорусских землях. Во всех разделах монографии последовательно рассмотрены основные аспекты возникновения и вариантов решения «белорусского вопроса». В частности, детально деконструировано происхождение мифа о национальной природе восстания Винцента Константина (Кастуся) Калиновского. Наиболее основательно Ю. А. Борисёнком проанализированы события 20х–30-х годов XX века, когда белорусские земли стали ареной противостояния Польши и Советского Союза. Так, историк проследил механизмы реализации и результаты политики белорусизации. Следует отметить проведенную исследователем археографическую работу. Им опубликовано 15 важнейших документов, характеризующей политику советской власти в крае. Монография Ю. А. Борисёнка закрывает существующую в историографии лауну и является ценным вкладом в разработку проблем региональной истории.

Ключевые слова: Белоруссия, белорусизация, монография, рецензия.

Nepomnyaschy A. A. Between the East and the West, between Jozef and Joseph / A. A. Nepomnyaschy, V. V. Kalinovsky // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), № 4. – P. 93–97.

This review positively evaluates the monograph of the famous Russian researcher Yuri Arkadievich Borisyonok «At the sharp turns of the Byelorussian history: society and the state between Poland and Russia in the first half of the XX century». This work is the first comprehensive scientific work, which identified and refined the course, causes and results of the state-building processes and nation-building processes on the ethnic Byelorussian lands. In the all sections of the monograph the main aspects of the emergence and solutions to the "Byelorussian issue" are described. In particular, there was meticulously deconstructed the myth of the origin of the national nature of the rebellion of Vincent Constantine (Kastus') Kalinovsky. The events of 20x-30-ies of XX century, when the Byelorussian lands became an arena of confrontation for Poland and the Soviet Union, were also thoroughly analyzed by Y. A. Borisyonok. Thus, the historian traced the mechanism of implementation and the results of the Byelorussization policy. It should be noted conducted by researchers. The archaeological work conducted by the researcher also should be noted. He has published 15 important documents that characterized the policy of the Soviet government in the province. Y. A. Borisyonok monograph close the existing gap in the historiography, and also is a valuable contribution to the development problems of the regional history.

Keywords: Byelorussia, Byelorussization, monograph, review.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андреева
Лариса Юрьевна** кандидат исторических наук, преподаватель кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
- Ганкевич
Виктор Юрьевич** доктор исторических наук, профессор
- Задерейчук
Иван Панасович** кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Крымского института права (г. Симферополь)
- Калиновский
Владимир
Витальевич** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
- Лейбенсон
Юлия Тарасовна** аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
- Леписевич
Наталья Зеноновна** аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
- Манаев
Александр Юрьевич** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
- Непомнящий
Андрей Анатольевич** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
- Османов
Элвис Эдемович** аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
- Соколов
Андрей Андреевич** соискатель кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

**Спивак
Игорь Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Древнего мира и Средних веков Таврического
национального университета имени В. И. Вернадского
(г. Симферополь)

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева Л. Ю.	
Эпистолярное наследие академика живописи Н. С. Самокиша: письма И. М. Шаповала (1930–1935)	3
Ганкевич В. Ю.	
Охота и птицеводство а Аскании-Нова в первой половине XIX века	13
Задерейчук И. П.	
Благотворительная деятельность немцев Крыма в период военных действий Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.	19
Лейбенсон Ю. Т.	
Ars medica северопонтийских городов в античную эпоху	26
Леписевич Н. З.	
Журнал «Морской сборник» как источник по биографии выдающихся деятели Черноморского флота	41
Манаев А. Ю.	
К вопросу о состоянии архитектурных памятников Крыма в 1944 году.....	54
Османов Э. Э.	
Мечети Биюк Хан-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае.....	65
Соколов А. А.	
Памятники культовой архитектуры Крыма в эпоху хрущевских религиозных гонений (конец 50-х – середина 60-х гг. XX века).....	76
Спивак И. А.	
Христиане Аравии в изображении Ибн Хишама.....	84

РЕЦЕНЗИИ

Непомнящий А. А., Калиновский В. В.	
Между Западом и Востоком, между Юзефом и Иосифом	93
Сведения об авторах	98